НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ ФИЛОСОФІЯ,

СОДЕРЖАЩАЯ

Естественное Право, Этику, Политику, Экономію и другія вещи, для знанія нужныя и полезныя.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА

Профессоръ Дмитрій Синьковскій.

МОСКВА.
ВЪ Типографіи Компаніи Типографической, съ Указнаго дозволенія.
1788.

НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ ФИЛОСОФІЯ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

§ 1.

Когда наше намѣреніе нынѣ въ томъ состоитъ, чтобъ ясно предложить правила, съ которыми нравы человѣческіе сображать должно: то за нужное себѣ почитаемъ, чтобы вопервыхъ свойство Философіи, называемой Практической, или Дѣятельной (Practicae, ſiue Actiuae), а по томъ и каждую ея часть обстоятельно изслѣдовать.

§ 2.

И такъ ради лучшаго понятія того, что составляетъ Философію Практическую, или Нравоучительную (Moralem), должно примѣчать слѣдующія положенія:

I. Опытъ довольно всякаго научаетъ, что воля наша того только желаетъ, что мы себѣ какъ нѣкое добро представить можемъ, и отъ того только убѣгаетъ и отвращается, что за худое почитаемъ.

Сіе положеніе въ Метафизикѣ довольнѣе изъяснено, и утверждено § 230.

II. Слѣдовательно дознаемъ опытомъ, что мы часто по заблужденію, не знаю какому,

мнѣнія то почитаемъ за добро, что совсѣмъ худо; а что добро, то не рѣдко имѣемъ за худое.

III. Того ради воля, идучи прямою стезею, стремится равнымъ образомъ какъ на истинное, такъ и худое, и часто отвращается отъ добраго и полезнаго. Потому никто удивляться не долженъ, что нѣкоторые люди, впадши во всякія стремнины и въ самую смертоносную погибель, лишаются истиннаго и вѣчнаго благополучія.

IV. По чему людямъ, къ благопристойности и благополучію рожденнымъ, сколь принадлежитъ конца своего не лишаться, столь также нужно показать имъ путь и способъ, по которому бы они волю такъ могли управлять и соображать, чтобъ она единственно на истинное добро стремилась, и отъ всего худаго и вреднаго уклонялась и отвращалась.

V. И сіе-то есть, въ чемъ Философія Практическая, или Дѣятельная, или лучше сказать Нравоучительная, упражняется.

VI. Изъ сего видно, что Философія Практическая, или Нравоучительная, есть не что иное, какъ часть Философіи, которая предлагаетъ правила, управляющія волю человѣческую во избираніи добра и во избѣжаніи худаго.

§ 3.

Оное Философіи Практической опредѣленіе (Definitio) напередъ утвердивъ, удобно нынѣ уразумѣешь тѣ предложенія, кои въ томъ опредѣленіи содержатся, и оныя мы, какъ можно, пристойнымъ порядкомъ изъяснимъ.

I. Когда Философія Практическая, или Нравоучительная предлагаетъ правила, волю человѣческую управляющія во избираніи добра и во избѣжаніи худаго (§ 2. пол. VI.): то вопервыхъ должно въ оной показать, какое то есть добро, котораго волѣ желать, и какое то худо, отъ котораго ей же отвращаться надобно.

II. И такъ въ Философіи Практической надлежитъ показать извѣстныя нѣкоторыя правила и предложенія, чтобъ онѣ ограничивали добро и худо; и тѣмъ бы человѣку изъяснили и предписали, чего желать онъ, или также отвращаться и убѣгать долженъ.

III. Правила, кои человѣку объявляютъ, что ему дѣлать, чего убѣгать надлежитъ, должны быть силамъ человѣческимъ пристойныя, то предписывающія, что состоитъ въ силахъ и власти человѣческой. Силы, какъ душѣ, такъ и тѣлу человѣческому данныя, составляютъ естество человѣческое (§ 163. Космол.). По тому правила и законы, въ Философіи Дѣятельной предлагаемыя, должно выводить изъ самаго естества человѣческаго.

IV. Оттуда происходитъ новая наука Практическая, которая изъясняетъ законы естественные, обязующіе человѣка дѣлать доброе и убѣгать худаго. Оная наука называется *Право Естественное*, которое состоитъ въ знаніи законовъ естественныхъ, человѣка обязующихъ.

V. А для утвержденія человѣческаго благополучія не довольно предписать только человѣку правила, съ коими бы онъ дѣйствія свои соображалъ, или какъ все равно, приказывать

ему и запрещать, что дѣлать онъ и оставлять долженъ: но сверьхъ того надлежитъ показать способъ и дорогу, какъ можетъ человѣкъ закону естественному повиноваться, и тѣмъ его повелѣніе исполняя, утвердитъ и разпространитъ свое благополучіе.

VI. Изъ сего происходитъ иная наука, отъ первой совсѣмъ различная, которая предлагаетъ правила, показывающія способъ и дорогу, какъ надобно соображать дѣйствія свои съ тѣмъ, что повелѣно, или запрещено по законамъ, утверждающимся на Правѣ Естественномъ. Оную науку именуемъ *Этика* (нравственная), которую справедливо называемъ знаніемъ такихъ правилъ (Regularum), кои показываютъ образецъ и способъ, какъ надобно дѣлать то, что по Праву Естественному уставлено, и то оставлять, что по томужъ Праву запрещено.

VII. О человѣкѣ разсуждать можно, или какъ о человѣкѣ только, или поелику онъ живетъ въ обществѣ и гражданскомъ содружествѣ. Что человѣку, поелику есть человѣкъ, должно дѣлать, или оставлять, тому учитъ Право Естественное и Этика, съ тѣмъ только, что оно предписываетъ хранить законы; а сія показываетъ способъ и дорогу, какъ надобно повиноваться законамъ естественнымъ (пол. VI) А что человѣку, поелику есть гражданинъ, должно дѣлать, или оставлять, тому учитъ *Политика*.

VIII. Изъ сего слѣдственно *Политика* есть ничто иное, какъ знаніе, или наука, предлагающая правила, по которымъ человѣкъ, поелику какъ гражданинъ, живетъ въ обществѣ, долженъ свои дѣйствія исправлять и съ ними соображать.

IX. Но всѣ сіи части Философіи Дѣятельной, или Практической, несправедливо будемъ предлагать, естьли прежде Математическимъ порядкомъ не утвердимъ нѣкоторыя начала и основанія, чтобъ изъ оныхъ по правильному сопряженію можно было доказывать истинны и положенія, какъ въ Этикѣ, такъ и въ Правѣ Естественномъ и Политикѣ находящіяся.

X. И такъ въ доказательствѣ оныхъ понятій всеобщихъ (Notiones vniuersales) и Генеральныхъ положеній упражняется Философія *Практическая Универсальная*, которая ничто иное есть, какъ такое знаніе, въ которомъ самыя Генеральныя предлагаются основанія и начала, изъ коихъ правила о нравахъ и истинны наукъ Практическихъ по правильному союзу доказывать можно.

§ 4.

Теперь понятно тебѣ, какія науки содержатся въ объятіи Философіи Нравоучительной, или Практической. Также видно тебѣ, какимъ образомъ для толкованія порядокъ надобно учредить въ изъясненіи нравоучительныхъ наукъ.

I. Начала Генеральныя прежде должно утвердить и всеобщія понятія изъяснить, безъ коихъ не можно уразумѣть истиннъ Права Естественнаго и Этики. И потому Философію Практическую Универсальную, или Генеральное ученіе о нравахъ сперва будемъ изъяснять.

II. Послѣ сего правила прилѣжно вычислимъ, которыми каждой человѣкъ, разсуждаемый какъ человѣкъ, обязуется дѣлать добро, и убѣгать худаго. Понеже сему должно быть въ Правѣ Естественномъ (§ 3. пол. IV), то мы во второмъ мѣстѣ изъяснимъ Право Естественное.

III. По томъ способъ и путь покажемъ, какъ можно снискать навыкъ, или удобность жить сходно съ закономъ естественнымъ. Оное понеже надлежитъ до Этики (§ 3. пол. VI), то сія въ третьемъ мѣстѣ слѣдовать будетъ.

IV. Наконецъ то будемъ толковать, что человѣку наблюдать надобно, поелику онъ живетъ въ обществѣ. Изъ сего Политика въ послѣднемъ мѣстѣ произойдетъ.

ГЛАВА I.

О дѣйствіяхъ человѣческихъ и оныхъ разности.

§ 5.

Понеже въ Философіи Нравоучительной, которая учитъ, чего желать и убѣгать надлежитъ, Универсальныя понятія напередъ, а Генеральныя положенія вмѣсто основанія послѣ должно положить (§ 4. пол. I): то намъ нужно изъяснить, „что есть дѣйствіе свободное, „что доброе дѣйствіе, что худое, что есть за„конъ, обязательство, наказаніе, награжденіе, „добродѣтель, порокъ, благополучіе, совѣсть „и прочая.„

§ 6.

По наученію самаго опыта знаемъ, что дѣйствія нѣкоторыя, въ человѣкѣ находящіяся, суть таковыя, что не состоитъ въ нашей власти, исполнять ли оныя, или нѣтъ; а иныя происходятъ отъ человѣческой свободы, такъ что оныя добровольно или исполнять можемъ, или оставлять.

Первыя называемъ дѣйствіями *необходимыми*, также и *естественными* (Actiones neceſſarias, naturales), а другія *свободными*, иногда и *нравственными*, (Liberas, morales).

На пр. Что душа мыслитъ, и понятія производитъ, сіе дѣйствіе души есть необходимое, или естественное. Потому что не состоитъ ни у кого въ волѣ и власти, думать ли ему, или нѣтъ. Ибо душа внутреннимъ и непрестаннымъ какъ бы движеніемъ будучи колеблема, хотя мы хотимъ, или не хотимъ, производитъ свои понятія. Вареніе желудка также есть естественное дѣйствіе, или необходимое; для того что желудокъ по своему сложенію и внутренной силѣ единственно опредѣленъ варить пищу, хотябъ того человѣкъ хотѣлъ, или не хотѣлъ. Но естьли кто негодную книгу въ руки возметъ, и оную прочитаетъ, тогда сіе дѣйствіе есть свободное; ибо можно было иную книгу, притомъ и чистѣйшую и полезнѣйшую читать, и кто читаетъ книгу негодную, сіе состоитъ во власти и волѣ его, читать ли ему оную, или нѣтъ.

Нѣкоторые думаютъ, что между дѣйствіемъ необходимымъ и свободнымъ какъ бы посредствен-

ственное лежитъ дѣйствіе смѣшенное. Говорятъ они, что человѣкъ дѣйствіе смѣшенное исполняетъ, хотя свободно, но не охотно; или *дѣйствіе смѣшенное* (Actio mixta) тогда называется, когда кто по важной необходимости выбираетъ и исполняетъ нѣкоторое, какъ меньшее худо, которое онъ безъ сей необходимости никогдабъ не исполнилъ.

На пр. Когда купецъ, отъ морскаго волнованія и непогоды въ опасность живота пришедши, за тѣмъ товары въ море бросаетъ, чтобъ ему жизнь свою спасти: тогда оное бросаніе товаровъ въ море, купцомъ исполняемое, называется дѣйствіемъ смѣшеннымъ; ибо онъ дѣйствіе свое исполняетъ свободно, но не охотно.

Нѣкоторые здѣсь токмо разсуждаютъ о разности дѣйствія *человѣческаго* (Humanæ), и дѣйствія *человѣка* (Hominis); но все оное по мнѣнію нашему не требуетъ пространнаго и дальнаго вычисленія. И такъ не много о семъ здѣсь примѣтимъ, а именно: дѣйствіе *человѣка* (Actio hominis) называется то, которое человѣкъ имѣетъ общее съ скотами. На пр. спать, ѣсть, пить, подобное себѣ раждать, расти, и пр. А *дѣйствіе человѣческое* (Actio humana) называется то, которое человѣкъ не имѣетъ общее съ скотами, или растеніями. На пр. доброе отъ худаго различать, разсуждать и одно изъ другаго понимать, также дѣлать то, что съ закономъ согласно. Такимъ же почти образомъ въ общемъ житіи различается между собою дѣйствіе Царя и дѣйствіе Царское. Іаковъ I, Король Аглинской, многія

Схоластическія рѣчи въ собраніи говаривалъ, сіе дѣйствіе было Царя, а не Царское.

§ 7.

Сіе напередъ утвердя, можно разумѣть слѣдующія положенія:

I. Никакое дѣйствіе не можно назвать свободнымъ, кромѣ того, которое исполняется по опредѣленію воли. Ибо никто не можетъ свободно дѣйствовать, кромѣ того, кто изъ многихъ возможныхъ выбираетъ то, что ему весьма нравится (по опредѣл. *свободы* § 267. пол. VIII. Метафиз. показано). Никто изъ многихъ возможныхъ не можетъ выбрать того, что изрядно нравится, ежели онъ одного больше другаго не будетъ желать (по опредѣл. *избиранія*, Electionis). Никто не можетъ желать одного больше другаго, развѣ по опредѣленію воли (ибо сіе слово желать (Appetere) ни откуда, какъ только отъ воли имѣетъ начало, что и самое опредѣленіе воли доказываетъ). Слѣдовательно никто не можетъ свободно дѣйствовать, кромѣ того, кто дѣйствуетъ по опредѣленію воли. Слѣдовательно никакое дѣйствіе не можно назвать свободнымъ, кромѣ того, которое по опредѣленію воли исполняется.

II. Никакое дѣйствіе свободнымъ не можно назвать, кромѣ того, которое исполняется по указанію напередъ разума. Ибо естьли дѣйствіе свободное есть то, которое отъ свободы происходитъ (§ 6. пол. VI); а тамъ никакая свобода мѣста не можетъ имѣть, гдѣ нѣтъ мѣста разуму (§ 267. Метафиз.): слѣдовательно никакое дѣйствіе свободнымъ не можно

жно назвать, кромѣ того, которое исполняется по указанію напередъ разума.

III. Изъ сего понятно, что нѣкоторые Философы разумъ и волю справедливо называютъ *началами* свободныхъ дѣйствій (Principia). См. Рейнекціево Право Естественное и Народное. § 30.

IV. Причина видна, для чего *Пуфендорфъ* дѣйствіе человѣческое (такъ онъ называетъ дѣйствіе свободное) опредѣлилъ чрезъ такое движеніе, которое исполняется по указанію напередъ разума и по опредѣленію воли.

V. Изъ сего явствуетъ, что тѣ дѣйствія, которыя человѣкъ исполняетъ, лишившись разума и его средствій, никакимъ образомъ причислять не надлежитъ къ дѣйствіямъ свободнымъ.

VI. И такъ дѣйствія людей бѣснующихся, безумныхъ, ночью бродящихъ, крайнѣ пьяныхъ, крѣпко спящихъ, не должно почитать за свободныя.

§ 8.

Всякое свободное дѣйствіе, человѣкомъ исполняемое, есть такое, что отъ него нѣкоторыя происходятъ перемѣны въ человѣкѣ и его состояніи, или внѣшнемъ, или внутреннемъ, что и опытъ и свое чувство всякому доказываютъ.

Естьли Кай роскошнымъ житіемъ имѣніе расточа, собираетъ рачительно свое домостроительство, не происходятъ ли отъ сего расточенія безчисленныя перемѣны въ Каіевомъ состояніи, или внутреннемъ, или внѣшнемъ, кои справедливо назвать можно приключеніями, или слѣдствіями расточенія?

§ 9.

§ 9.

Того ради, когда отъ всякаго человѣческаго свободнаго дѣйствія происходятъ нѣкоторыя слѣдствія и перемѣны, какъ бы учиненія отъ своей причины (§ 8): то удобно можно тебѣ понять, что оныя перемѣны, отъ свободныхъ дѣйствій происходящія, суть таковыя, что сходствуютъ съ естествомъ человѣческимъ, и сохраняютъ и умножаютъ силы, тѣлу и душѣ отъ Бога данныя, и за тѣмъ новое состояніе, отъ дѣйствія выходящее, согласно бываетъ съ состояніемъ прежнимъ, или тѣ перемѣны суть такого свойства, что онѣ противны естеству человѣческому, состоящему въ объятіи силъ, Богомъ въ душѣ и тѣлѣ изображенныхъ, и для того производятъ новое состояніе, во всемъ противное прежнему состоянію.

Чтобъ тебѣ удобнѣе сіе понять, то примѣчай слѣдующій примѣръ: представь, что Кай живетъ цѣломудренно и воздержно. И такъ статься тому не можно, чтобъ изъ сего трезваго житія не происходили такія перемѣны, кои суть весьма пристойны естеству Каіеву, то есть сохраненію и умноженію силъ его. Не для чего ему бояться вредительныхъ слѣдствій отъ своихъ дѣйствій; не для чего ему въ старости жаловаться на дряхлое тѣло, что состарѣлось оно отъ невоздержанія и сластолюбія. Великое здѣсь согласіе оказывается въ состояніяхъ, настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ, что все гораздо инако происходитъ въ Тиціи. Сей, угождая обжирству и сластолюбіямъ, пируетъ

руетъ великолѣпно, вины безмѣрно пьетъ, и непрестанно обращается въ вольныхъ домахъ и мотовствахъ. Но какія оттуда происходятъ перемѣны? Какія слѣдствія? Не противно ли бываетъ прежнему новое состояніе, отъ дѣйствій происходящее? Прежде Тицій при пирѣ веселъ бывалъ, и весьма пріятно жилъ съ друзьями; нынѣ отъ всѣхъ оставленъ, умирая почти съ голоду, непрестанно печалится. Прежде изобилуя богатствомъ, всякому съ собою встрѣтившемуся щедро давалъ деньги; нынѣ все истоща деньги, принужденъ подъ окошками просить милостыни. Прежде онъ былъ тѣломъ здоровъ, бодръ, соченъ; нынѣ его мучитъ злая мокрота, или подагрою какъ узами будучи связанъ, мучится безчисленными и весьма лютыми болѣзнями, или долговременною чахоткою зараженъ будучи, струповатымъ лицемъ и тѣломъ изсохшимъ всѣхъ приводитъ въ ужасъ. Смотри, какое несогласіе въ состояніяхъ, прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ.

§ 10.

Когда совершенство есть согласіе разныхъ въ одномъ (§ 64 Метафиз.), то слѣдовательно, что тожъ самое, что въ нашихъ состояніяхъ дѣлаетъ согласіе, намъ и нашему состоянію причиняетъ совершенство, или, какъ все равно, насъ и наше состояніе дѣлаетъ совершеннѣйшимъ. И понеже несовершенство есть несогласіе разныхъ въ одномъ (§ 65 Метафиз.), то явствуетъ, что все то, что производитъ нѣкоторое несогласіе въ состояніяхъ, прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, намъ и нашему

му

му состоянію наноситъ несовершенство, или, какъ все равно, насъ и наше состояніе дѣлаетъ несовершеннѣйшимъ.

Въ нынѣшнія времена разно и крѣпко спорили о сихъ предложеніяхъ: дѣйствіе насъ и наше состояніе совершеннѣйшимъ дѣлаетъ, также: дѣйствіе насъ и наше состояніе несовершеннѣйшимъ дѣлаетъ: и я не очень удивляюсь, что многіе не разумѣютъ оныхъ предложеній. Потому что понятія Метафизическія о совершенствѣ и несовершенствѣ надлежитъ обстоятельно знать тому, кто справедливо разумѣть желаетъ, что то есть: дѣйствіе дѣлаетъ состояніе наше совершеннѣйшимъ. А чтобъ мысль Волфіева яснѣе оказалась, то его точныя слова представимъ: жизнь человѣческая, говоритъ онъ, поелику значитъ обьятіе свободныхъ дѣйствій, называется совершенною, ежели изъ нихъ каждое къ общему нѣкоторому концу простирается, къ которому простираются дѣйствія естественныя. Оттуда именно происходитъ согласіе дѣйствій свободныхъ какъ между собою, такъ и съ естественными. И въ семъ состоитъ совершенство жизни человѣческой. Въ Онтологіи Латинской § 503.

§ 11.

Изъ сего явствуетъ, что всѣ дѣйствія свободныя, нами исполняемыя, насъ и наше состояніе или совершеннѣйшимъ дѣлаютъ, или насъ и наше состояніе дѣлаютъ несовершеннѣйшимъ.

Ибо когда дѣйствія, нами исполняемыя, или наносятъ такія перемѣны состоянію нашему,

вну-

внутреннему, или внѣшнему, кои сходны съ нашимъ естествомъ, и производятъ между собою согласіе въ состояніяхъ, настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ; или они имѣютъ такія слѣдствія и приключенія, кои естеству, концу и силамъ тѣлеснымъ и душевнымъ суть противны, и раждаютъ нѣкоторое несогласіе въ состояніяхъ (§ 9); дѣйствіе то, которое согласно съ силами нашими и естествомъ, и прочими состояніями, насъ и наше состояніе совершеннѣйшимъ дѣлаетъ; а которое дѣйствіе несходно съ естествомъ человѣческимъ, и не согласно съ концемъ и состояніями, дѣлаетъ оно насъ и наше состояніе несовершеннѣйшимъ (§ 10): то явствуетъ, что всѣ дѣйствія, нами исполняемыя, насъ и наше состояніе совершеннѣйшимъ, или несовершеннѣйшимъ дѣлаютъ.

§. 12.

Добро (Bonum) опредѣляемъ въ Метафизикѣ чрезъ то, что намъ и нашему состоянію причиняетъ совершенство, или, какъ все равно, что съ концемъ нашимъ сходно; а *худо* называемъ то, что насъ и наше состояніе несовершеннѣйшимъ дѣлаетъ, или что съ концемъ нашимъ не согласно. И такъ дѣйствіе *доброе* будетъ то, которое намъ и нашему состоянію совершенство причиняетъ, или которое съ концемъ сходно; а *худое*, которое насъ и наше состояніе несовершеннѣйшимъ дѣлаетъ, или, какъ все равно, которое съ концемъ нашимъ несогласно.

§ 13.

§ 13.

И такъ сіи предложенія слѣдуютъ изъ вышеутвержденныхъ положеній. Всякое дѣйствіе свободное, или есть доброе, или худое.

Ибо когда всякое дѣйствіе свободное насъ и наше состояніе или совершеннѣйшимъ дѣлаетъ, или несовершеннѣйшимъ (§ 11), и первое называется добрымъ, а другое худымъ (§ 12); слѣдовательно всякое дѣйствіе свободное, или есть доброе, или худое.

Дѣйствія добрыя, которыя и *честными* (Honestas) справедливо назвать можно, нѣкоторые опредѣляютъ чрезъ такія дѣйствія, кои естеству пристойны, кои также съ концемъ согласны, кои надлежатъ къ сохраненію и благополучію человѣческому. Иные называютъ тѣ дѣйствія добрыми, кои съ закономъ сходны. Напротивъ того *худыя*, которыя гнусными называются, толкуютъ чрезъ такія дѣйствія, кои несходны съ закономъ и съ послѣднимъ человѣческимъ концемъ, кои также разрушаютъ соблюденіе и благополучіе человѣческое, и его естеству противны, или съ закономъ несходны. Хотя такіе Философы по видимому и представляютъ иныя, притомъ и отъ нашего мнѣнія различныя опредѣленія, однако словами только отъ насъ разнствуютъ, а самымъ дѣломъ съ нами согласуютъ. Сіе совершеннѣе уразумѣешь, естьли наше доказательство читать будешь, что дѣйствіе по тому съ закономъ есть или сообразно, или противно, что насъ, и наше состояніе, или совершеннымъ дѣлаетъ оно, или несовершеннымъ. Изъ обстоятель-

ятельнаго о семъ разсужденія явствуетъ, что ничего естеству не можетъ быть пристойнаго, ничего также способнаго къ распространенію, или къ разрушенію сохраненія и благополучія человѣческаго, естьли оно не будетъ такого свойства, чтобъ насъ и наше состояніе совершеннѣйшимъ дѣлало, или несовершеннѣйшимъ.

И такъ естьли скажешь ты, всякое дѣйствіе или есть доброе, или худое, то слѣдовательно нѣтъ никакого дѣйствія неопредѣленнаго (Indifferens). Но когда, по свидѣтельству самаго опыта, многія мы исполняемъ дѣйствія, кои насъ и наше состояніе ни въ совершенство не приводятъ, ниже разрушаютъ наше благополучіе, и онѣ за тѣмъ ниже суть добрыя, ниже худыя: то удобно можно разсудить, что находятся дѣйствія неопредѣленныя. Ибо дѣйствіе неопредѣленное называется то, которое ниже есть доброе, или худое. Но здѣсь прошу слѣдующее внимать: кто такой есть, кто бы когда нибудь исполнялъ такое дѣйствіе, отъ котораго бы совсѣмъ ничего не произходило принадлежащаго совершенству, или несовершенству своего состоянія? Ибо хотя премногіе, не очень себя и свои дѣйствія примѣчая, думаютъ, что они въ иныхъ дѣйствіяхъ, ими исполняемыхъ, точно ничего не нашли надлежащаго до совершенства, или несовершенства своего состоянія; однако тѣ, кои весьма остроумно, или не спуская, какъ говорятъ, глазъ, разсматриваютъ слѣдствія въ своихъ дѣйствіяхъ, примѣчаютъ нѣкоторыя изъ нихъ произшествія, ко-

коихъ никто, кромѣ всякаго прозорливѣйшаго, скоро не примѣтитъ. Такимъ образомъ иногда бываетъ, что мы о честности, или гнусности дѣйствій разсуждаемъ изъ чувствуемыхъ только ихъ слѣдствій. Неправда. Всякое дѣйствіе состоитъ изъ простѣйшихъ обстоятельствъ, коихъ безконечное есть собраніе, такъ что скоро тотъ усмотритъ въ дѣйствіи сходство, или несходство съ нашимъ совершенствомъ, кто надлежащія къ дѣйствію обстоятельства, въ разсужденіи мѣста и времени, тщательно будетъ примѣчать. Ибо не только то дѣйствіе почитать должно за порочное, которое человѣку непосредственно бываетъ пагубное, на пр. естьли кто яду выпьетъ, или на себя руки положитъ; но и то дѣйствіе, которое по прошествіи многихъ лѣтъ намъ, или другимъ людямъ нѣкакой урокъ наноситъ, надлежитъ считать за такое, что оно состояніе наше дѣлаетъ несовершеннѣйшимъ; также и то дѣйствіе за порочное имѣть надобно, которое хотя непрямо разрушаетъ благополучіе, однако препятствуетъ къ большему намъ приходить щастію; или есть причиною, чтобъ нѣсколько продолжительнѣе и труднѣе мы получали щастіе. И о томъ здѣсь умолчать не надлежитъ, что иныя дѣйствія суть таковыя, что всякое изъ нихъ по видимому едва почти въ чемъ намъ вредить можетъ. Однако оныя самыя дѣйствія съ пріятностію нѣкоторою льстятъ чувствамъ, и тѣмъ человѣка къ частѣйшему ихъ исполненію привлекаютъ, такъ что чѣмъ чаще ихъ человѣкъ повторять будетъ, тѣмъ большее ихъ же

же исполнять раждается желаніе, которое внутреннею худою мыслію, какъ бы смертоносною нѣкоторою будучи воспитано пищею, наконецъ къ тому человѣка приводитъ, что едва онъ придумать можетъ, какимъ образомъ себя освободить отъ напастей. Сіе порядочно примѣтя, удобно уразумѣть можно, что разсуждать должно о дѣйствіяхъ неопредѣленныхъ. Больше о семъ ниже обьявлено будетъ. См. *Готшедіево* разсужденіе о источникѣ пороковъ человѣческихъ. § 5.

§ 14.

I. Причину довольную, для чего иное дѣйствіе есть доброе, иное худое, искать надлежитъ во внутреннемъ его свойствѣ и слѣдствіяхъ. Ибо когда дѣйствіе по тому есть доброе, что оно состояніе наше, или внѣшнее, или внутреннее, совершеннѣйшимъ дѣлаетъ, и для того есть худое, что дѣлаетъ его несовершеннѣйшимъ (§ 12): то явствуетъ, что изъ совершенства состоянія, или несовершенства отъ дѣйствій произходящаго понимать должно, для чего дѣйствіе есть доброе, или худое. Слѣдовательно, для чего дѣйствіе есть доброе, или худое, понимать должно изъ внутренняго его свойства и слѣдствій, или опасныхъ, или желаемыхъ и радостныхъ. То, изъ чего понимается, для чего другое бываетъ или нѣтъ, для чего оно есть такимъ образомъ, а не инымъ, называется *Причиною довольною* (Ratio ſufficiens) § 14 Метафиз.): слѣдовательно причина довольная, для чего иное дѣйствіе есть доброе, или худое, находится во внутреннемъ его свойствѣ и слѣдствіяхъ.

Спрашиваешь на пр. ты меня, для чего воздержаніе есть доброе нѣчто? Я отвѣтствую: понеже воздержаніе есть такое свойство, что тѣлесныя силы не только не разрушаетъ, но еще сохраняетъ и умножаетъ; и такъ мысль самую, тѣлесными какъ бы подпорами подкрѣпленную, приводитъ въ бодрость и удивительную нѣкую охоту, и наконецъ не допускаетъ расточать имѣніе, которое намъ нужно и для обыкновеннаго, и для благополучнаго житія. Поистиннѣ, или ты ничего не видишь, или весьма ясно разумѣешь, что причина довольная, для чего воздержаніе есть доброе, доказывается изъ самаго свойства воздержанія и щастливѣйшихъ его приключеній. Тожъ самое бываетъ, когда мы гнусность невоздержанія другимъ людямъ предъ глаза представить хотимъ. Не говоримъ ли тогда, что оно худо и убѣгать его надлежитъ; потому что силы тѣлесныя и сокъ вынимаетъ, весь свѣтъ въ разумѣ угашаетъ, разсужденію препятствуетъ, человѣка въ убожество приводитъ, и на всякія самыя худыя дѣла его побуждая, ничего инаго въ мысли не оставляетъ, кромѣ горестей, болѣзней, мученій и безчисленныхъ въ совѣсти ранъ и пороковъ. Оное изрядно утверждаетъ Павелъ (къ Ефес. гл. 5. 18) Совѣтуетъ онъ за тѣмъ убѣгать пьянства, что оно какъ бы съ заразительнымъ рожденіемъ раждаетъ блудъ *ἀσωτίαν*.

II.

II. Дѣйствіе доброе есть въ себѣ доброе, и дѣйствіе худое есть въ себѣ худо. Дѣйствіе въ себѣ доброе, или худое, назвали мы то, которое причину довольную, для чего оно есть доброе или худое, имѣетъ въ себѣ и въ своемъ свойствѣ и приключеніяхъ, отъ него произходящихъ. А когда въ свойствѣ и слѣдствіяхъ дѣйствія добраго, или худаго, находится причина довольная, для чего оно есть доброе или худое (пол. I), то слѣдовательно, дѣйствіе доброе есть въ себѣ доброе, и дѣйствіе худое въ себѣ худо.

III. Дѣйствіе доброе есть необходимо доброе дѣйствіе, худое есть необходимо худое. Ибо когда причина довольная, для чего дѣйствіе есть доброе, или худое, находится въ самомъ его свойствѣ, или, какъ *Волфій* говоритъ, въ сущныхъ опредѣленностяхъ (пол. I.); а что причину свою довольную имѣетъ въ сущности вещи какой, то есть необходимое (Онт. § 33. пол. II), слѣдовательно дѣйствіе доброе есть по необходимости доброе, и дѣйствіе худое по необходимости худое.

Представь себѣ, что дѣйствіе доброе не по необходимости есть доброе, и дѣйствіе худое не по необходимости есть худое: тогда слѣдуетъ, что дѣйствіе доброе быть можетъ и худымъ, а дѣйствіе худое быть можетъ добрымъ; ибо то, что есть не необходимое, быть можетъ инако, или, какъ все равно, ему противное, есть возможное (§ 54 Метафиз.). И такъ послѣдуетъ, что почтеніе Божіе и Его поклоненіе, сохраненіе самаго себя, воздержаніе, чистота, любовь къ друзьямъ, и благородное сердце могутъ быть худое нѣчто. Слѣдовательно хула, клятвопреступленіе, воровство и похищеніе, человѣкоубійство, и иныя таковыяжъ ненавистныя злодѣйства могутъ быть доброе нѣчто. Но когда ничего непристойнѣе и беззаконнѣе сего сказать и вздумать не можно, то удобно разумѣется, что дѣйствіе доброе есть необходимо доброе, и худое есть необходимо худое.

Не думай ты, что здѣсь разумѣется необходимость нѣкакая *Спинозова* и *Простая*, которую мы какъ изъ всей Философіи, такъ наипаче изъ ученія о нравахъ выкидываемъ. По условной необходимости учиненія выходятъ изъ своихъ причинъ, что и въ дѣйствіяхъ нашихъ особливо примѣчаемъ, необходимое ли есть то, что мы, снискивая добродѣтель и красоту благоразумія, наслаждаемся спокойствіемъ духа? Кто такой есть, чтобъ когда увидѣть могъ душевную радость, отъ добродѣтели различенную? Кто такой есть, чтобъ когда могъ возпрепятствовать, дабы отъ человѣкоубійства, клятвопреступленія, невоздержанія и сладострастія, тотчасъ не произошли мученія въ совѣсти, или иныя злоключенія, сопряженныя съ мучительнымъ душевнымъ состояніемъ?

§ 15.

Доброта и худоба дѣйствій человѣческихъ называется ихъ же *Нравственностію* (Moralitas). Естьли причина довольная, для чего дѣйствія свободныя, или добрыя суть, или худыя, находится въ самомъ ихъ внутреннемъ свойствѣ и слѣдствіяхъ: тогда называется *Нравственность* пред-

предметная (Moralitas objectiva), потому что причина состоитъ не внѣ дѣйствія въ подлежащемъ нѣкоемъ, которое или повелѣваетъ, или запрещаетъ исполнять дѣйствіе; но въ самомъ предметѣ, который намъ или дозволенъ, какъ доброй, или запрещенъ, какъ худой.

§ 16.

И такъ изъ прежнихъ нашихъ доказательствъ понятно тебѣ, что намъ не можно не согласовать съ мнѣніемъ тѣхъ, кои защищаютъ нравственность предметную.

Оное мнѣніе о нравственности предметной возбудило въ наши времена вредныя смятенія и прежестокіе споры, кои и понынѣ еще совсѣмъ не прекратились, и думаю, что миръ и ненависть не утолила всѣ вражды, отъ сей ссоры произшедшія. Сказать не можно, сколь многими и сколь суетными словопрѣніями нѣкоторые помрачили сіе ученіе, и сколь непристойно слова, худо понимаемыя, многихъ сердца въ несогласіе привели! Вопросъ именно представляется о причинѣ, для чего дѣйствія свободныя или добрыя суть, или худыя. И такъ здѣсь ученые люди на разныя разбились мнѣнія. Иные причину, для чего всякое дѣйствіе есть доброе, или худое, берутъ изъ самаго свойства и приключеній дѣйствія, и говорятъ они, что Богъ иныя дѣйствія повелѣлъ, или запретилъ за тѣмъ, что онѣ въ себѣ и въ своемъ свойствѣ суть добрыя, или худыя; а не для того суть добрыя, или худыя, что Богъ ихъ повелѣлъ, или запретилъ.

Другіе противно разсуждаютъ и говорятъ, что Богъ не для дѣйствія повелѣлъ, или запретилъ, что онѣ въ себѣ суть добрыя, или худыя, но для того суть добрыя, или худыя, что Богъ оныя повелѣлъ, или запретилъ. Къ первымъ надлежатъ Схоластики, которые прежде въ такомъ были мнѣніи и утвержденіи, что нѣкоторыя дѣйствія, не касаяся закона, или воли Божіей, суть добрыя, или худыя. Хотя и сами нѣкоторые защитители нравственности предметной не спорятъ въ томъ, что оное нехорошо и темно предлагается; однако изъ нихъ нѣкоторые были, кои Схоластическое мнѣніе думали яснѣе истолковать, представя различіе между волею Божескою *производящею и учреждающею и между волею Божескою повелѣвающею законодательною* (Inter voluntatem Dei creatricem et ordinatam, et inter voluntatem Dei praeceptricem, siue legislatoriam). Говорятъ они, что Схоластическое такое было мнѣніе, что иныя дѣйствія прежде суть худыя и честныя, нежели оныя Богъ закономъ положительнымъ узаконилъ, или запретилъ.

Мнѣніе Схоластиковъ принялъ Гроцій, которому послѣ того времени многіе иные послѣдовали Богословы и Философы, между которыми достопамятные суть Вильоемій, славный нѣкогда Женевскій Философъ, Жегеръ, Рохстеттеръ, Гебенстентій, Фертшій, Вернсдорфій, Клавзингій, Лейбницій, Волфій, Канцій, Ганшій, Кехлеръ, и прочіе. Отъ Схоластиковъ и Гроція отступилъ Пуфендорфъ, который внутреннюю доброту и худобу дѣйствій свободныхъ не допускалъ, думая, что причину,

для чего дѣйствіе есть иное доброе, иное худое, искать надобно въ единой Божественной волѣ. Мнѣніе Пуфендорфово согласно подтвердили какъ иные многіе, такъ особливо и въ наши времена, Буддей, Лангій, Валхій, Циммерманнъ, которые, утвердя нравственность мнимую, сильно спорятъ, что на пр. человѣкоубійство есть нѣчто худое и гнусное, потому что Богъ оное запретилъ по закону. Представляютъ они многіе доводы, коими свое мнѣніе утвердить за возможное почитаютъ.

§ 17.

Изъ сего понимаешь оныя положенія:

I. Со всякимъ дѣйствіемъ чрезъ его свойство соединяются побудительныя причины, или желать онаго, или отвращаться. Ибо когда со всякимъ дѣйствіемъ по союзу естественному такія приключенія совокуплены, кои состояніе наше дѣлаютъ совершеннѣйшимъ, или несовершеннѣйшимъ (§ 11), и кои добрыя суть, или худыя (§ 12); но *добро*, въ какой нибудь вещи нами познанное, есть побудительная причина желать оное; а *худо*, въ дѣйствіи найденное, есть побудительная причина отвращаться отъ онаго (§ 230 Метафиз.); слѣдовательно со всякимъ дѣйствіемъ по естественному союзу соединяются побудительныя причины, или желать онаго, или отвращаться.

Такъ на пр. по союзу необходимому съ воздержаніемъ сопряжены разныя доброты, душевная радость, тѣлесное здравіе, имѣнія и чести соблюденіе и разпространеніе. Оныя доброты, съ воздержаніемъ соединенныя, естьли мы позна-

наемъ, то насъ, какъ побудительныя причины, опредѣляютъ и поощряютъ наблюдать и желать воздержанія. Напротивъ того съ невоздержаніемъ, Боже мой! сколь многія сопряжены злоключенія! на пр. угрызѣніе совѣсти, отчаяніе, слабое здоровье, прелютыя болѣзни, крайняя нищета, уронъ доброй славы, и проч. Оныя злоключенія естьли справедливо и подробно разсмотрѣны будутъ, то причину подаютъ намъ отвращаться невоздержанія, и за тѣмъ онѣ суть побудительныя причины къ отвращенію.

II. Отсюда понятно тебѣ, въ чемъ состоитъ утвержденіе Философовъ, что дѣйствіе доброе есть въ себѣ желаемо, а дѣйствіе худое въ себѣ отвращаемо. Ибо когда во всякомъ дѣйствіи добромъ сокровенны находятся побудительныя причины желать онаго, а въ худомъ дѣйствіи побудительныя причины отвращаться отъ него (пол. I): то явствуетъ, что всякое дѣйствіе доброе есть таковое, что желаніе возбудить оно можетъ, особливо тогда, естьли добро, въ немъ находящееся, подробно познано будетъ; напротивъ того во всякомъ худомъ дѣйствіи есть нѣчто, чего не можно не гнушаться и не отметать, естьли оное человѣкъ прилѣжно разсмотритъ.

Удивился я, увидя, что нѣкоторые сіе положеніе особливо за тѣмъ опровергли, что все иное всякому доказуетъ самый опытъ. Сколь многіе, точно говорятъ они, находятся люди, кои со всякимъ стремленіемъ стремятся къ дѣйствіямъ въ самой вещи худымъ, гнуснымъ и

и вреднымЪ; напротивЪ того убѣгаютЪ и гнушаются тѣхЪ, кои безспорно имЪ были бы весьма полезны. Знаю, что на сіе отвѣчать. Я уступаю вЪ томЪ, что многіе люди находятся, которые отЪ дѣйствій добрыхЪ отвращаются, а худыхЪ желаютЪ. Но сіе не опровергаетЪ истинну нашего положенія. Ибо мы не говоримЪ, что дѣйствія добрыя всегда суть желательны; но сіе утвердить можемЪ, что дѣйствія добрыя имѣютЪ нѣчто вЪ себѣ такое, что дивную бы кЪ себѣ возбудило любовь, естьли бы то прозорливѣе можно было видѣть. А для чего не всегда люди ищутЪ добрыхЪ дѣйствій, о семЪ весьма праведную причину представить можно, а именно: во многихЪ людяхЪ предразсудительное нѣкоторое мнѣніе, повреждающее и отъемлющее разсудокЪ о истиннѣ, такЪ ослѣпило мысленныя очи, что не видятЪ они того, что вЪ дѣйствіи находится точно доброе и благопристойное.

ГЛАВА

ГЛАВА II.

О обязательствѣ.

§ 18.

РазсмотрЯ такимЪ образомЪ разность человѣческихЪ дѣйствій, далѣе поступаемЪ и начинаемЪ толковать самые законы, сЪ которыми всякое дѣйствіе соображать должно. Но когда силу и содержаніе сего слова законЪ (Legis) справедливо не можно уразумѣть, естьли прежде самое обязательство, которое законовЪ есть какЪ бы душа, не будетЪ утверждено обстоятельнымЪ опредѣленіемЪ: то мы все принадлежащее кЪ яснѣйшему изъясненію понятія о обязательствѣ прежде предложимЪ, нежели будемЪ упражняться вЪ опредѣленіи самаго закона.

§ 19.

Слова сего *Обязательства* (Obligationis) значеніе весьма обширно. Удобно всякЪ узнаетЪ, вЪ чемЪ состоитЪ *вязать и обязать,* (Ligare & Obligare), естьли оныя слова вЪ собственномЪ смыслѣ взяты будутЪ. Что развязалось, мы то вяжемЪ, и за тѣмЪ, отнявЪ свободу далѣе ходить, не допускаемЪ вЪ ту и другую сторону разбѣгаться, и туда и сюда на всѣ стороны шататься.

§ 20.

Всякаго свое чувство и опытЪ научаетЪ, что вЪ каждомЪ человѣкѣ находится власть жить ему такЪ, какЪ онЪ хочетЪ. И такЪ, чтобЪ душа, непостоянными будучи колеблема помышленіями, не допущена была кЪ самовольному

ному заблужденію, и все, что ей угодно, не почитала бы за позволенное: то къ сему требуется обязательство, и притомъ такое, какое душѣ человѣческой, какъ духу пристойное, быть можетъ. Ибо душу нашу въ тѣлѣ живущую, какъ лозу виноградную, распространяющуюся по своей волѣ, жидкими прутьями связать и обязать не можно; но естьли какое пристойно душѣ обязательство, какъ и точно пристойно, то никакое иное быть не можетъ, кромѣ того, которое совершается причинами, побуждающими и поощряющими на дѣла. А когда душу къ желанію какому и исполненію ничто такъ принудить и подвигнуть не можетъ, какъ одно воображеніе о добрѣ, и онуюжъ душу къ отвращенію отъ какой вещи и удаленію ничто такъ возбудить не можетъ, какъ одно воображеніе о худѣ (§ 230 Метафиз.): то слѣдовательно тотъ насъ обязываетъ (Obligat), кто причины, побуждающія волю къ желанію добра и къ отвращенію отъ худа, соединяетъ съ исполняемыми и убѣгаемыми дѣйствіями, или, какъ все равно, кто человѣка побудительною какою причиною понуждаетъ производить по правилу какому свои дѣйствія и поступки.

§ 21.

И такъ отсюда понятно тебѣ, почему Волфій, Кехлеръ, Гейнекцій и прочіе *обязательство дѣйствительное* (Obligationem activam) опредѣляютъ чрезъ соединеніе побудительныхъ причинъ съ дѣйствіями исполняемыми, или оставляемыми. Ибо побудительныя причины суть ничто иное, какъ воображенія о добрѣ, или

или о худѣ, опредѣляющія волю къ желанію добра, или къ отвращенію отъ худа.

§ 22.

Оное опредѣленіе дѣйствительнаго обстоятельства, отъ Волфія преданное, тѣмъ охотнѣе мы содержимъ, чѣмъ лучше знаемъ, что въ немъ великая сила состоитъ для уразумѣнія всего того, что о обязательствѣ и его формахъ, или видахъ предписывается, или предписать должно, которое опредѣленіе я уже довольно и подробно изтолковалъ въ Философіи, изъ новыхъ споровъ состоящей, на стр. 170. и слѣдственно для справедливѣйшаго объ немъ понятія представлю нѣкоторые особенные случаи, которые по моему разсужденію суть весьма способны къ изъясненію сего опредѣленія. Разсуди пожалуй четвертую въ десятословіи заповѣдь, которая содержится въ семъ предложеніи: *родителямъ повинуйся и ихъ почитай.* Съ оною заповѣдію, или закономъ, Богъ соединяетъ побудительную причину. Показываетъ Онъ и предлагаетъ имянно всѣмъ тѣмъ, кои родителямъ повинуются, нѣкоторое добро, которое бы побудило ихъ къ повиновенію. А какое то добро? именно жизнь долговременная, и непремѣняемое благополучіе при щастливомъ жизни безъ всякаго претикновенія теченіи. Оная толь превосходная благая когда Богъ совокупилъ съ заповѣдію, обязуетъ чрезъ то людей къ повиновенію родителямъ.

§ 23.

Изъ сего опредѣленія слѣдующія сочиняются положенія:

I.

I. Чѣмъ больше и чѣмъ сильнѣе побудительныя причины сопрягаются съ дѣйствіями исполняемыми, или оставляемыми, тѣмъ паче прирастаетъ обязательство.

На пр. военный Вождь, отъ Царя своего надъ войскомъ будучи поставленъ, обязанъ оказывать храбрость на войнѣ и великодушнымъ сердцемъ вступать въ опасности, коимъ онъ голову и тѣло свое подверженное видитъ. Къ чему побуждаетъ его и поощряетъ воображеніе вѣрности, которою обязался Царю своему: вотъ первая побудительная причина! Но кромѣ сего естьли приданы будутъ и другія, на пр. воображеніе похвалы и славы, отъ войны получаемой, также награжденій отъ Царя обѣщанныхъ, и отечества въ опасности находящагося: тогда отъ совокупленныхъ причинъ увеличивается обязательство.

II. Естьли новыя побудительныя причины присовокуплены будутъ къ исполненію, или оставленію какого дѣйствія, откуда новое купно происходитъ обязательство, и естьли различныя сединяются причины побудительныя: то и различныя въ какомъ нибудь дѣйствіи раждаются обязательства.

Представь себѣ, что Кайй Тицію обѣщаетъ извѣстную сумму денегъ, кои ему долженъ въ опредѣленной какой день заплатить. Кайй обязался обѣщаніе хранить и исполнить; а естьли сего не сдѣлаетъ, то безчисленныя оттуда произойдутъ злоключенія. На пр. поврежденіе Кайя и уронъ вѣрности и имени. Оныя злоключенія воображая въ себѣ Кайй, опредѣляется и по-

побуждается устоять въ обѣщаніи и заплатить должную Тицію сумму денегъ. Представь же себѣ, что Кайй, клятву давши, обѣщаетъ въ уреченной день долгъ заплатить: тогда новыя изъ того возстаютъ побудительныя причины, поощряющія его исполнить обѣщаніе, а именно, воображеніе отмщевающей правды Божеской, также безславія, произходящаго отъ клятвопреступленія, и проч. И такъ новое здѣсь находится обязательство.

III. Весьма часто бываетъ, что многія побудительныя причины между собою спорятъ, и за тѣмъ себѣ противорѣчатъ. Оное когда бываетъ, то побудительныя причины называются *сражающимися* (Collidi), а изъ сего самаго сраженія побудительныхъ причинъ произходитъ сраженіе и обязательствъ.

Примѣръ сраженія побудительныхъ причинъ находимъ въ *Маркѣ Аттиліи Регулѣ, Консулѣ Римскомъ*, который въ Африкѣ коварно будучи пойманъ, съ клятвою посланъ былъ къ Сенату Римскому, съ тѣмъ, чтобъ онъ самъ возвратился въ Карѳагенъ, ежели нѣкоторые знатные плѣнники не будутъ возвращены Карѳагенцамъ. И такъ когда онъ въ Римъ пришелъ, разныя его свободныя обоюду обезпокоивали причины, и въ Римѣ оставаться и въ Карѳагенъ возвратиться. Съ одной стороны представлялъ себѣ пользу, отъ того имѣющую произойти, естьли въ Римѣ останется, и данное Карѳагенцамъ обѣщаніе нарушить. Быть въ своемъ домѣ съ женою и съ дѣтьми, имѣть степень достоинства Консульскаго, свободиться отъ ига са-

ма-

маго поноснаго рабства, кто сіе не почтетъ за полезное? Съ другой стороны воображалъ въ себѣ гнусность и срамоту клятвопреступленія, также безславіе имени своему, точно воспослѣдовать имѣющее, ежели онъ возвратиться не пожелаетъ. См. Цицеронову кн. III. о должностяхъ гл. 26.

IV. Никто не можетъ обязанъ быть, кромѣ того, кто имѣетъ употребленіе разума и воли.

Ибо когда обязательство есть соединеніе побудительныхъ причинъ съ дѣйствіями совершаемыми, или убѣгаемыми (§ 21); слѣдовательно того, кого можно обязать, надобно склонить побудительными причинами къ начатію дѣйствія, или къ удаленію отъ онаго.

Кого должно побудительными причинами склонить къ дѣйствіямъ, того надобно воображеніями о добрѣ, или о худѣ, подвигнуть къ дѣланію, или недѣланію (§ 20); а когда воображеніе о добрѣ, или о худѣ, не можетъ пристойно быть никому, кромѣ того, кто одаренъ употребленіемъ разума (§ 205 Мет.): то явствуетъ, что никто не можетъ обязанъ быть, кромѣ того, кто одаренъ употребленіемъ разума. Обязать кого надобно, того надлежитъ побудительными причинами къ дѣланію возбудить (§ 21). Сіе слово *дѣлать* (Agere) въ себѣ заключаетъ и другія, *хотѣть дѣлать* (Velle agere). И такъ кого должно обязать, тому надобно быть такому, чтобъ могъ и хотѣть дѣлать. Слѣдовательно обязуемый необходимо долженъ имѣть волю.

V.

V. Чѣмъ есть большее познаніе въ разумѣ, тѣмъ большая оттуда происходитъ способность къ обязательству.

Богословъ, на пр. который небесныя истинны и вѣденія о Богѣ знаетъ подробнѣе и обстоятельнѣе, нежели простой народъ, большему подлежитъ обязательству къ Божіему почитанію и благоговѣнію, нежели тѣ люди, коимъ таинства вѣры не очень свѣдомы. Для того Самъ Спаситель съ большимъ наказаніемъ грозитъ тѣмъ, которые волю Господню знаютъ, а живутъ съ оною несходно. Матѳ. 17.

VI. Понеже бѣшеные люди, младенцы, скоты и между дикими звѣрями воспитанные, совсѣмъ не имѣютъ употребленія разума: то весьма удобно разсудить можно, что имъ не приличествуетъ обязательство.

VII. Не можно допустить обязательства къ тому, чему статься не можно, или что есть невозможное.

Сколько разъ кто насъ обязываетъ, столько разъ соединяетъ побудительную причину съ дѣйствіемъ совершаемымъ или оставляемымъ. И такъ кто насъ обязываетъ, желаетъ онъ, дабы совершеніе или оставленіе дѣйствія въ бытіе приведено было. А когда ничего не можно въ бытіе привесть, кромѣ возможнаго (§ 23 Метаф.): то удобно разумѣется, что ни совершеніе, ни оставленіе дѣйствія въ бытіе не придетъ, естьли не возможно будетъ совершить, или оставить дѣйствія. Слѣдовательно не можно допустить обязательства къ невозможному.

Нѣ-

Нѣкоторые оное предложеніе такъ представляютъ: сверьхъ возможности никто не обязывается (Vltra poſſe nemo obligatur). Но многіе находятся, кои въ худую сторону употребя сіе положеніе, берутъ изъ него защищеніе для своей лѣности и худобы. Нѣкоторые, ложнымъ о невозможности понятіемъ обольстившись, отговариваются слабостію силъ своихъ, когда имъ повелѣваютъ доброе дѣлать. И такъ здѣсь остерегаться надлежитъ: А) чтобъ ты тотчасъ не почиталъ за невозможное то, что трудно и чего не можно получить, развѣ крайнимъ душевнымъ и тѣлеснымъ стараніемъ. Весьма часто бываютъ, только бы ты похотѣлъ, и прилѣжаніе употребилъ, довольныя силы къ тому, о чемъ ты думалъ, что никакимъ образомъ оно въ бытіе притти не можетъ. Находится на пр. кто нибудь такой, который Богословіи трудъ свой посвятилъ. Онъ обязанъ прилѣжно обучаться Греческому и Еврейскому языкамъ, въ коихъ прорицанія содержатся о нашемъ спасеніи. Но что онъ дѣлаетъ? Жалуется, что пропала бодрость въ памяти, и говоритъ, что не можно того сдѣлать, что отъ него требуется. Но часто здѣсь нѣсколько обманомъ пахнетъ. Прилѣжаніе и неусыпное раченіе требовалось, и надлежало было непрестаннымъ упражненіемъ острить память, и побѣждать недостатокъ ума тупаго. Тожъ самое обыкновенно случается, когда людей возбуждаютъ препроводить жизнь благоговѣйно и съ заповѣдьми Христовыми согласно. В) Не думай ты, что пропадаетъ обязательство отъ безсилія дѣлать, которое ты самъ себѣ пріобрѣлъ. Адамъ силы, отъ Бога себѣ данныя, весьма беззаконно расточилъ, и за тѣмъ, какъ бы перерѣзавъ чувственную способность доброе дѣлать, не могъ оказать Богу совершеннаго повиновенія. Но сего ради свободился ли онъ обязательства оказывать Богу совершенное послушаніе? Истинно не больше, какъ нерадивый имѣнія расточитель свобождается обязательства платить долгъ своимъ заимодавцамъ, или какъ пьяный рабъ бываетъ свободенъ отъ обязательства господину дѣлать услуги.

VIII. Изъ сего явствуетъ, что нѣтъ къ тому обязательства, что не состоитъ въ нашей власти; но къ тѣмъ только дѣйствіямъ, кои находятся въ нашей волѣ, исполнять ли мы оныя похотимъ, или нѣтъ. Ибо когда никто не обязывается къ невозможному (пол. VII.); слѣдственно никто также не можетъ обязанъ быть къ тѣмъ дѣйствіямъ, коихъ исполненіе, или опущеніе, не состоитъ въ нашей власти; и за тѣмъ обязательство простирается только къ дѣйствіямъ, состоящимъ въ нашей волѣ, исполнять ли мы оныя похотимъ, или нѣтъ.

IX. Не допускается обязательство и допущено быть не можетъ къ дѣйствіямъ естественнымъ, но только къ свободнымъ. Ибо когда дѣйствіе естественное есть такое, которое не состоитъ въ нашей власти (§ 6.); но къ дѣйствіямъ, не состоящимъ во власти нашей, никто не можетъ обязанъ быть: то явствуетъ, что къ дѣйствіямъ естественнымъ не

не допускается обязательство и допущено быть не можетъ. Когда дѣйствіе свободное называется состоящимъ во власти нашей (§ 6); а что состоитъ во власти нашей, къ тому только мы обязаны быть можемъ (пол. VII.); слѣдовательно не допускается обязательство, развѣ только къ дѣйствіямъ свободнымъ.

На пр. весьма бы не пристойно было, естьли бы кто хотѣлъ обязать другаго къ тому, чтобъ желудокъ перестанъ варить пищу, или бы оную варилъ. Ибо сіи дѣйствія суть естественныя, и не подлежатъ власти и волѣ нашей. А почитать Бога, возвратить уронъ, ближнему нанесенной, убѣгать клеветъ, можетъ человѣкъ обязанъ быть по тому, что можетъ онъ все сіе по своему произволенію исполнить и оставить.

§ 24.

Необходимость нравственная (Neceſſitas moralis) тогда называется, когда противное нравственно есть невозможно. *Нравственно* (Moraliter) невозможное называется то, что хотя въ себѣ не содержитъ противорѣчія, однако вноситъ сопротивленіе въ томъ, или другомъ подлежащемъ ради посредствующихъ того подлежащаго нравственныхъ совершенствъ (§ 20 Мет.).

Оныя понятія, въ Метафизикѣ уже истолкованныя, здѣсь мы за тѣмъ предлагаемъ, что не можно понять того, что слѣдуетъ о обязательствѣ страдательномъ, естьли не уразумѣешь того, что есть *необходимость нравственная* (Neceſſitas moralis). Примѣръ изъясненія ради предложимъ. Представь себѣ, что Кайй пре-

превосходство, достоинство и удивительную пользу въ Философіи прилѣжно разсматриваетъ: тогда Кайй воображеніями толикихъ выгодъ, въ Философіи находящихся, не можетъ не подвигнуть и не возбужденъ быть къ любви и желанію Философіи. И такъ любитъ и желаетъ ее по необходимости нравственной. Почему такъ? Потому что Кайй сколь долго въ себѣ воображаетъ пользу и изрядство Философіи, по тѣхъ поръ противное ея, то есть ненависть и презрѣніе, есть нѣчто невозможное.

Хотя оно въ себѣ не заключаетъ противорѣчія, что Кайй не любитъ и презираетъ Философію; однако изъ того слѣдуетъ противорѣчіе въ Кайѣ ради посредствующихъ точно воображеній, кои онъ представляетъ о пользѣ, изрядствѣ, превосходствѣ и достоинствѣ Философіи.

I. *Необходимость нравственная* тогда мѣсто имѣетъ, когда воля существа разумнаго побуждается причинами побудительными, или воображеніями о *добрѣ*, или *худѣ*, дѣлать оное, или не дѣлать.

Ибо когда воля существа разумнаго побудительными причинами, или воображеніями о *добрѣ*, или *худѣ*, къ желанію склоняется: тогда не можетъ не послѣдовать желаніе въ волѣ, потому что при вещи опредѣляющей, или побудительной причинѣ, полагается и вещь опредѣленная, или желаніе (§ 46. Мет.); и за тѣмъ сіе слово *не желать* (Non appetere) не можетъ мѣста имѣть ради посредствующихъ точно воображеній, коими воля опредѣляется къ желанію.

нію. И такъ оное слово *не желать* (Non appetere) при побудительныхъ къ желанію причинахъ есть нравственно невозможное (§ 230 пол. III). Слѣдовательно желаніе при побудительныхъ причинахъ есть нравственно необходимое.

Слѣдовательно *необходимость нравственная* тогда мѣсто имѣетъ, когда воля существа разумнаго побудительными причинами, или воображеніями о *добрѣ*, или *худѣ*, побуждается дѣлать оное, или не дѣлать.

Однако сей ради причины не принуждается воля желать чего, или отвращаться по *необходимости естественной* (Physica), или силѣ внѣшней, что душѣ, какъ превосходнѣйшему духу, совсѣмъ было бы непристойно, то есть, по пріятной воли склонности, которая дѣлается отъ воображеній, или побудительныхъ причинъ *добра* и *худа*. Оныя причины суть непротивны свободѣ, и ее не истребляютъ. См. § 268 Мет.

II. Кто обязывается что нибудь дѣлать или оставить, на того налагается необходимость нравственная дѣлать что нибудь, или оставить.

Ибо когда кто обязывается дѣлать что нибудь, или оставить, то съ его дѣйствіями сопрягаются побудительныя причины (§ 21), или, что все равно, воля его къ желанію, или отвращенію опредѣляется, склоняется и побуждается воображеніями *добра*, или *худа* (§ 230 Мет.). А когда состояніе то, въ коемъ воля существа разумнаго къ желанію, или отвращенію побуждается, или опредѣляется воображеніями *добра*, или *худа*, есть *состояніе необходимости нравственной* (Status necessitatis moralis) (по опредѣл.): то слѣдовательно, кто обязывается дѣлать что нибудь или оставить, на того налагается необходимость нравственная дѣлать, или не дѣлать.

§ 25.

И такъ состояніе, коимъ кто обязанъ, или *обязательство страдательное* (Obligatio passiva), есть ни что иное, какъ необходимость нравственная дѣлать что нибудь, или не дѣлать.

Такимъ образомъ многіе опредѣляютъ обязательство, и между ими находятся такіе, кои откинули Волфіево обязательства опредѣленіе, въ которомъ обязательство толкуется чрезъ соединеніе побудительныхъ причинъ. Но естьли бы разсудили, что Волфіево опредѣленіе есть основаніемъ того опредѣленія, коимъ обязательство опредѣляется чрезъ необходимость нравственную дѣлать что ни есть, или оставить: тогда бы истинно не очень смѣялись тому о обязательствѣ понятія, которое содержится въ соединеніи побудительныхъ причинъ. Весь споръ, какъ удобно ты видишь, состоитъ въ словопреніи, потому что Волфій опредѣляетъ обязательство дѣйствительное, а противники толкуютъ обязательство страдательное, которое напослѣдокъ происходитъ отъ дѣйствительнаго.

И такъ видно, какимъ способомъ можно согласить съ Волфіевымъ нѣкоторыхъ опредѣленія, о обязательствѣ ими представленныя. Чтожъ препятствуетъ, когда съ нашимъ удобно

но согласовать будетъ самое Юриспрудентовъ опредѣленіе, въ которомъ обязательство толкуется чрезъ *связь права* (Uinculum juris)? Ибо связь, естьли о душѣ сказана будетъ, понимать надобно въ разумѣ нравственномъ, а не въ собственномъ. Чрезъ самыя точно побудительныя причины, душѣ предлагаемыя и съ дѣйствіями соединяемыя, связывается воля, какъ бы узами, дабы она, непостоянными будучи водима желаніями, далѣе не заблуждала, больше бы склонялась на добро, нежели на худо.

§ 26.

Кто обязывается, тотъ или чрезъ надежду, или чрезъ боязнь обязывается. Кто обязывается, тотъ дѣлать опредѣляется побудительными причинами, или воображеніями *добра* или *худа* (§ 21). Кто дѣлать опредѣляется воображеніями *добра*, или *худа*, тотъ опредѣляется воображеніями совершенствъ, или несовершенствъ, потому что въ понятіи сего слова, *добра* (Boni), заключается понятіе о совершенствѣ, и въ понятіи *худа* содержится понятіе о несовершенствѣ (§ 226 Мет.). Кто опредѣляется дѣлать воображеніями совершенствъ или несовершенствъ, тотъ опредѣляется дѣлать по пріятности, или скукѣ, потому что пріятность происходитъ отъ воображенія совершенствъ, а скука отъ чувствованія несовершенствъ (§ 219 Мет.). Но когда добро, насъ обязующее, и дѣлать опредѣляющее, и худо есть будущее, какъ опытъ доказываетъ: то слѣдовательно обязуемый дѣлать опредѣляется по пріятности, происходящей отъ воображенія будущаго добра, или по скукѣ отъ воображенія будущаго худа. Пріятность отъ воображенія будущаго добра называется надеждою (Spes) (§ 251 Мет.), а скука отъ воображенія будущаго худа называется *боязнію* (Metus) (§ 253 Мет). И такъ кто обязуется, тотъ или чрезъ надежду, или чрезъ боязнь обязуется.

Разсуждай читатель, сколь удобно наше опредѣленіе обязательства намъ руководствуетъ къ Томазіеву понятію о обязательствѣ, понеже мы знаемъ, что Томазій обязательство полагаетъ въ надеждѣ пользы, происходящей отъ добрыхъ нашихъ дѣйствій, и въ боязни вреда и опасностей, послѣдующихъ за худыми дѣйствіями. См. его основанія Права Естественнаго и Народнаго, кн. 1. гл. 4. § 61.

§ 27.

Но когда удобно изъ сего видимъ, какая сила и свойство есть обязательства, вообще разсуждаемаго: то слѣдуетъ обстоятельнѣе нѣсколько разсмотрѣть разныя обязательства формы, или виды.

§ 28.

Внутреннею силою свободныхъ дѣйствій обязываемся мы исполнять добрыя, или оставлять худыя дѣйствія.

Ибо когда съ свободными дѣйствіями по внутренней ихъ же силѣ соединяются побудительныя причины желать добрыхъ, или отвращаться худыхъ дѣйствій (§ 14); а соединять побудительныя причины съ чьими дѣйствіями исполняемыми, или оставляемыми, есть ничто иное, какъ *обязывать кого* (§ 21); слѣдова-

вательно мы внутреннею силою свободныхъ дѣйствій обязываемся желать исполнять добрыя, или оставлять худыя дѣла.

§ 29.

И такъ отсюда происходитъ *обязательство естественное* (Obligatio naturalis), которое не что иное есть, какъ когда изъ самаго нашего естества и дѣйствій можно понимать союзъ побудительныхъ причинъ.

Такимъ образомъ убѣгать невоздержанія обязываетъ насъ внутренняя его сила и наша сущность, для того что съ нимъ по естественному союзу совокупляются побудительныя причины къ отвращенію его. Такимъ образомъ къ чистотѣ естественнымъ обязательствомъ мы обязаны, потому что премногія находятся побудительныя причины, къ ней насъ возбуждающія, которыя сокровенны суть въ самомъ свойствѣ чистоты и въ сущности человѣческой души и тѣла. Ибо представь себѣ, что ты, весь стыдъ и должность оставя, разливаешься на всякое любострастіе; представь, что тѣло твое, какъ узами, сластьми обдержимо: чтожъ оттуда происходитъ? какъ только сокъ, которымъ жизнь содержится и сохраняется, по истощеніи силъ высохнетъ, и все душевное устремленіе къ правымъ и добрымъ дѣламъ, потерявъ свое, какъ бы жало, ослабѣетъ. Не упоминаю пороковъ и ранъ въ совѣсти, не упоминаю урону въ домостроительствѣ и славѣ оттуда происходящаго и проч. Вотъ побудительныя причины, коими каждой обязывается убѣгать прелести сластолюбія и рачительно искать чистоты. Оныя побудительныя причины, какъ видишь, скрываются въ самомъ свойствѣ гнусной страсти.

§ 30.

Обязательство естественное есть необходимое. Понеже оно съ дѣйствіями исполняемыми, или оставляемыми, соединяетъ побудительныя причины, кои берутся отъ самой человѣческой и вещей сущности и природы (§ 29); слѣдовательно по допущеніи человѣческой и вещей сущности и природы допускается и естественное обязательство. И такъ статься сему не можно, чтобъ, сколь долго человѣкъ имѣетъ сущность человѣческую, по тѣхъ поръ мѣста не имѣло и обязательство естественное. И такъ оно есть необходимое, потому что человѣческая и вещей сущность есть необходимая, на которой оно какъ на основаніи укрѣпляется. (§ 28. пол. III. Мет.)

Но не думай того, что сіе предложеніе содержитъ опасность какую, потому что слово *необходимое* находится. Мы здѣсь не утверждаемъ роковую и скотскую необходимость; но разумѣемъ здѣсь такую необходимость, которая сходна съ разумомъ. Сія точно сила и смыслъ въ нашемъ предложеніи. Сколь долго человѣкъ оное имѣетъ свое естество и сущность, и сколь долго дѣйствія по союзу необходимому чрезъ свойство свое такія, а не иныя слѣдствія за собою влекутъ, по тѣхъ поръ и обязательство естественное должно мѣсто имѣть. На пр. сколь долго человѣкъ есть человѣкомъ, и сколь долго онъ имѣетъ сіе тѣло и сію душу, также сколь долго пьянство имѣетъ съ собою со-

сопряженныя вредныя приключенія, т. е. тѣло разрушаетъ, силы ума и души въ слабость приводитъ, по тѣхъ поръ статься тому не можно, чтобъ убѣгать пьянства не обязывало насъ самое его свойство и состояніе нашей души. Ибо представь себѣ, что оное обязательство есть не необходимое, тогда инако сіе быть и статься можетъ, такъ что самыя пагубныя пьянства слѣдствія будутъ причинами, склоняющими и побуждающими желать пьянства, а оное почитается за невозможное въ разсужденіи самаго естества воли человѣческой. См. Метафиз. § 230.

Обязательство естественное называется и *внутреннимъ* (Interna). Но естьли существо какое, внѣ насъ находящееся, и отъ души нашей различное, сопрягаетъ побудительныя причины съ нашими дѣйствіями: тогда оттуда происходитъ обязательство *внѣшнее*, которое *положительнымъ* (Positiva) также называется. И когда всякое существо, внѣ насъ находящееся и отъ нашей души различное, есть или *Богъ* или *человѣкъ вышній* (Deus vel homo superior): то явствуетъ, что обязательство положительное справедливо раздѣляется на *Божественное*, или *человѣческое* (Diuinam et humanam). Естьли существо, внѣ насъ находящееся, такъ насъ обязываетъ къ дѣйствіямъ, что ежели мы окажемъ своевольство и повелѣнія не примемъ, угроженіемъ наказанія понуждаетъ насъ исполнить повелѣніе: тогда называется *обязательство совершенное* (Obligatio perfecta). На пр. совершенно обязываемся возвратить уронъ, ближнему нанесенной. А естьли существо оное, котораго повелѣніе принимаемъ, безъ принужденія обязываетъ насъ къ добродѣтели, тогда называется *обязательство несовершенное* (Obligatio imperfecta). На пр. чтобъ мы ближнему должную любовь и благопріятство оказывали, чтобъ благодѣтелевы заслуги и щедрость съ благодарнымъ сердцемъ прославляли, чтобъ въ собраніи дружескомъ учтивыя и изрядныя поступки оказывали предъ тѣми людьми, съ которыми обращаемся. Оное все есть такое, что никого къ тому не можетъ принудить гражданская, или какая нибудь вышшая власть. Изрядно Кехлеръ разсуждалъ въ рѣчи о обязательствѣ нравственномъ, говоренной въ *Енѣ* 1723 году.

ГЛАВА III.

О законѣ естественномъ.

§ 31.

По изъясненіи подробномъ того, что надлежитъ къ понятію силы и свойства обязательства, нынѣ весьма удобно можно будетъ уразумѣть, что есть *законъ* (Lex), и что *законъ естественный* (Lex naturae).

Чрезъ законъ, вообще разсуждаемой, не что иное разумѣемъ, какъ нѣкоторое правило, или образецъ, по которому обязываемся располагать и опредѣлять свободныя дѣйствія.

Прави-

Правиломъ въ семъ мѣстѣ называемъ всякое предложенiе, которое приказываетъ, что надобно дѣлать, или оставить. На пр. сiе предложенiе, *повинуйся родителямъ*, есть правило, потому что оно предписываетъ, что надлежитъ дѣлать; и когда оное правило совокуплено съ силою обязывать, то справедливо называется закономъ, которой иные такъ опредѣляютъ: *законъ есть опредѣленiе вышшаго, обязующее нижшаго.*

§ 33.

Понеже обязательство отъ закона разлучено быть не можетъ (§ 32), то слѣдовательно отъ различныхъ обязательства источниковъ произтекаютъ различные виды законовъ; и такъ есть законъ иной *Божественный*, иной *человѣческiй*; иной *естественный*, иной напослѣдокъ *положительный* (Lex Diuina, humana, naturalis, positiva.)

§ 34.

Естьли то разсудишь, что мы о естественномъ обязательствѣ объявили (§ 29), удобно тогда уразумѣешь, въ чемъ содержится законъ естественный (Lex naturae). А именно, тѣмъ онъ разпознавается отъ прочихъ законовъ, что силу свою обязывать имѣетъ отъ самаго вещей и человѣческаго естества.

На пр. Сiе предложенiе, *воздержно живи*, есть законъ естественный, потому что воздержанiя и тѣла твоего и души природа подаетъ причины побудительныя, или обязываетъ тебя наблюдать воздержанiе. Ибо весьма оно способствуетъ къ сохраненiю тѣла и къ приведенiю въ лучшее совершенство силъ душевныхъ.

шевныхъ. И естьли воздержно жить не станешь, то злоключенiя, отъ житiя невоздержнаго происходящiя, тотчасъ почувствуешь и поневолѣ.

§ 35.

Ежели Богъ будетъ обязательства Творецъ, тогда *законъ* называется *Божественный* (Lex Divina); а ежели человѣкъ какой обязываетъ, такимъ, а не инымъ образомъ производить свободныя дѣйствiя, тогда *законъ* имянуется *человѣческiй* (Lex humana).

§ 36.

Какiя предложенiя о законѣ, вообще разсуждаемомъ, также и о законѣ естественномъ происходятъ изъ опредѣленiй, теперь представленныхъ, онѣ суть почти слѣдующiя:

I. Никакой не можетъ быть законъ, естьли ему не будетъ присовокуплена сила обязывать.

II. И такъ со всякимъ закономъ то должно быть сопряжено, чтобъ понятiю тѣхъ людей, коимъ законъ предлагается, представлены были или уроны, отъ дѣйствiй худыхъ воспослѣдовать имѣющiе, или доброты и выгодности, отъ добрыхъ дѣлъ происходящiя. Ибо въ томъ содержится обязательство, чтобъ мы отъ другихъ людей принуждены были причинами, побуждающими или добро дѣлать, или отъ худа отвращаться (§ 21). А причины побуждающiя тогда другихъ людей понуждаютъ и склоняютъ, когда онѣ въ умѣ своемъ станутъ воображать добро, или худо. § 230 Мет.

III. Изъ сего слѣдуетъ по необходимому слѣдствiю, что законъ никого не можетъ обязать,

вать, кромѣ того, кому онъ будетъ извѣстенъ и всенародно обьявленъ.

IV. Понеже различіе законовъ зависитъ отъ обязательства различнаго (§ 33): то слѣдовательно и законъ будетъ истиннаго наименованія, и какъ называютъ, по превосходству (κατ᾽ ἐξοχὴν), ежели обязательство есть совершенное (§ 30.) А законъ, въ точномъ разумѣ взятой, называется тотъ, къ наблюденію котораго другіе люди силою внѣшнею понудить насъ могутъ. Почему нѣкоторые называютъ закономъ *понуждающимъ*, или *необходимости* (Lex cogens, ſive neceſſitatis). Оному противополагается *совѣтъ* (Conſilium), которой есть правиломъ къ дѣйствію отъ другаго мнѣ даннымъ, къ исполненію котораго давшій мнѣ оное правило не можетъ меня понудить силою внѣшнею. На пр. естьли начальникъ во время войны прикажетъ мѣщанамъ для защищенія отечества приниматься за оружіе, тогда онъ имѣетъ силу мѣщанъ понудить. Сей законъ есть понуждающій. А естьли пріятель многія мнѣ причины представитъ, коими склонить меня старается, чтобъ я учился наукѣ судебной: тогда онъ не можетъ меня къ повиновенію понудить, хотя я совѣту его и не послушаю.

V. Когда законъ естественный силу обязывать беретъ отъ самаго естества дѣлъ и вещей (§ 34); а самое естество дѣлъ и вещей обязываетъ насъ исполнять добрыя дѣла, или худыхъ убѣгать (§ 28): то слѣдовательно законъ естественный въономъ заключается предложеніи: *дѣлай добро, а худаго убѣгай и удаляйся*. Оное предложеніе почитается общимъ правиломъ, по которому всѣ свободныя дѣла располагать надобно, и за тѣмъ оно по превосходству (κατ᾽ ἐξοχὴν) называется *закономъ естественнымъ* (Lex naturae); потому что безпосредственно течетъ изъ естественнаго обязательства. Можно было помянутое предложеніе назвать и *первымъ закономъ естественнымъ* (Prima lex naturae), потому что прочія предложенія, именно показывающія, что надобно дѣлать и оставлять, оному предложенію суть какъ подлежащія и изъ него доказываемыя. На пр. оныя предложенія: *воздержно живи, всякому свое воздавай, уронъ возвращай*, силу и твердость получаютъ отъ вышепомянутаго предложенія, которое будто бы вмѣсто основанія подкладывается.

VI. Изъ сего явствуетъ, что нехудо нѣкоторые законъ естественный предлагаютъ въ сихъ словахъ: дѣлать надобно то, что насъ и наше состояніе дѣлаетъ совершеннѣйшимъ; напротивъ того убѣгать и оставлять надобно все то, что насъ и наше состояніе дѣлаетъ несовершеннѣйшимъ. Ибо добро не что иное есть, какъ то, что насъ и наше состояніе дѣлаетъ совершеннѣйшимъ (§ 226 Мет.); а худо не что иное есть, кромѣ того, что насъ и наше состояніе дѣлаетъ несовершеннѣйшимъ. И такъ хотя ты скажешь: дѣлай доброе и оставляй худое; или такъ выговоришь сіе предложеніе: дѣлай то, что тебя и состояніе твое дѣлаетъ совершеннѣйшимъ; оставляй то, что тебя и состояніе твое дѣлаетъ несовершеннѣйшимъ:

шимъ: то все одно и тожъ самое объявляешь, перемѣня только слова.

VII. Основаніемъ закона естественнаго есть самое естество, потому что отъ сего получаетъ онъ силу обязывать. § 34.

VIII. Законъ естественный становится намъ извѣстенъ чрезъ разумъ, который справедливо называется учителемъ закона. Ибо когда законъ естественный повелѣваетъ доброе дѣлать, а худаго убѣгать (пол. VI): то слѣдовательно извѣстенъ намъ бываетъ чрезъ то, чѣмъ познаемъ добро и худо. А сіе познаемъ изъ того, естьли разсматриваемъ перемѣны, отъ дѣлъ происходящія, и союзъ между дѣйствіемъ и его слѣдствіями (§ 10). Оное понеже безъ помощи разума быть не можетъ (§ 212 Мет.): то слѣдовательно справедливо разумъ называютъ учителемъ закона естественнаго, и чрезъ него намъ единственно знаемо становится сіе предложеніе: дѣлай то, что тебя и твое состояніе въ совершенство приводитъ; оставляй то, что тебя и твое состояніе дѣлаетъ несовершеннѣйшимъ.

И такъ понеже разумъ научаетъ насъ, какія дѣла суть добрыя и какія худыя: то вразумительно тебѣ, для чего нѣкоторые законъ естественный называютъ *приказаніемъ разума* (Dictamen rationis).

IX. Изъ сего видно, что всѣ слѣдующіе разуму, какъ вождю и правителю, имѣютъ его вмѣсто закона; и такъ имъ не нуженъ особенной законъ, который бы ихъ понуждалъ доброе дѣлать.

X.

X. Законъ естественный есть непремѣнный и необходимый, потому что естественное обязательство есть необходимое и непремѣнное (§ 30). И такъ законъ естественный, который основанъ на обязательствѣ естественномъ (§ 34) равномѣрно долженъ быть необходимый, и такой, чтобъ перемѣниться не могъ.

XI. Законъ естественный есть вѣчный. Ибо все то есть вѣчное, что нибудь есть необходимое, о чемъ и въ Онтологіи довольно мы показали. Къ онымъ самымъ предложеніямъ для совершеннѣйшаго и удобнѣйшаго твоего понятія разсудилось не много словъ придать. Представь себѣ, что законъ естественный можетъ перемѣниться; представь, что есть не необходимый, тогда выдетъ сіе предложеніе: дѣлай то, что худо, то есть, что тебя и твое состояніе дѣлаетъ несовершеннымъ, и оставляй то, что добро. Такимъ образомъ волѣ человѣческой повелѣно будетъ желать худаго, и отвращаться добраго. Но сіе что есть, какъ изъ человѣка сдѣлать не человѣкомъ? (§ 230 Мет.) А что естьли бы, скажешь ты, Богъ благоволилъ такъ человѣка сотворить, чтобъ онъ желалъ худаго, а добра отвращался? Я знаю, что на сіе отвѣтствовать. Но когда мнѣ здѣсь многорѣчивымъ быть не можно, то вспомни то, что мы выше о внутренной худобѣ, или честности всякаго дѣйствія, и въ Онтологіи о необходимости сущностей довольнѣе изтолковали.

XII. Законъ естественный весьма обширно простирается, и сила его, въ обязываніи состоящая, надлежитъ до всѣхъ, какого нибудь состо-

стоянія, людей, и всѣ свободныя дѣла онымъ опредѣляются безъ всякаго выключенія времени или мѣста. Ибо законъ естественный съ самою человѣческою природою такъ тѣснымъ связанъ союзомъ, что его не можно уничтожить, развѣ по истребленіи человѣческой природы. И такъ всякой человѣкъ, сколь долго есть человѣкомъ, не можетъ оному закону не подверженъ быть.

Иные оное такимъ образомъ предлагаютъ: *законъ естественный есть всеобщій* (Lex naturæ est vniuerſalis); потому что надлежитъ до всѣхъ людей; есть *совершенный* (Adaequata), потому что свободныя всѣ дѣла съ нимъ сообразуются и исправляются. И такъ безбожники пусть устыдятся своего невѣжества и безумія, ежели они похотятъ или превратить законы естественные, или желаютъ быть свободными отъ ихъ обязательства. Пускай они умрутъ, и тогда себя почтутъ свободившимися отъ узъ закона естественнаго.

XIII. Изъ всего онаго весьма явственно становится, что всѣ тѣ *съ естествомъ живутъ сходно*, кои въ такое житіе вступили, что наблюдаютъ законъ естественный. Ибо тотъ съ естествомъ сходно живетъ, кто добро дѣлаетъ, а отъ худа отвращается, чего требуетъ и свойство человѣческой воли (§ 230 Мет.); законъ же естественный ничего инаго не повелѣваетъ, какъ добра искать, и худаго убѣгать (§ 30. пол. V). И такъ, кои наблюдаютъ законъ естественный, или они только съ естествомъ согласно живутъ, или никто кромѣ ихъ.

XIV. Богъ есть Творецъ закона естественнаго. Ибо когда все въ свѣтѣ семъ находящееся, и такъ самая человѣческая природа къ Богу Творцу своему относится, что мы и въ естественной Богословіи доказали: то явствуетъ, что Богъ также есть Творецъ обязательства и закона того, который стоитъ на основаніи естественномъ.

XV. Того ради справедливо законъ естественный называется Божественнымъ. Ибо когда тотъ законъ именуется Божественнымъ, гдѣ обязательства Творецъ есть Самъ Богъ (§ 35): то слѣдовательно законъ естественный есть Божественный.

XVI. Чтожъ изъ сего слѣдуетъ? Именно сіе, что тѣ люди всѣ свои дѣла распологаютъ по волѣ Божественной силы, которые съ закономъ естественнымъ, и такъ съ самою природою и разумомъ согласно живутъ. Отсюда оное произошло: гласъ природы есть гласъ Божій. Оный гласъ Божій какъ ради непремѣнной его святыни, такъ ради внутренной худобы и честности дѣлъ всегда онъ непремѣненъ и съ собою согласенъ пребываетъ такъ, что Богъ не явитъ, или явить не можетъ прощенія въ преступленіи заповѣди, на сердцахъ человѣческихъ весьма глубоко изображенной, о томъ, чтобъ дѣлать добро и убѣгать худаго. Иные сіе называютъ *раздѣленіемъ* (Diſpenſare). Напротивъ того не такъ оное бываетъ въ законахъ положительныхъ, которые силу обязывать не отъ существа дѣлъ и людей получаютъ, но отъ свободной воли и изволенія законодателева.

Одно мнѣ осталось тѣмъ обьявить, кои услышавъ сіе предложеніе, дѣлай то, что тебя въ совершенство приводитъ, такъ оныя разумѣютъ слова, что по ихъ мнѣнію раченіе объ одной только собственной пользѣ представляется. Поди, говорятъ они, съ своимъ закономъ естественнымъ, который все къ своей собственной пользѣ, а къ пользѣ другихъ и къ славѣ Божества ничего не относитъ. Но они, будечестны, удобно уразумѣютъ свою гнусную погрѣшность, естьли ниже наше доказательство станутъ о томъ читать, что ни чье состояніе, чтобъ онъ таковъ ни былъ, не можетъ быть совершеннымъ, ежели Бога почитать не будетъ, ежели славу Его разпространять не станетъ, и ежели напослѣдокъ добра не будетъ желать другимъ людямъ, съ коими живетъ въ обществѣ. Ибо всѣ должности, которыя мы должны оказывать Богу и другимъ людямъ, заключаются въ сихъ словахъ: *дѣлай то, что тебя въ совершенство приводитъ.* Оное ясно окажется изъ того, о чемъ ниже будемъ говорить.

ГЛАВА

ГЛАВА IV.

О наказаніяхъ и награжденіяхъ.

§ 37.

Когда мы представили, что надобно примѣчать о законахъ, а особливо о законѣ естественномъ: то слѣдуетъ изтолковать о наказаніяхъ и награжденіяхъ. Ибо обыкновенно бываетъ, что закону повинующіеся люди чувствуютъ въ себѣ увеселеніе отъ нѣкоторыхъ добрыхъ дѣлъ, а преступающіе оной впадаютъ въ злоключенія и получаютъ уронъ въ щастіи, или въ чести, или въ имѣніи, или во внутреннемъ спокойствѣ. То худо, которое законодавецъ для того присовокупляетъ къ худымъ дѣламъ, чтобъ онѣ были оставлены, называется *наказаніемъ* (Poena); а то добро, которое законодавецъ соединяетъ съ честнымъ дѣйствіемъ, чтобъ духъ тѣмъ больше подвигнутъ и возбужденъ былъ оное дѣлать, называется *награжденіемъ* (Praemium).

Гроцій наказаніе такъ опредѣляетъ: есть злоключительное страданіе за худое дѣйствіе (Est malum passionis ob malum actionis). На пр. естьли солдатъ, который или уворовалъ что, или безъ позволенія изъ фрунта выступилъ, батожьями, или плетьми наказанъ бываетъ. Онъ терпитъ злоключеніе для того, чтобъ впредь отъ такихъ худыхъ дѣлъ удалялся. Сіе злоключеніе, которому его тѣло подлежитъ, отъ худаго дѣйствія произшедшее, называется *наказаніемъ*.

§ 38.

Суть нѣкоторыя худа, кои изъ худыхъ дѣлъ по необходимости естественной слѣдуютъ, и никакимъ образомъ ихъ убѣжать не можно (§ 10): таковыя худа называются *наказаніями естественными* (Poenae naturales); а кои добра отъ честныхъ дѣлъ по необходимому слѣдствію произходятъ, такія обыкновенно называются *награжденіями естественными* (Praemia naturalia). Онымъ справедливо противополагаются тѣ наказанія, или награжденія, которыя именуются *положительными* (Positiua), и зависятъ отъ воли законодателевой.

На пр. блудъ, (Ἀσωτία,) который, какъ учитъ Павелъ, по необходимости нѣкоей естественной слѣдуетъ за пьянствомъ и житіемъ любострастно и невоздержно препровождаемомъ, есть наказаніе естественное за невоздержаніе.

§ 39.

Изъ помянутыхъ опредѣленій лучше уразумѣешь слѣдующія положенія:

I. Всѣмъ дѣйствіямъ въ себѣ добрымъ и честнымъ по неразрушимому союзу слѣдуютъ награжденія естественныя, и всѣ дѣйствія въ себѣ худыя суть таковы, что отъ нихъ наказанія естественныя разлучены быть не могутъ.

Оное совершеннѣе уразумѣешь, ежели повторишь вышеобъявленное нами о дѣлахъ въ себѣ добрыхъ и худыхъ. Ибо кто на примѣръ отъ пьянства раздѣлитъ похмѣлье и сырость желудка? Кто такой находится, кто бы могъ оныя внутреннею силою крѣпко соединяющіяся

ся худа, т. е. любострастное житіе, безплодное тѣло и мученія въ совѣсти, взаимно отъ себя самихъ разлучить? Напротивъ того кто можетъ союзъ тотъ естественный разрушить, которымъ сопрягается между собою добродѣтель и душевное спокойствіе?

II. Всѣ естественныя наказанія суть наказанія Божескія, и всѣ награжденія, отъ дѣлъ честныхъ по союзу естественному произходящія, должно также относить къ Творцу Богу. О семъ столь меньше сомнѣваться будешь, сколь обстоятельнѣе знаешь, что существо души и тѣла человѣческаго и весь всѣхъ вещей союзъ отъ Бога зависитъ. Кто на пр. тѣло такъ устроилъ, что силы его отъ роскоши, лѣности и сластолюбія не могутъ не изнемочь, не ослабѣть, не истощиться? Кто душу такъ сотворилъ, что она, упражняясь рачительно въ добродѣтеляхъ, исполняется необходимаго нѣкоего и невѣроятнаго чувствованія радости? Напротивъ того, потопившись она въ нечистотѣ пороковъ, колеблется, мучится томленіями, и совѣстію беззаконій, какъ факелами Фурій? Не Богъ ли сіе устроилъ?

III. Но Божество, къ роду человѣческому милосердое, для того оныя наказанія и награжденія естественныя употребить благоволило, дабы человѣкъ ими обязанъ былъ убѣгать худыхъ дѣлъ, а добрыя и честныя исполнять. Ибо оно съ дѣйствіями добрыми, или худыми, соединило и наказанія и награжденія, какъ побужденія и поощренія, кои бы волю къ добру склоняли и понуждали, или оную бы удержи-

вали

вали отъ худа. Въ семъ самомъ заключается понятіе о обязательствѣ. § 24.

Ежели на пр. кто отъ пьянства изнеможеніе въ тѣлѣ, слабость въ членахъ, и мученіе въ душѣ чувствуя, похочетъ обстоятельно вывѣдать причину довольную, для чего тѣло и душа такими оскорбляется муками, не почувствуетъ ли онъ отъ сихъ приключеній, какъ бы увѣщателей, побужденія благоразумнѣе жизнь препроводить? Не примѣтитъ ли онъ, что радость, отъ совѣсти добрыхъ дѣлъ происходящая, придаетъ ему какъ шпоры, кои бы сердце возбудили большія и превосходнѣйшія на всякъ день исполнять дѣла?

Разсуждай, о чемъ я какъ бы мимоходомъ объявить хочу, сколь есть рачительная о человѣческой пользѣ промыслительница натура? Смотри, сколь благопристойно и попечительно Богъ о состояніи рода человѣческаго промышляетъ! Сколь многіе и разпознать не могли бы, что добро, и что худо, естьли бы Богъ къ дѣламъ гнуснымъ не присовокупилъ нѣкоторыя напасти и злоключенія! Сколь многіе, не обуздавъ свое сердце, по слѣпому стремленію во всякія весьма худыя дѣла впали бы, естьли бы они не боялись естественныхъ наказаній, коими, какъ уздою, отъ непристойности благоволилъ Богъ удержать человѣческое сердце! Сколь многіе ослабѣли бы въ наблюденіи добродѣтели, ежели бы ихъ къ достохвальнѣйшимъ дѣламъ не возбуждали безчисленныя выгодности, по необходимому союзу отъ добродѣтели происходящія, и внутреннее душевное спо-

спокойствіе, путешествующее за добрыми дѣйствіями!

Кромѣ естественныхъ слѣдствій отъ человѣческихъ дѣлъ, безъ сомнѣнія щастія и нещастія, какъ говорятъ, благополучные, или безщастные случаи можно почесть вмѣсто награжденія и наказанія Божескаго. То есть, Богъ прежде всѣхъ вѣкъ совершеннѣйшимъ разумомъ обнявъ сей міръ, причины въ дѣлахъ, поелику онѣ одна съ другою соединена, и слѣдствія нынѣ также видитъ, удивительный въ причинахъ и дѣлахъ, отъ тѣхъ причинъ какъ отъ сѣменъ раждающихся порядокъ и его законы учредилъ, съ которыми Онъ согласно сей міръ управляетъ. Изъ онаго порядка причинъ и дѣлъ, по необходимому союзу сопряженнаго и совокупленнаго, происходитъ понятіе о щастіи и нещастіи (Notio fortunae), которое справедливо назвать можно такимъ причинъ и дѣлъ порядкомъ непрерывнымъ, котораго никакой человѣкъ не можетъ совершенно разсмотрѣть, потому что чудными онъ переплетенъ союзами, и ничего въ немъ не можетъ перемѣниться и пропасть, для того что весьма премудро и осмотрительно связанъ. Оныя случайныя приключенія такъ Богъ разположилъ, что повинующіеся закону люди весьма часто живутъ въ благополучіи; напротивъ того преслушники закона оскорбляются нещастіемъ. И такимъ образомъ щастіе, или нещастіе, по своей нѣкоторой справедливости причитается въ число Божескихъ наказаній, или награжденій. Между учеными людьми споръ произошелъ о томъ, спра-

справедливо ли естественныя наказанія называются *наказаніями*. Оный споръ, въ одномъ словѣ *наказанія* (Poenae) состоящій, справедливо надлежитъ къ однимъ только словопрѣніямъ.

ГЛАВА V.

О добродѣтели и порокѣ и человѣческомъ благополучіи.

§ 40.

Дабы уразумѣть можно было, что есть *добродѣтель* (Virtus): то примѣчать надобно особливо сіе, чтобъ дѣйствія (Actiones), сообразныя съ закономъ естественнымъ, различались отъ навыку (Ab habitu) производить дѣйствія согласно съ закономъ естественнымъ. Ибо того не можно добродѣтельнымъ назвать и почесть, кто одно, или другое дѣйствіе располагаетъ по предписанію закона. Но добродѣтель требуетъ прямаго душевнаго навыку, постоянной и согласной душевной склонности и всегдашней охоты исполнять законныя повелѣнія. Ибо добродѣтель (Virtus) есть навыкъ производить свои дѣла сходно съ закономъ естественнымъ. А порокъ (Vitium), или лучше сказать, злонравіе (Vitiositas) есть навыкъ преступать законъ, или производить свои дѣйствія несходно съ закономъ естественнымъ.

§ 41.

Какія предложенія заключаются въ оныхъ опредѣленіяхъ, тѣ вкратцѣ должно тебѣ знать.

I.

I. Не всякое внѣшнее дѣйствій съ закономъ сходство почитать надобно за добродѣтель. Ибо добродѣтель требуетъ внутренняго, также душевнаго навыку и охоты къ добрымъ дѣламъ.

II. И такъ внѣшнюю честность, состоящую во внѣшнемъ дѣйствій съ закономъ сходствіи, не смѣшивай съ добродѣтелію.

III. Какъ добродѣтель, такъ и порокъ снискиваются употребленіемъ и непрестаннымъ упражненіемъ. Ибо навыкъ, или твердая къ дѣламъ способность, пріобрѣтается непрерывнымъ только упражненіемъ.

IV. Кто одаренъ добродѣтелію, тотъ исполняетъ такія дѣла, кои его состояніе въ совершенство приводятъ. Ибо добродѣтель есть навыкъ производить дѣйствія сходно съ закономъ естественнымъ (§ 40). А кто свои дѣла располагаетъ по закону естественному, тотъ дѣлаетъ то, что его состояніе въ совершенство приводитъ. § 36. пол. V.

Слѣдовательно добродѣтель и такимъ образомъ опредѣлить можно: добродѣтель есть всегдашняя и постоянная воля себя и свое состояніе приводить въ совершенство. Также: добродѣтель есть навыкъ производить свои дѣйствія сходно съ волею Божескою, потому что законъ естественный есть законъ Божескій. § 36. пол. XV.

V. Кто въ добродѣтели упражняется, тотъ свои дѣла охотно и свободно располагаетъ по закону естественному. Ибо добродѣтель есть постоянная и всегдашняя воля порядочно поступать; и кто объ ней рачителенъ, тотъ имѣетъ

имѣетъ нѣкоторую свободность повиноваться закону. И такъ нѣтъ здѣсь внѣшняго принужденія, которое бы духъ понуждало къ добру. Но душу, въ добродѣтели упражняющуюся, приманиваетъ внутренняя честныхъ дѣлъ доброта, и пріятно склоняетъ къ творенію добра.

VI. Слѣдовательно не могутъ быть добродѣтелію одарены тѣ, коихъ боязнь наказанія понуждаетъ оставлять худыя дѣла.

VII. Изъ сего явствуетъ, что добродѣтель сама себѣ есть награжденіемъ. Ибо добродѣтель то дѣлаетъ, чтобъ мы съ закономъ сходно поступали (§ 40), и тѣмъ бы себя и наше состояніе дѣлали совершеннѣйшимъ (§ 36 пол. V). А понеже то, что насъ и наше состояніе дѣлаетъ совершеннѣйшимъ, есть добро (§ 230. Мет.); а добро, отъ дѣйствій, нами исполняемыхъ, происходящее, есть награжденіе (§ 38.): то слѣдовательно добродѣтель намъ даруетъ награжденія, или сама себѣ есть награжденіемъ. Здѣсь также надобно истолковать *нравственную слабость* (Imbecillitas moralis), которая въ томъ состоитъ, когда кого естественное нѣкоторое безсиліе не допущаетъ наблюдать законъ естественный; *а безсиліе естественное* (Impotentia naturalis) тогда имѣетъ мѣсто, когда его не можно силами нашими исправить, или отвратить.

Такимъ образомъ обыкновенно мы немощи естественной вмѣняемъ, когда кто по невѣдѣнію какому, котораго избѣжать не можно было, не наблюдаетъ своихъ должностей. На пр. ежели люди отъ самыхъ младыхъ ногтей между

ду

ду звѣрями будучи воспитаны, оставляютъ почтеніе къ Богу; а естьли невѣденіе о справедливости и честности такое будетъ, что можно было его избѣжать, тогда тотчасъ видно, что ложнымъ немощи естественной прикровеніемъ худыя дѣла прикрываемы и извиняемы бываютъ. См. Карпцовіево разсужденіе о степеняхъ добродѣтели.

§ 42.

Когда въ расположеніи по закону естественному состоитъ великая сила и великая важность для приведенія въ совершенство душевнаго и тѣлеснаго состоянія (§ 36 пол. V): то слѣдовательно, что не можетъ того духъ, кто наблюдаетъ законъ естественный, не исполниться весьма пріятнаго чувствія веселости, потому что радость не можетъ разлучиться отъ пріумноженія нашихъ совершенствъ (§ 219. Мет.) Оная душевная радость, или веселость, раждающаяся отъ наблюденія закона естественнаго, и укрѣпляющаяся на основаніи добродѣтели, дѣлаетъ то, что мы обыкновенно называемъ *благополучіемъ* (Felicitas), которое не что иное есть, какъ состояніе долговременной радости.

Что мы здѣсь разумѣемъ чрезъ *долговременную радость*, о томъ плодовитѣе истолковали въ Метафиз. (§ 220. пол. V) Естьли кто вышеобъявленное тамъ нами разумѣетъ, тотъ не подивится, что мы благополучіе полагаемъ въ состояніи долговременной радости. А естьли такіе люди найдутся, коимъ не покажется сіе понятіе о благополучіи, то ихъ прошу, дабы нѣсколько сіе въ умѣ разсудили, что я ради изъ-

яс-

ясненія представлю. Благополучіе человѣческое происходитъ или отъ болѣзни и печали, или отъ радости. О первомъ никто того сказать скоро не можетъ. И такъ остается намъ утвердить, что благополучіе состоитъ въ состояніи радостномъ. Но какую ты здѣсь разумѣешь радость? скоро бѣгущую ли, краткую ли и изчезающую? такую ли напослѣдокъ почитаешь, какая обыкновенно бываетъ въ людяхъ любострастныхъ и пьяныхъ, которые по коихъ поръ обращаются въ домахъ безчестныхъ и мотовствахъ, до тѣхъ подъ возносятся безмѣрною радостію; а спустя не много времени, видятъ, что отъ безумнаго того веселія раждаются безчисленныя причины раскаянія и соболѣзнованія? Таковая радость, или лучше сказать, тѣнь радости, не только не раждаетъ благополучія, но паче бѣдными и весьма нещастливыми дѣлаетъ всѣхъ тѣхъ, кои служатъ сластолюбіямъ. Слѣдовательно сіе осталось заключить, что никакое благополучіе не можетъ быть, кромѣ того только, которое со всегдашнею и постоянною сопряжено радостію.

Цицеронъ опредѣляетъ благополучіе чрезъ собранное объятіе благъ, по отлученіи всѣхъ злоключеній. (Кн. 5. вопр. Туск.) Иные такъ опредѣляютъ: *благополучіе* есть наслажденіе добра. Они наше опредѣленіе иными только словами предлагаютъ.

§ 43.

Неблагополучіе (Infelicitas) есть состояніе долговременной скуки.

Ту

Ту скуку, которая скоро проходитъ, и которая часто непрестанною радостію награждается, не надобно называть неблагополучіемъ.

§ 44.

О благополучіи примѣчай слѣдующія положенія:

I. Кто состояніе свое ежедневно дѣлаетъ совершеннѣйшимъ, тотъ не можетъ не пріобрѣсть благополучія.

Ибо кто состояніе свое дѣлаетъ совершеннѣйшимъ, тотъ не можетъ не умножить пріятность и радость душевную (потому что радость не можетъ разлучена быть отъ совершенствъ и ихъ чувствія, § 19. Мет.), и происходящая оттуда оная радость не можетъ перемѣниться въ скуку (для того что нѣтъ причины къ скукѣ; ибо къ совершенствамъ придаются другія совершенства). И такъ явствуетъ, что тотъ не можетъ не пріобрѣсть благополучія, кто состояніе свое ежедневно совершеннѣйшимъ дѣлаетъ.

II. Кто наблюдаетъ законъ естественный, тотъ получаетъ благополучіе. Ибо когда тотъ, кто наблюдаетъ законъ естественный, дѣлаетъ свое состояніе совершеннѣйшимъ (§ 36. пол. V), то слѣдовательно онъ получаетъ благополучіе.

III. Кто наблюдаетъ добродѣтель, тотъ неотмѣнно пріобрѣтаетъ благополучіе. Ибо когда тотъ благополучіемъ наслаждается, кто хранитъ законъ естественный, (пол. II.) а свойство добродѣтели есть первое сіе, чтобъ хранить *законъ естественный* (§ 40): то

раз-

разумѣется, что добродѣтель и раждаетъ и сохраняетъ благополучіе.

IV. И такъ изъ сего видно, что всякой порокъ есть препятствіемъ къ благополучію и причиною бѣдности и неблагополучія.

V. Кто съ разумомъ и волею Божескою живетъ сходно, тотъ бываетъ участникъ благополучія. Понеже тотъ, кто закону естественному повинуется, бываетъ благополученъ (пол. II.); а законъ естественный есть самый разумъ, и законъ Божескій (§ 36. пол. XV). Слѣдовательно не можетъ тотъ быть неблагополучнымъ, кто повинуется разуму и волѣ Божеской.

VI. Верьховное добро (Философское) и благополучіе тѣснымъ союзомъ соединяются, и взаимно между собою разлучиться не могутъ. Естьли кто такимъ образомъ живетъ, что себя на всякъ день совершеннѣйшимъ дѣлаетъ, и совершенства наипаче пріумножаетъ, и больше въ нихъ успѣваетъ: тогда мы говоримъ, что онъ въ сей жизни силою разума не можетъ достигнуть большаго нѣкоего и превосходнѣйшаго добра, какъ онаго. И такъ ему вмѣняемъ *верьховное добро* (Summum bonum); а когда состояніе то, въ которомъ кто себя на всякъ день совершеннѣйшимъ дѣлаетъ, не можетъ разлучиться отъ благополучія (пол. I): то явствуетъ, что верьховное добро и благополучіе весьма тѣснымъ союзомъ соединяются.

Философы во всякое время спорили о верьховномъ добрѣ, которое Волфій полагаетъ въ успѣхѣ непрепятственномъ къ большимъ на всякъ

всякъ день совершенствамъ; но, какъ обыкновенно бываетъ, спорили они больше о словахъ, нежели о самой вещи. Тотъ же Волфій верьховное худо называетъ непрепятственнымъ успѣхомъ къ большимъ на всякъ день несовершенствамъ.

ГЛАВА VI.

О совѣсти.

§ 45.

Естьли кто желаетъ жизнь располагать по закону естественному, и такъ наслаждаться истиннымъ благополучіемъ (§ 44. пол. II.), тогда надлежитъ ему каждое дѣйствіе, которое онъ начинаетъ, или оставляетъ, обстоятельнѣе вывѣдать, согласно ли оно съ закономъ, или нѣтъ? Сіе быть не можетъ безъ помощи разума, коимъ разсматриваемъ, что честно, и что непристойно, и такъ разсуждаемъ, надобно ли начать оное дѣло, или оставить. Сіе разсужденіе о честности и непристойности дѣйствій называется *совѣстію* (Conſcientia).

На пр. естьли кто хитрымъ образомъ у неосторожнаго человѣка деньги выманитъ, или обманомъ и беззаконною злобою дружескія сердца приведетъ въ несогласіе и сожительство разоритъ: тотъ, когда разсуждаетъ, хорошо ли онъ сдѣлалъ, или нѣтъ, чувствуетъ въ себѣ силу совѣсти. Подробнѣе нѣсколько и тонко

ко Волфій изслѣдовалъ всѣ въ совѣсти формы и виды, изъ коихъ главныя только представимъ въ разсужденіи нашего намѣренія.

§ 46.

Ежели мы разсуждаемъ прежде о дѣлѣ, нежели сдѣлано будетъ, начинать ли его, или оставить надобно, тогда сіе разсужденіе называемъ *совѣстію предваряющею* (Conſcientia antecedens); но тожъ разсужденіе по учиненіи дѣйствія называемъ *совѣстію послѣдующею* (Conſcientia conſequens).

Ежели прежде начинанія дѣла разсуждаемъ только мы объ ономъ, доброе ли оно, или худое, тогда называется *совѣсть Теоретическая* (умозрительная). А ежели мы разсмотрѣть намѣреваемъ, надобно ли начинать, или оставить, тогда совѣсть именуется *Практическая* (дѣятельная).

§ 47.

Ежели твое разсужденіе о честности, или гнусности начинаемаго, или начатаго дѣйствія будетъ истинное, тогда совѣсть называется *истинная*, или *правая* (Vera, vel recta); а ежели разсужденіе будетъ ложное, то и она есть *ложная*, или *погрѣшительная* (Falſa, vel erronea).

Ежели сомнѣваешься о дѣйствіи, доброе ли оно, или худое, тогда совѣсть называется *сомнительная* (Dubia); а та причина, которая принимаетъ сомнѣніе о дѣлѣ, честное ли оно, или гнусное, называется *сомнѣніемъ совѣсти* (Scrupulus conſcientiae).

Кто оныя понятія подробно знать желаетъ, тотъ пусть повторитъ то, что мы въ Логикѣ

представили о разсудкѣ истинномъ, или ложномъ, также и о сомнительности. Для изъясненія оныхъ опредѣленій способны кажутся слѣдующіе примѣры: естьли кто присягу наблюдать старается, какъ *Регулъ у Цицерона*; естьли кто также разсуждаетъ, что ничего сребролюбиво, неправедно, любострастно и невоздержно дѣлать не надобно, хотябъ всѣ люди о томъ знать не могли, тому вмѣняемъ совѣсть истинную, или правую. А естьли кто, какъ Пиѳій, тотъ, который въ городѣ Сиракузахъ былъ серебреныхъ дѣлъ мастеръ, ближняго ради своей пользы обмануть, и лукавствомъ обольстить, не только не будетъ почитать за грѣхъ, но еще за честное дѣло и ума своего достойное; естьли кто, лучше желая одинъ, нежели съ другимъ царствовать, вздумаетъ подъ видомъ пользы, что справедливо можно убить брата, какъ Ромулъ учинилъ: то въ такомъ человѣкѣ находишь не меньше ложную и погрѣшительную совѣсть, какъ въ томъ, который грабительствомъ другихъ желая умножить свое имѣніе, думаетъ, что можно сдѣлать ядомъ, да еще и безъ грѣха, чтобъ истинныхъ наслѣдниковъ лишить и самому бы на ихъ мѣсто вступить. Ежели отецъ стараться будетъ измѣнить отечеству, и сынъ о семъ злодѣяніи провѣдаетъ; но сомнѣвается, донести ли о томъ гражданскому суду, или умолчать, тогда совѣсть сыновняя есть сомнительная. Естьли кто Павлово посланіе къ Коринѳяномъ писанное читать будетъ, и найдетъ, что премудрость человѣческая называется *буйствомъ*

μωρία, и увидитъ, что самые Фисософы исключаются почти отъ блаженства вѣчнаго: тогда слова Павловы сомнѣніе наведутъ ему, коими онъ будучи обезпокоенъ, сомнѣваться начнетъ, справедливо ли онъ и безъ урону опасенія своего можетъ обучаться Философіи. И такъ слова Павловы суть сомнительства въ совѣсти, кои сердце колютъ и щиплютъ такъ, какъ маленькой камень, который въ сапогъ упавши, весьма оскорбляетъ ногу; и когда на него наступятъ, то причиняетъ печаль и муку.

§ 48.

Когда Логика учитъ, что разсужденіе истинное есть или *извѣстно* (Certo), или *вѣроятно* (Probabiliter) истинное (§ 156): то слѣдовательно и совѣсть истинная есть или *извѣстная*, или *вѣроятная* (Certa, vel probabilis).

На пр. ежели кто, утвердясь на доказательствахъ, подлинно знаетъ, что въ договорахъ никакой лжи быть не должно; естьли кто о томъ подлинно будетъ извѣстенъ, что доброму человѣку непристойно искать наслѣдства лукавыми и ласкательными услугами: тогда совѣсть его будетъ извѣстная (Certa). А естьли добрый человѣкъ (какой случай приводитъ Цицеронъ въ кн. III. о долж. гл. 12) изъ Александріи въ островъ Родійской привезъ великое число хлѣба въ то время, когда жители того острова имѣли недостатокъ, голодъ и великую дороговизну въ запасѣ; ежели тотъ же человѣкъ узнаетъ и увидитъ, что многіе купцы изъ Александріи въ островъ Родійской ѣдутъ съ

съ кораблями, хлѣбомъ нагруженными, тогда онъ скажетъ ли о томъ жителямъ Родійскимъ, или умолчитъ, желая продать свой хлѣбъ весьма дорого. Чтобъ умолчать ему, то сіе по видимому могутъ защищать сіи причины и обстоятельства:

1) Безъ коварства я поступаю, говоритъ купецъ, и худобы никакой въ хлѣбѣ нѣтъ, о чемъ мнѣ по праву гражданскому надлежало бы обьявить.

2) Кто продаетъ свое, тотъ все желаетъ весьма хорошо продать.

3) Я привезъ, такъ далѣе говоритъ купецъ, я выгрузилъ; продаю свой хлѣбъ не дороже, какъ прочіе: можетъ быть и дешевле, когда его много.

4) Кому обидно? я не вырываю денегъ у покупальщиковъ, и на нихъ товару своего не навязываю, и пр.

Изъ оныхъ обязательствъ выводитъ онъ вѣроятно такое заключеніе: слѣдовательно вольно и не грѣшно молчать о корабляхъ, ѣдущихъ въ островъ Родійской.

§ 49.

Естьли кто, слѣдуя разуму, какъ вождю, такое будетъ о дѣйствіяхъ исполненныхъ, или исполняемыхъ имѣть разсужденіе, которое на подробномъ утверждается познаніи дѣйствія: тогда совѣсть называется *свободною* (Libera). А естьли кто стремленіемъ страстей, какъ вихремъ будучи восхищенъ, такъ станетъ разсуждать, что чувствамъ, обманчивымъ тѣмъ и весьма худымъ совѣтователямъ, больше слѣдовать

вать будетъ, нежели разуму: тогда совѣсть обыкновенно называется *рабскою* (Serva).

Естьли бы кто Крассу далъ такую силу, чтобъ онъ, подписавшись подъ чужую руку, могъ быть наслѣдникомъ, хотябъ точно сего и не бывало: тогдабъ онъ непремѣнно предъ всѣми скакалъ отъ радости, потому что прелестію чувствъ и сребролюбіемъ будучи побужденъ, имѣніе предпочитаетъ честности, слѣдуя въ томъ рабской совѣсти. А мужъ правдивый и добрый, имѣя совѣсть свободную, какъ вождя и правило, ничего ни у кого не отниметъ ради своей прибыли.

§ 50.

Когда совѣсть послѣдующая согласна съ предваряющею, тогда мы такъ говоримъ: совѣсть насъ *извиняетъ* (Excusat); а ежели несогласіе будетъ въ совѣсти предваряющей и послѣдующей, тогда совѣсть насъ *обвиняетъ* (Accusat).

На пр. Іуда, прежде нежели Христа предалъ, чаемое награжденьице почиталъ за доброе и полезное, да еще и больше оное цѣнилъ, нежели благодать и любовь Спасителя своего. А какъ только беззаконное сіе дѣло учинилъ, то весьма печальнымъ раскаянія чувствомъ мучимъ былъ, и преданіе и деньги взятыя почиталъ беззаконными, худыми, вредными и проклятыми. Смотри, какое въ совѣсти предваряющей и послѣдующей несогласіе, въ коемъ заключается обвиненіе совѣсти! Когда Цицеронъ злоумышленность Катилинову разогнавъ, выгналъ вонъ самаго Катилину и его драбантовъ и вспомогателей: тогда онъ разсуждалъ, что такое дѣло исполнилъ, которое будетъ обществу весьма полезно. Послѣ изгнанія Катилины въ ссылку хотя онъ себя видѣлъ подверженнымъ великой ненависти и поношенію, однако твердо стоялъ въ намѣреніи, и чувствовалъ, что онъ былъ охранитель общества. Въономъ самомъ совѣсть извиняла Туллія. О чемъ смотри рѣчь III Катил. гл. 12.

§ 51.

Угрызѣніе совѣсти (Morsus conscientiæ) есть такая скука, которая произходитъ изъ обвиненія совѣсти, или изъ несогласія совѣсти предваряющей и послѣдующей.

Неронъ, который убивство матери почиталъ за доброе, и за тѣмъ исполненія достойное, но учиня сіе весьма страшное беззаконіе, инымъ образомъ разсуждалъ, и проклиналъ свое дѣло. Изъ онаго въ разсужденіи или въ совѣсти предваряющей и послѣдующей несогласія купно произходили смущенія въ душѣ, которыя Светоній такъ предлагаетъ очамъ читателей: Неронъ злодѣйской совѣсти своей, хотя она отъ солдатъ, отъ Сената и народа была подкрѣпляема поздравленіями, тотчасъ, или послѣ того времени никогда не могъ терпѣть, и часто признавался, что его безпокоитъ видъ матерній, удары Фурій, и горящіе ихъ факелы.

Изрядно также Саллустій угрызѣнія совѣсти, кои сердце Югуртово уязвляли, такимъ образомъ описалъ: Послѣ того случая Югуртѣ ни дня, ни ночи ни одной спокойной не было, ни

ни мѣсту, никакому человѣку, и ни времени довольно не вѣрилъ, гражданъ и враговъ равномѣрно боялся; вкругъ себя все осматривалъ, и отъ всякаго шума трепеталъ; на томъ и на другомъ мѣстѣ часто не по приличію Царскому ночью опочивалъ; иногда отъ сна пробудившись, схватя оружіе, мятежъ дѣлалъ: такъ боязливостію какъ бы безуміемъ былъ колеблемъ. Войн. Югурт. гл. 72.

§ 52.

Кто въ долговременномъ грѣха употребленіи и упражненіи такъ затвердѣлъ, что онъ то, что дѣлаетъ, больше не примѣчаетъ, и такъ не развѣдываетъ, худое ли то дѣло, или честное, которое исполняетъ, но слѣдуетъ, куда его поведетъ необузданное желаніе: тогда мы говоримъ: *совѣсть его спитъ* (Conſcientia dormit). *И* такъ *сонъ совѣсти* (Somnus conſcientiæ) не что иное есть, какъ такое человѣческой души состояніе, когда человѣкъ о томъ ниже помышляетъ, сходны ли съ закономъ естественнымъ, или Божескимъ, исполняемыя его дѣла, или нѣтъ.

Волфій въ Философіи Практической Универсальной въ § 499 такимъ образомъ опредѣляетъ: *сонъ совѣсти* называется отсутствіемъ совѣсти предваряющей и послѣдующей. На пр. естьли кто во всякія пороки и любострастія вдавшись и опустившись, такъ уже роскошь и всѣ сластолюбія за обычайныя имѣетъ, что блудодѣйствовать, роскошно жить и въ праздности быть, онъ уже себѣ изъ обыкновенія въ натуру премѣнилъ, потому что все свое житіе въ своевольствѣ, лѣности и забавахъ пре-

препроводилъ: тогда человѣкъ такой обыкновенно не разсуждаетъ худобу своихъ дѣйствій. Сіе самое есть доказательствомъ, что спитъ совѣсть. Сномъ совѣсти усыпленнымъ людямъ тожъ случается, что и пьянымъ обыкновенно приключается, о которыхъ знаемъ, что потерявши они умъ, и такъ самыхъ чувствъ лишившись, едва разпознаютъ одно отъ другаго, и ничего того не знаютъ, что дѣлаютъ.

§ 53.

Естьли кто послѣ сна совѣсти развѣдываетъ прошедшія дѣйствія, и все прежде бывшее прилѣжно разсуждаетъ, тогда мы говоримъ: *совѣсть пробуждается* (Conſcientia evigilat).

На пр. братья Іосифовы, во всемъ недостатокъ имѣя, и съ голоду почти умирая, убѣждены будучи памятію о нанесенной прежде Іосифу обидѣ, великой грѣхъ въ себѣ признавали. Понятіе о совѣсти, спящей и пробуждающейся, крайнѣ изъясняетъ примѣръ *Александра Великаго*, который, не совладѣвъ гнѣвомъ, и чрезмѣрно напившись пьянъ, пронзилъ Клита въ бокъ копьемъ, мало разсуждая о непристойности сего дѣла, по коихъ поръ пьянство представляло мысли какъ нѣкоторую ночь. (*Вотъ образъ совѣсти спящей!*) Онъ же вытрезвившись съ позднымъ разсужденіемъ разсмотрѣлъ великое такое дѣло и беззаконіе, къ которому стремился, и по утоленіи жестокаго гнѣва тотчасъ оное почтилъ истиннымъ уваженіемъ. (Курц. кн. VIII. гл. 2.)

§ 54.

§ 54.

Кто никакой изъ учиненнаго дѣйствія скуки не чувствуетъ, хотя самое дѣло и обстоятельнѣйшему слѣдствію представитъ: тогда тотъ, какъ говорятъ, *наслаждается совѣстію спокойною* (Conſcientia tranquilla). А печаль и болѣзнь, слѣдующая за учиненнымъ дѣйствіемъ, дѣлаетъ совѣсть смутною и безпокойною.

§ 55.

Кто наслаждается совѣстію спокойною, т. е. кто слѣдуетъ всегда разуму въ дѣйствіи, какъ вождю, и себя не допущаетъ притти къ учиненію таковаго худа, которое запрещаетъ разумъ: тогда онъ называется *совѣстнымъ* (Religioſus). А кто стремленіемъ страстей будучи восхищенъ, то исполняетъ, что по разсужденіи всѣхъ дѣйствія обстоятельствъ представляетъ гнуснымъ, и то онъ оставляетъ, что разумъ усматриваетъ за доброе, честное и исполненія достойное: тогда называется человѣкомъ *безсовѣстнымъ* (Homo nullius conſcientiæ). Естьли кто печется о томъ, чтобъ имѣть совѣсть правую и извѣстную: тогда тотъ, какъ говорятъ, *совѣсть хранитъ* (Conſcientiam cuſtodit).

На пр. что Регулъ совѣстенъ былъ въ наблюденіи вѣрности и должности, о томъ свидѣтельствуетъ его постоянство, съ которымъ намѣревалъ сохранить присягу, Карѳагенцамъ данную; не хотѣлъ онъ оставить своего намѣренія ни подъ какимъ видомъ, ни для какихъ выгодъ, ниже ради самой боязни, чтобъ не претерпѣть жесточайшую смерть. Онъ слѣдовалъ разуму, по наученію котораго весьма свято зналъ сохранять обѣщаніе и все то, что по видимому чувствамъ льстило, съ великодушнымъ и непобѣдимымъ сердцемъ презиралъ. Но *Кесарь* никакой не имѣлъ совѣсти, которой по свидѣтельству *Цицеронову* всѣ права Божественныя и человѣческія въ непорядокъ привелъ ради того начальства, которое онъ самъ въ себѣ воображалъ по мнѣнію ложному. Любострастію и владычествованію больше угождалъ, нежели разуму и обществу. (См. Циц. о должн. кн. I. гл. IX.) Равнымъ образомъ переметчикъ тотъ, который, ежели ему награжденіе будетъ дано, обѣщалъ умертвить ядомъ *Пирра*, о себѣ свидѣтельствовалъ, что никакой онъ не имѣетъ совѣсти, о чемъ Цицеронъ кн. III. о должн. гл. 25.

§ 56.

Разные совѣсти виды изъяснивъ, и истолковавъ подробно понятія, сюда принадлежащія, весьма удобно будетъ нынѣ уразумѣть положенія, утвержденныя на вышепредставленныхъ опредѣленіяхъ.

I. Гдѣ нѣтъ никакого познанія о законѣ естественномъ, тамъ совѣсть не можетъ мѣста имѣть. Гдѣ никакое разсужденіе о честности и худобѣ дѣлъ мѣста не имѣетъ, тамъ нѣтъ мѣста и совѣсти (§ 45). Гдѣ никакого не находится познанія о законѣ естественномъ, тамъ не можетъ быть разсужденіе о честности, или худобѣ дѣйствій. Ибо всякая честность и худоба дѣйствій разсматривается по закону естественному, съ которымъ естьли что согласно, то обыкновенно называется доброе и честное; напротивъ того худое и гнусное

сное есть то, что ему противно (§ 36. пол. VI).

Иные такъ опредѣляютъ: совѣсть есть приложеніе закона къ дѣламъ собственнымъ. (§ 45) Какимъ же образомъ законъ будетъ приложенъ къ дѣламъ, ежели его не будеть знать? И такъ статься сему не можно, чтобъ совѣсть мѣсто имѣла безъ познанія закона.

II. Безъ разума никакая не можетъ быть совѣсть. Ибо когда законъ естественный познаемъ чрезъ разумъ (§ 36. пол. VIII), а безъ познанія закона естественнаго совѣсть не можетъ мѣста имѣть (пол. I): то слѣдовательно никакая совѣсть не можетъ быть безъ разума.

III. И такъ безсловеснымъ животнымъ не приличествуетъ совѣсть, потому что не имѣютъ онѣ разума (§ 279. пол. II. Мет.), безъ котораго совѣсть не имѣетъ мѣста.

IV. Статься можетъ, что иной поступаетъ противъ совѣсти, а именно, ежели онъ перемѣняетъ разсужденіе о честности и худобѣ дѣйствій. Ибо естьли кто что прежде почиталъ за доброе, нынѣ тожъ самое по нѣкоторымъ причинамъ, прежде недознаннымъ, почитаетъ за худое и противнымъ образомъ: то явствуетъ, что твой духъ нынѣ отвращается отъ того, на что прежде какъ добро стремился, и противнымъ образомъ. Ибо по перемѣнномъ познаніи добра, или худа, перемѣняется желаніе и отвращеніе (§ 230. Мет.). И такъ кто скажетъ, чтобъ человѣкъ то оставить не могъ, что прежде думалъ исполнять, и то сдѣ-

сдѣлать, что прежде оставить за должное почиталъ?

Но многія суть обстоятельства, которыя причину подаютъ намъ перемѣнять разсужденіе о томъ, что добро, или худо. Иногда по прошествіи времени въ самой вещи открываемъ нѣкоторыя обстоятельства, по причинѣ которыхъ то ставимъ за худо, что прежде почитали за добро.

На пр. послушаніе родителямъ оказывать надобно, разсуждаешь, что сіе есть нѣчто доброе. А ежели отецъ прикажетъ тебѣ воровать, или отечеству измѣнить, тогда повиновеніе то, кое отцу прежде думалъ оказывать, почитаешь за худое нѣчто. Наипаче чувство и воображеніе, и отъ сихъ двухъ происходящія страсти смутительнѣйшія, обыкновенно въ душѣ человѣческой перемѣняютъ разсудокъ о добрѣ, или худѣ. Оттуда случается, что нѣкоторые люди, стремленіемъ чувствъ и страстей, какъ вихремъ будучи восхищены, то дѣлаютъ, что по предводительству разума признавали за гнусное. Многіе люди вѣдаютъ, что прелесть сластей губитъ ихъ, и что великая гнусность находится въ любострастіяхъ; о семъ подлинно знаючи, и другимъ о томъ же весьма часто обьявляютъ. Но лестію чувствъ будучи обольщены, сыскавъ случай, то дѣлаютъ, что осуждали, и отъ той сласти, отъ которой какъ яда убѣгать другимъ совѣтовали, сами не удаляются, но ей весьма гнусно раболѣпствуютъ. Смотри то, что о сраженіи желанія раз-

разумнаго и чувствительнаго представили мы во *Психологіи*.

V. Сколь долго мы разуму, какъ вождю слѣдуемъ, или дѣйствія по опредѣленію свободной совѣсти исполняемъ (§ 49), по тѣхъ поръ по обстоятельному разсужденію каждой причины не можно намъ поступать противъ совѣсти. Ибо сколь долго кто наученію разума, или свободной совѣсти слѣдуя, подробно познаетъ добро и худо, и всѣ причины дѣйствій обстоятельно разсуждаетъ, по тѣхъ поръ не можно волѣ того желать, что разумъ подробно признаетъ за худое, и отвращаться отъ того, что имѣетъ онъ за доброе (§ 230. Мет.).

Естьли кто подробно и заподлинно знаетъ, что лгать, обманывать, воровать, есть худое дѣло, поистиннѣ онъ отъ всякой лжи и воровства будетъ отвращаться, а именно по тѣхъ поръ, пока разумъ станетъ имъ повелѣвать, и силою чувствъ и страстей съ своего какъ бы престола не будетъ низверженъ.

VI. Кто по совѣсти погрѣшительной дѣлаетъ, тотъ грѣшитъ. Ибо кто по совѣсти погрѣшительной дѣлаетъ, тотъ почитаетъ добрымъ то самое, что худо, и то худымъ ставитъ, что добро (по опредѣл. погрѣшности). И такъ онъ того самаго, что точно худо, желаетъ и дѣлаетъ, потому что мнитъ доброе быть; а что въ самой вещи добро, отъ того будетъ отвращаться, потому что думаетъ быть худое. Слѣдовательно дѣлаетъ онъ противъ закона естественнаго, который всякому доброе дѣлать, а худое оставлять повелѣваетъ

ваетъ (§ 36. пол. V). Кто поступаетъ противъ закона, тотъ *грѣшитъ* (Peccat); слѣдовательно тѣ грѣшатъ, которые поступаютъ по совѣсти погрѣшительной.

Ежели идолопоклонники деревяннымъ образамъ и каменьямъ почтеніе отдаютъ Божеское, тогда погрѣшность совѣсти приводитъ ихъ жертвовать и молиться идоламъ. Но почтеніе оное понеже есть весьма гнусное и не позволяемое, то слѣдовательно язычники въ превеликое беззаконіе впадаютъ, когда они то почитаютъ за доброе и исполненія достойное, что худо, гнусно и ненавистно.

VII. Кто противъ совѣсти погрѣшительной поступаетъ, тотъ также равномѣрно грѣшитъ. Ибо кто противъ совѣсти поступаетъ, хотябъ она была правая и истинная, хотябъ ложная, тотъ или по желанію, или подъ видомъ пользы, или для другой какой причины исполняетъ то, что разсуждаетъ быть худое; а то оставляетъ, что почитаетъ за доброе. Въономъ какой порокъ находится, сіе ты понимаешь и безъ моего объясненія, особливо естьли разсудишь, что такой человѣкъ знаючи, по своей волѣ то преступаетъ, что почиталъ за предписываемое по опредѣленію закона.

Ежели идолопоклонникъ почтенія того, о которомъ думаетъ, что надобно оказывать оное идоламъ, не воздаетъ ихъ статуямъ, въ томъ онъ грѣшитъ, только не для того, что почтенія не дѣлаетъ идоламъ; но ради того, что онъ оставляетъ и презираетъ то, что имѣетъ въ умѣ за доброе. Ибо показываетъ онъ легкомы-

мысленность и злобу душевную. Діонисій родомъ изъ Сиракузъ, ежели, какъ вѣроятно, идоловъ имѣлъ вмѣсто истинныхъ Боговъ, то онъ поступалъ противъ совѣсти хотя погрѣшительной, и за тѣмъ грѣшилъ, насмѣхаясь идоламъ, изъ мѣди сдѣланнымъ, и обдирая съ нихъ украшенія. О чемъ *Валерій великій* больше представляетъ въ кн. 1 гл. 1. о благочестіи.

VIII. Изъ сего видно тебѣ, сколь нужно для благополучія человѣческаго при желаніи и оставленіи вещей имѣть прямую понятіе истинное о добрѣ и худѣ, и отъ заблужденій и предразсудительныхъ мнѣній не сбиваться ему съ праваго пути. Ибо тѣ грѣшатъ, хотя дѣйствіе исполняютъ, или оставляютъ, кои въ дѣйствіи бываютъ водимы по заблужденіямъ (пол. VI. VII).

IX. Кто начинаетъ дѣйствіе, тотъ грѣшитъ, по коихъ поръ совѣсть его сомнительна. Ибо сколь долго совѣсть сомнительна, по тѣхъ поръ хотящій начать дѣйствіе не вѣдаетъ, что надобно ли оное начинать, или нѣтъ, честное ли оно, или худое. И такъ представь себѣ, что такой человѣкъ хотя дѣйствіе и начинаетъ, однако сомнѣвается, доброе ли оное, или худое, то не будетъ ли онъ тогда почитать за одно честность и худобу дѣйствія? Не будетъ ли онъ такъ про себя думать: хотя дѣло будетъ доброе, которое я начинать хочу, хотя худое, однако я его начну? Такъ онъ поступая, не окажетъ ли сего, что хочетъ противъ совѣсти дѣлать и въ томъ грѣшить? А кто хочетъ грѣшить, тотъ уже грѣшитъ; по-

потому что законъ насъ обязываетъ, чтобъ мы добрыя дѣла не только исполняли, но и желали также исполнять; слѣдовательно, кто начинаетъ дѣйствіе, о которомъ не знаетъ, къ добрымъ ли дѣйствіямъ оное причесть, или къ худымъ, тотъ грѣшитъ, и тѣмъ Бога прогнѣваетъ.

На пр. ежели кто не вѣдаючи возметъ фальшивыя монеты за настоящія, хотя онъ о томъ провѣдаетъ, и не зная, что дѣлать, будетъ сомнѣваться, честное ли то дѣло, и дозволено ли ихъ вмѣсто настоящихъ заплатить тому, кому долженъ, однако заплатитъ: тотъ себя великимъ обязываетъ грѣхомъ. Изрядно о семъ пишетъ Цицеронъ въ кн. 1. въ гл. 9. о должн. Почему хорошо заповѣдаютъ тѣ, кои запрещаютъ что нибудь дѣлать такое, о чемъ ты сомнѣваешься, праведноль оно, или беззаконно. См. Стеинверг. рѣчь о обязательствѣ совѣсти сомнительной.

X. Изъ онаго понятно, что совѣстной человѣкъ не можетъ начинать ничего такого, въ чемъ бы онъ сомнѣвался, честное ли то, или худое. Ибо слѣдуетъ онъ свободной совѣсти, (§ 55), и за тѣмъ свои дѣла располагаетъ по правилу и опредѣленію разума. И такъ онъ ничего не дѣлаетъ, кромѣ того, что разумъ доказываетъ быть доброе, и ничего не оставляетъ, кромѣ того, что разумъ велитъ оставлять все. Оное противнымъ образомъ происходитъ въ тѣхъ людяхъ, кои духомъ колеблючись, приступаютъ къ дѣлу, имѣя намѣреніе начать дѣй-

дѣйствіе, хотя оно будетъ согласно съ закономъ, или нѣтъ.

XI. И такъ для спокойствія душевнаго весьма нужно имѣть совѣсть извѣстную; но сіе ничѣмъ совершить не можно, какъ только доказательствомъ, которое, какъ мы въ Логикѣ учили, есть главный способъ въ познанію извѣстному (§ 159 Лог.) На пр. ежели разумъ, противными причинами туда и сюда будучи понуждаемъ, не можетъ опредѣлить, позволено ли плясать, тогда надобно уму внутренныя причины, кои ради защищенія котораго нибудь мнѣнія, или обѣихъ представляются, разсуждать, уважать и склониться по силѣ доказательствъ.

XII. Когда сомнительства совѣсти оную дѣлаютъ сомнительною (§ 47), то явствуетъ, что для изъятія оныхъ изъ совѣсти сомнительствъ весьма угодны доказательства.

XIII. Кто по совѣсти правой и извѣстной поступаетъ, тому не для чего бояться обвиненія совѣсти. Ибо кто по совѣсти правой и извѣстной поступаетъ, тотъ не только почитаетъ то за доброе, но еще подлинно вѣдаетъ, что оно доброе и честное (§ 48).

И такъ статься сіе не можетъ, чтобъ онъ перемѣнилъ разсужденіе о добрѣ, или худѣ, и за тѣмъ разсужденіе послѣ дѣйствія учиненное никогда не будетъ разнствовать отъ разсужденія прежде дѣйствія. Изъ сего самаго явствуетъ, что ему не надобно бояться обвиненія совѣсти, которое приключается отъ несогласія раз-

разсужденія прежде дѣйствія и отъ разсужденія послѣ дѣйствія (§ 50).

Представь себѣ, что судья, который правосудіе равно являетъ и дѣлаетъ, вора, или разбойника, приказалъ въ кандалы посадить. Сей судья то дѣлаетъ, что за подлинно знаетъ, что оно обществу есть полезное и доброе. Представь же далѣе, что воръ, или разбойникъ въ тюрьмѣ, или ножемъ горло у себя перерѣзалъ, или на петлѣ удавился. думаешь ли ты, что судью совѣсть обвинять будетъ? Я не могу думать сего, потому что совѣсть послѣдующая согласна будетъ съ предваряющею судейскою совѣстію.

XIV. Изъ сего оказывается, что угрызѣнія совѣсти не надобно бояться тому, кто поступаетъ по правой и извѣстной совѣсти. Ибо когда угрызѣнія совѣсти происходятъ изъ обвиненія совѣсти (§ 51); а обвиненіе совѣсти мѣста не можетъ имѣть въ томъ, кто поступаетъ по правой и извѣстной совѣсти (пол. VIII): то понятно тебѣ, что не надобно тому бояться угрызѣнія совѣсти, кто поступаетъ по правой и извѣстной совѣсти.

XV. Обвиненіе и угрызѣнія совѣсти дѣлаютъ человѣка неблагополучнымъ. Ибо въ обвиненіи и угрызѣніяхъ совѣсти безчисленныя и притомъ смутительныя движенія какъ бы согласуютъ въ томъ, чтобъ навесть печаль сердцу и душу мучить болѣзнями (§ 51). Но когда то состояніе, въ которомъ душа, болѣзнію будучи смущенна, чувствуетъ скуку и печаль, составляетъ понятіе *о неблагополучіи* (Infelicita-

tatis) (§ 43), то не можетъ сомнительно быть, что обвиненіе, и за онымъ послѣдующія угрызѣнія совѣсти дѣлаютъ человѣка неблагополучнымъ.

ГЛАВА VII.

О вмѣненіи.

§ 57.

Естьли кому что вмѣняемъ, тогда того, кому дѣйствіе вмѣняемъ, объявляемъ свободною причиною и творцомъ дѣйствія. И такъ *вмѣнять* (Imputare), ежели вообще сіе слово разумѣешь, не что иное есть, какъ объявлять, кому, какъ творцу, принадлежитъ дѣйствіе, и съ онымъ соединенное или наказаніе, или награжденіе.

На пр. ежели кто имѣніе, которое можно честно содержать, по причинѣ роскоши и сладострастія употребитъ на худо, и оное расточитъ, тогда такому мужу, какъ главной причинѣ, вмѣняются и расточеніе, и отъ него произходящія злоключенія, бѣдность, безславіе, отчуяніе, и проч. Такимъ образомъ Діонисію справедливо вмѣняешь пороки, вредныя судьбы, пребѣдную и пренещастливую смерть, которою умеръ сынъ Діоновъ. О чемъ Корнелій такъ въ исторіи описалъ: Діонисій сына Діонова такъ воспитывать приказалъ, чтобъ онъ поблажкою къ самымъ гнуснымъ пріобыкъ страстямъ. Сего ради отроку прежде еще юношества непотребныхъ женъ приводили, пьянствомъ и пированіемъ обременяли его такъ, что ни въ какое время трезвъ не бывалъ. Но какъ только отецъ возвратился въ отечество, то хотя приставлены были надзиратели, кои бы его отъ прежняго житія отвратили; однако онъ по тѣхъ поръ состояніе жизни перемѣнить не могъ, пока съ самаго верьху палатъ самъ себя сбросилъ, и такъ пропалъ. О Діонѣ гл. 4.

§ 58.

Изъ понятія о вмѣненіи подробно можно понимать и разумѣть слѣдующія предложенія:

I. Никакого дѣйствія, кромѣ свободнаго, не можно вмѣнять. Ибо естьли дѣйствіе вмѣнять должно, то надобно начинать оное причинѣ свободной (§ 57). А причина свободная дѣйствія не можетъ быть, кромѣ той, которая свободно дѣлаетъ (по опредѣл.); и такъ никакого дѣйствія, кромѣ свободнаго, вмѣнять не можно.

II. Слѣдовательно никакого дѣйствія вмѣнять не можно, кромѣ того, которое состоитъ въ твоей власти. (§ 6.)

III. Чѣмъ больше свободно есть дѣйствіе, тѣмъ паче вмѣняется.

IV. Того ради основаніе всякаго вмѣненія есть *свобода* (Libertas), которая какъ или разпро-

простирается, или сокращается, такъ больше, или меньше вмѣненіе имѣетъ мѣста.

V. Изъ сего слѣдуетъ, что дѣйствій, называемыхъ *естественныхъ* (Naturales), человѣку вмѣнять не можно. Ибо дѣйствія естественныя не состоятъ въ нашей власти (§ 6), и за тѣмъ ихъ не должно причислять къ свободнымъ.

На пр. ежели у тебя легкія трудно и съ воздыханіемъ и нѣкоторымъ звукомъ дышатъ, тогда сіе въ легкихъ дѣйствіе, въ себѣ разсуждаемое, есть такое, что тебѣ вмѣнить не можно. А ежели по невоздержанію и любострастію силу дыханія въ легкихъ привелъ въ слабость, то сія въ легкихъ слабость, и всѣ за нею послѣдующія болѣзни справедливо тебѣ вмѣняются; потому что въ твоей волѣ состояло жить воздержно и убѣгать любострастія и излишняго плотскаго вожделѣнія.

VI. Дѣйствія людей бѣшеныхъ, безумныхъ, ночью бродящихъ, крѣпко спящихъ младенцовъ, не могутъ имъ вмѣнены быть. Ибо не надлежатъ онѣ къ дѣйствіямъ свободнымъ (§ 6 пол. V), которыя требуютъ употребленія разума, котораго въ бѣшеныхъ, и младенцахъ нѣтъ никакого.

VII. То, что статься не можетъ, или есть не возможно, вмѣнено намъ быть не можетъ; потому что оно не состоитъ въ нашей власти, и такъ отъ свободы не зависитъ.

А

А чтобъ ты разумѣлъ, что надобно почитать за невозможное (Ἀδύνατα, siue impossibilia), повтори то, что мы въ Метафизикѣ § 18 и 19 и выше § 23 пол. VII. о семъ разсуждали. Находятся нѣкоторыя такія невозможныя вещи, что онѣ совсѣмъ превосходятъ силы человѣческія, на пр. чтобъ кому знать языки всѣхъ народовъ; а иныя находятся такія, что статься могутъ, и силы человѣческія не превышаютъ; но есть ли того и другаго человѣка на силы посмотришь, то тѣжъ вещи суть невозможныя. На пр. младенцу не можно вмѣнить невѣденія Философіи и Математики, потому что силы младенческія недовольны къ понятію оныхъ наукъ.

VIII. Такимъ образомъ ты видишь, можно ли и по чему вмѣнять то, что статься не можетъ ради недостатка силъ, къ исполненію требуемыхъ. Ежели слабость силъ и безсиліе въ дѣйствіи зависитъ отъ свободной твоей воли, тогда то, что сдѣлать надлежало, но когда ради ослабѣвшихъ и истребленныхъ силъ исполнить того не можно, тебѣ вмѣняется.

Ежели на пр. пьяной слуга по причинѣ пьянства окажетъ себя неспособнымъ къ исполненію должныхъ услугъ, то слѣдовательно ему опущеніе трудовъ справедливо вмѣняется; потому что могъ онъ пьянства избѣжать. И ежели кто похмѣльями и мотовствами силу и бодрость въ памяти такъ умалитъ, что неспособенъ будетъ обучаться наукамъ, а особливо язы-

языкамъ, тогда по справедливости ему вмѣненъ будетъ недостатокъ памяти, и купно оттуда происходящее невѣденіе.

IX. Изъ сего также опредѣлить можно, какія именно дѣйствія по невѣденію и погрѣшности происходящія могутъ быть вмѣнены.

X. Ежели невѣденія и погрѣшности чрезъ твои силы можно было избѣжать, то удобно разумѣешь, что все то тебѣ вмѣняется, что проистекаетъ изъ невѣденія и погрѣшности таковой; для того что въ твоей волѣ состояло не погрѣшить; и естьли бы ты хотѣлъ, тебѣ и невѣденіе можно было отдалить. И такъ ты понимаешь, что свободная твоя воля есть виною невѣденія и погрѣшенія.

Оное невѣденіе называютъ *побѣдимымъ* (Vincibilis). На пр. ежели кто, желая того, чтобъ его называли знающимъ Священное Писаніе, больше пяти лѣтъ пробудетъ въ Академіяхъ, и не будетъ знать первыхъ основаній нашего закона: то удобно понимаешь, что сего невѣденія могъ онъ избѣжать. И такъ долженъ самъ себѣ вмѣнять тѣ невыгоды, кои происходятъ отъ невѣденія.

XI. А того никакимъ образомъ вмѣнять не можно, что происходитъ отъ невѣденія и погрѣшности, какъ называютъ *непобѣдимой* (Invincibilis). Потому что онаго невѣденія и погрѣшности избѣжать не состояло въ нашей власти.

На

На пр. упоминаютъ въ исторіяхъ, что Гарпагъ сына своего, котораго Персидскій Царь Астіагъ казнилъ, и на куски приказалъ разсѣчь, отъ части жаренаго, отъ части вареннаго, и хорошо приправленнаго и себѣ предложеннаго ѣлъ. Онъ по невѣденію сіе сдѣлалъ, и за тѣмъ ему сего дѣйствія вмѣнить не можно: для того что онаго погрѣшенія избѣжать не можно было. См. Сенека кн. III, о гнѣвѣ гл. 15. Когда сынъ на сраженіи, съ непріятелями случившемся, отца своего, находящагося въ непріятельскомъ войскѣ, убьетъ пулею, тогда сыну того вмѣнить не можно ради невѣденія, котораго не можно было убѣжать.

XII. Когда чувствованія, или такія понятія, кои помощію чувствъ совершаются, не состоятъ во власти нашей (§ 145 пол. Мет.): то явствуетъ, что тѣхъ понятій намъ вмѣнить не можно (пол. VII).

Представь себѣ, что ты отъ нечаянно случившагося громоваго треску такъ испугался, что уши твои оглохли, оную глухоту не можно тебѣ вмѣнить. Ежели женщина чреватая, увидя какое чудо, нечаянно испугается, и отъ того, не много не донося, плодъ свой выкинетъ: то не можно ей сего вмѣнить, потому что сорочка, младенца во чревѣ объемлющая, не могла сохранить жизни.

XIII. Иногда случается, что чувствованію, или понятію воспрепятствовать можемъ, только

ко

кобы мы похотѣли. Въ такомъ случаѣ самое понятіе и произходящія отъ него добра, или худо, вмѣнены быть могутъ.

На пр. ежели кто на худой образъ, о которомъ знаетъ, что онъ ему представится, прилѣжно смотритъ, и очей своихъ отъ него не отвращаетъ, хотя и можетъ: тогда понимаешь, что такому человѣку должно вмѣнить всѣ нечистыя помышленія, или худыя любострастія, оттуда произходящія.

XIV. Когда воображеніе не всегда состоитъ во власти нашей (§ 189 Мет.), но и по неволѣ нашей оно, весьма часто смущаетъ душу: то явствуетъ, что воображеніе не всегда намъ можетъ быть вмѣнено. Произходитъ воображенія отъ чувствованія, да и сами суть непрестанныя чувствованія (§ 189). И такъ ничего не дивно, что тѣ воображенія весьма часто на умъ приходятъ, кои начало свое имѣютъ отъ необходимыхъ чувствованій. На пр. ежели мы въ благоговѣйныхъ размышленіяхъ, или молитвахъ, Богу приносимыхъ, упражняемся, тогда часто случается, что душа такими воображеніями смущается, о которыхъ мы прежде и не думали.

XV. А понеже случаются такія времена, что мы чувствованіямъ, только бы похотѣли, воспрепятствовать можемъ (§ 185. пол. IV. Мет.): то разумѣется, что и воображенію иногда воспрепятствовать, и такъ его намъ вмѣнить можно, ежели мы ему не противимся.

На

На пр. ежели кто басни Римскія прилѣжно часто будетъ читать, и разные амуры, въ нихъ плодовито описанные, найдетъ, не надобно ли ему тогда вмѣнять сего, когда онъ познаетъ, что душа его худыми воображеніями обезпокоивается, туда и сюда восхищается, и жаромъ любострастія возжигается?

XVI. Изъ сего разсудить можешь, когда сонныя видѣнія справедливо намъ вмѣняются. Ибо сонныя видѣнія суть воображенія (§ 192 Мет.), которыя, какъ мы объявили, тогда состоятъ во власти нашей, когда въ волѣ нашей находилось воспрепятствовать чувствованіямъ. Тоже самое можно сказать и о сонныхъ видѣніяхъ.

Которые люди иногда читаютъ худыя книги, и увеселяются воображеніями плотскими, таковые должны себѣ причитать, ежели они такія сонныя мечтанія во время сна почувствуютъ, что пробуждаются, будучи нечисты и оскверненны.

XVII. Когда всѣ страсти произходятъ отъ смѣшенныхъ понятій чувства и воображенія (§ 233 Мет.), то подумать можно, когда и какимъ образомъ вмѣнить намъ то можно, что мы дѣлаемъ, будучи восхищены стремленіемъ страстей.

XVIII. Чѣмъ далѣе кто о начинаніи дѣйствія размышлялъ, и чѣмъ обстоятельнѣе всѣ его важности разсуждалъ, тѣмъ паче ему можетъ

жетъ вмѣнено быть и дѣйствіе и его слѣдствія. Ибо дѣйствіе больше бываетъ свободнѣе, естьли мы объ немъ прежде разсуждаемъ, нежели съ стремленіемъ и жаромъ къ началію его скоро устремимся. А чѣмъ дѣйствіе есть свободнѣе, тѣмъ паче оное вмѣнять можно. (§ 58. пол. III.)

Ежели кто жаромъ гнѣва воспалившись на ближняго, съ коимъ ссорится, многія хулы будетъ произносить: тотъ хотя грѣшитъ, однако извинительнѣе, нежели тотъ, который книгу, многими поносительными наполненную словами, пишетъ на своихъ противниковъ, читаетъ оную неоднократно, въ печать отдать старается, и всему свѣту представляетъ. Ибо сей больше имѣлъ времени размышлять, нежели тотъ, который жаромъ сердца воспламенившись, и гнѣвомъ какъ бы вихремъ восхитившись, ругаетъ ближняго.

XIX. Ежели дѣйствіе, которое другой исполняетъ, или опущаетъ, должно тебѣ вмѣнено быть: тогда ему необходимо такому быть надлежитъ, чтобъ оно отъ свободной твоей воли происходило; ибо что тебѣ вмѣнено должно быть, то надобно тебѣ быть виною свободною того, что вмѣняется. (§ 57.)

XX. Отсюда текутъ таковыя слѣдствія:

а) Естьли ты ближняго или награжденіями, или обѣщаніями, или повелѣніемъ и увѣщаніями къ дѣлу склонишь, то сіе тебѣ вмѣняется.

б) Слѣд. естьли не воспрепятствуешь дѣйствію ближняго, которому ты воспрепятствовать и могъ и долженъ былъ, то тебѣ оное вмѣняется.

в) Слѣд. естьли, какимъ бы то образомъ ни происходило, согласишься на дѣло другаго, то сіе тебѣ вмѣняется.

г) Слѣд. естьли ты или изволеніемъ, или знакомъ какимъ нибудь другимъ объявишь, что ты подлинно желаешь дѣйствія отъ ближняго, оно тебѣ должно вмѣнено быть.

д) Слѣд. естьли ты о началіи чужаго дѣйствія будучи вопрошенъ, молчишь, и тѣмъ самымъ безъ перемѣны въ лицѣ объявляешь, что дѣйствія желаешь: тогда оно тебѣ вмѣняется, потому что не молча могъ бы ты ему воспрепятствовать. Смотри то, что мы о причинѣ нравственной говорили въ Онтологіи.

Оныя предложенія изъяснимъ однимъ примѣромъ. Знаешь ты, на пр. что Семпроній, твой другъ, хочетъ измѣнить отечеству, однако не препятствуешь беззаконному сему дѣлу; но словами паче, или изволеніемъ, или молчаніемъ, ясно изъявляешь, что ты желаешь явной измѣны. Не тебѣ ли будутъ вмѣнены всѣ тѣ злоключенія, кои произойдутъ отъ таковаго без-

беззаконія? Не виною ли ты будешь толикихъ грабленій, толикихъ пожаровъ и другихъ горестей, которыя война и междоусобныя вражды наводятъ?

§ 59.

Осталось намъ нѣкоторыя понятія, сюда принадлежащія, вкратцѣ изъяснить. Иногда случается, что люди то дѣлаютъ, чего имъ совсѣмъ не надлежало дѣлать; и что имъ надобно было дѣлать, то оставляютъ, притомъ же не съ намѣренія и не нарочно, но или по невѣденію, или нерадѣнію, котораго имъ можно было избѣжать, т. е. когда они силы, для удовлетворенія должности себѣ данныя, не такъ, какъ надлежало, употребляютъ, тогда имъ вмѣняемъ вину (Culpam).

На пр. ежели Лѣкарь въ своей врачебной наукѣ не очень будучи искусенъ, больному человѣку, котораго онъ точно хочетъ избавить отъ болѣзни, дастъ лѣкарство, которое не только не отнимаетъ болѣзни, но еще умножаетъ оную: тогда оное Лѣкарю въ вину вмѣняется.

§ 60.

Кромѣ сего случается, что нѣкоторые люди съ умыслу и намѣренія то весьма часто исполняютъ, что надлежало было оставить, и то оставляютъ, что дѣлать обязаны: тогда они, какъ говорятъ, *съ коварства дѣлаютъ* (Ex dolo agunt).

Еже-

Ежели кто на пр. другому лошадь дороже надлежащаго продастъ, вѣдаючи и похваляя ее, какъ добрую и сановитую, а она будетъ больна, и заражена многими иными пороками: тогда онъ *коварно дѣлаетъ* (Dolose agit). Смотри примѣръ коварства въ Цицерон. должн. кн. III. гл. 16.

§ 61.

I. Слѣдовательно вина и коварство такъ между собою разнствуютъ, что въ винѣ меньше преступленія дѣлается, и отъ правила отступается, притомъ же не съ намѣренія, но или по невѣденію, или нерадѣнію; а въ коварствѣ находится воля и намѣреніе худо дѣлать.

Ежели кто не знаетъ настоящаго способу, какъ надобно учить наукамъ, и учитъ тому, что лучше бы не знать было, какъ Енгелбрехтъ Максимиліановъ учитель, или надлежащаго прилѣжанія и труда не употребляетъ въ обученіи юношей, и такъ учениковъ пречасто дѣлаетъ глупѣе, нежели какъ ихъ принялъ: тогда учитель такой неотмѣнно *въ вину впадаетъ* (Culpam contrahit). Но естьли по ненависти, или другой какой ради причины не объявляетъ настоящей и короткой къ ученію дороги, и нарочно погубляетъ сердца юношей, себѣ ввѣренныхъ: тогда онъ поступаетъ съ коварства.

II. Вина справедливо человѣку вмѣняется. Ибо когда дѣйствія отъ невѣденія, какъ

на

называютЪ, побѣдимаго, или отЪ нерадѣнія произходящія вмѣнять должно (пол. X): то слѣдовательно вина справедливо вмѣняется (§ 59).

Лѣкарю по справедливости и по достоинству смерть больнаго вмѣняется, ежели онЪ ее лѣкарствами, по невѣдѣнію непорядочно употребленными, приспѣлЪ и точно не воспрепятствовалЪ.

III. Слѣдовательно много паче должно вмѣнять коварство; потому что оно есть дѣйствіе умышленное и сЪ намѣренія начатое (§ 60). А дѣйствіе умышленное и сЪ намѣренія начатое и вопервыхЪ должно вмѣнять (§ 58 пол. XVIII).

ФИЛО-

ФИЛОСОФІИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЧАСТЬ II.

Наставленія Права Естественнаго.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

§ 62.

Чрезъ *право естественное* (Jus naturæ) означается такая наука, которая законы естественные, или предложенія разума изъясняетЪ, и порядкомЪ систематическимЪ преподаетЪ о томЪ, чего надобно желать и убѣгать (§ 3 пол. IV.)

Не для чего намЪ говорить много о уничтоженіи сомнительства, которое вЪ словахЪ *право естественное* (Jus naturæ) по видимому находится. Нѣкоторые самой законЪ естественный, и право естественное за одно почитаютЪ. Отсюда оные произходятЪ образцы такЪ говорить: сіе сЪ правомЪ естественнымЪ есть согласно, противно и проч. Также право естественное есть непремѣнное, вѣчное. Но часто ученые люди такЪ употребляютЪ оныя слова, что чрезЪ нихЪ разумѣютЪ самую науку, или систему, вЪ которой подробно толкуются и доказываются законы, вЪ натурѣ человѣческой изображенные. ВЪ ономЪ разумѣ Гейнекцій право

во

во естественное опредѣляетъ чрезъ объятіе законовъ, отъ самаго безсмертнаго Бога роду человѣческому по правому разуму обнародованныхъ. А ежели въ подлежательномъ смыслѣ (Subjective) будешь разсуждать право естественное, т. е. какъ бы науку, которой обученъ разумъ сего, или того человѣка: тогда оно называется наукою *о правахъ естественною* (Jurisprudentia naturalis), которую тотъ же Гейнецій такъ опредѣляетъ: есть навыкъ практической по правому разуму познавать волю всевышняго Законодавца и по ней поступать во всякихъ видахъ случающихся. См. право естеств. и народ. стр. т. 10. См. Кеглера въ правѣ естественномъ § 753.

§ 63.

Чтобъ совершеннѣе уразумѣть свойство права естественнаго, то мы придадимъ немногія таковыя предложенія:

I. Понеже право естественное есть наука о законахъ естественныхъ (§ 62), то въ праве естественномъ должно доказывать законы естественные (по опредѣл. науки).

II. Когда доказательство особливо того требуетъ, чтобъ прежде укрѣплены были начала, на коихъ бы положенія, которыя должно доказывать, можно было утвердить (§ 167 Лог.), то слѣдственно въ правѣ естественномъ надобно поставить начала, чтобъ изъ оныхъ вывесть законы естественные, или предложенія разума о исполненіи и оставленіи дѣйствій.

III. И такъ законъ естественный, или предложеніе, вопервыхъ нами чрезъ разумъ познаваемое, источникъ есть и начало, отъ котораго прочіе законы получаютъ свою силу и истинну.

IV. Слѣдовательно права естественнаго началомъ поставляется оное предложеніе, которое по превосходству (κατ ἐξοχήν) мы назвали закономъ естественнымъ: *дѣлай то, что тебя и состояніе твое дѣлаетъ совершеннѣйшимъ; оставляй то, что тебя и состояніе твое дѣлаетъ несовершеннѣйшимъ*, или, какъ все равно, *дѣлай то, что тебя дѣлаетъ благополучнымъ; убѣгай того, что тебя неблагополучнымъ дѣлаетъ* § 26 пол. VI).

V. Сіе предложеніе начало свое беретъ изъ самой природы человѣческой (§ 34). Отсюда воспослѣдовало, что нѣкоторые самую природу человѣческую назвали началомъ права естественнаго.

VI. Понеже сіе предложеніе: *дѣлай то, что тебя* и проч. разумомъ дознанно намъ бываетъ (§ 36 пол. VIII): то я не удивляюсь, для чего нѣкоторые изъ ученыхъ людей разумъ имѣли за начало права естественнаго.

VII. Когда мы выше доказали, что сіе предложеніе, *дѣлай то*, и пр. есть законъ Божеской и съ волею всевышняго Божества весьма согласной (§ 36 пол. XV): то видно тебѣ, что мы съ тѣми согласны, кои волю Божескую почитаютъ за основаніе и источникъ законовъ естественныхъ, и такъ за начало права естественнаго.

VIII. Сіе предложеніе: *дѣлай то, что тебя*, и пр. есть истинное и совершенное права естественнаго начало, потому что оно основано на самой природѣ человѣческой; и нѣтъ ни единаго закона, по разуму доказываемаго, которой бы въ онομъ предложеніи: *дѣлай то*, и проч. не содержался, и ни одной не найдется должности ни человѣческой, ни гражданской, которая бы не произходила отъ перваго сего закона.

IX. Неоспоримое также и ясное есть сіе начало; потому что не только ученые люди, но и всякъ, имѣющій общее чувство, весьма удобно то разумѣетъ, что показываетъ сіе предложеніе: дѣлай то, что тебя благополучнымъ дѣлаетъ.

X. Изъ сего понять можно то, чѣмъ разпознавается право естественное отъ гражданскаго. Праву естественному научаетъ насъ правой разумъ (§ 36 пол. XV.), и обязываетъ оно весь человѣческой родъ (§ 36 пол. XII); а право гражданское изъ преданія письменнаго познаемъ и толкуемъ, и предки наши въ преданіи законовъ гражданскихъ не имѣли никакого инаго намѣренія, кромѣ благосостоянія и пользы общества и каждаго гражданства.

XI. Право естественное толкуетъ и преподаетъ законы непремѣнные и Божескіе (§ 36 пол. X); оттуда находится причина, почему нѣкоторые науку права естественнаго называютъ юриспруденціею Божескою.

Одно еще объявить остается, что надлежитъ до избѣжанія отъ словопрѣнія въ спорахъ

рахъ о правѣ естественномъ. Многіе къ праву естественному причисляютъ тѣ только законы, къ наблюденію которыхъ другіе люди могутъ насъ понудить силою нѣкоторою внѣшнею. Таковые законы суть на пр. *никого не раздражай, всякому свое воздавай, обиду нанесенную возвращай*. Оные законы называютъ законами, точно такъ названными, или законами *необходимыми* (Leges neceſſitatis). А самое право естественное, въ которомъ тѣ законы толкуются, называютъ *правомъ понуждающимъ* (Jus cogens), или правомъ естественнымъ внѣшнимъ, потому что его употребленіе видно въ судѣ, особливо внѣшнемъ естественномъ. Притомъ же оное право понуждающее толкуетъ только о исполненіи къ другимъ людямъ должностей необходимыхъ. О чемъ см. Кеглера прав. естест. § 751 и слѣд. Мы нѣсколько обширнѣе беремъ законы естественные, въ правѣ естественномъ толкуемые, и чрезъ оные разумѣемъ всѣ нравоучительныя о поступкахъ правила, отъ разума предписываемыя, какъ тѣ, къ наблюденію коихъ внѣшнею силою понуждены быть можемъ, такъ и оныя, къ которымъ опредѣляемся по внутреннему обязательству. На пр. чтобъ ты свое тѣло здравое хранилъ, чтобъ душу въ совершенство приводилъ, чтобъ о славѣ и о твоемъ имѣніи старался, чтобъ Бога почиталъ, и на Него упованіе полагалъ. Къ оному всему кто тебя принудитъ?

ГЛАВА I.

О должностяхъ къ Богу.

§ 64.

Должность (Officium) называется всякое дѣйствіе, къ которому по закону мы обязываемся, или, что все равно, котораго законъ требуетъ.

§ 65.

И такъ какія нибудь дѣйствія законъ естественный, или разумъ въ разсужденіи Бога требуетъ исполнять, онѣ суть *должности естественныя къ Богу*.

§ 66.

Слѣдовательно разсмотрѣть намъ должно, какія именно суть оныя дѣйствія, коихъ исполненія, естьли ты о Богѣ разсуждать будешь, разумъ отъ тебя желаетъ. За благо разсудилось оныя дѣйствія, въ разсужденіи Бога исполняемыя, въ краткихъ заключить положеніяхъ:

I. Къ изъясненію Божескихъ совершенствъ обязуетъ насъ законъ естественный, или разумъ. Богъ сей міръ для того сотворилъ, чтобъ свои совершенства ясно показать (§ 307. Мет.).

И такъ Богъ желаетъ, дабы совершенства Его были отверсты. Воля Божеская есть самой законъ естественный (§ 36 пол. XV); слѣдовательно законъ естественный требуетъ, дабы совершенства Божескія были явны.

II. Къ прославленію славы Божіей мы обязуемся. Когда слава Божія есть объятіе всѣхъ совершенствъ Божескихъ (§ 308 Мет.): то слѣдовательно прославлять славу Божію, или есть то, ежели къ Божескимъ совершенствамъ большее прибавленіе придается, или славу Божескую прославлять есть то, ежели совершенства Божескія людямъ паче и паче явны становятся. Перваго допустить не можно, потому что Богъ есть всесовершеннѣйшій (по опредѣл.); и такъ къ совершенствамъ Его ничего не можно ни придать, ни отнять. Слѣдовательно то одно остается, что прославленіе славы Божіей содержится въ ясномъ изъявленіи совершенствъ Божескихъ. А къ ясному изъявленію совершенствъ Божескихъ мы обязаны по закону естественному (пол. I.): то слѣдовательно и къ прославленію славы Божественной обязываетъ насъ законъ естественный.

III. И такъ всякой человѣкъ долженъ дѣлами своими показывать, что онъ имѣетъ Бога за такое Божество, какое онъ точно есть, то есть за существо пресовершенное, преблагое, всепремудрое, всеправедное, пресвятое и проч.

IV. А тогда дѣйствительно и истинно изъявляемъ, что мы имѣемъ Бога за такое Божество, какое Онъ точно есть, когда наши дѣла такъ производимъ, что къ дѣйствію побудительныя причины употребляемъ свойства Божескія, т. е. когда мы къ дѣланію бываемъ понуждаемы помышленіемъ о Божескихъ совершенствахъ, которое есть причиною, для чего такъ дѣлаемъ, а не инако.

V. Тѣми дѣйствіями, къ которымъ человѣка понуждаетъ разсматриваніе Божескихъ совершенствъ, совершается *Божеское почтеніе*, и тогда объ насъ говорятъ, что мы почитаемъ Бога, когда дѣла наши такъ располагаемъ, что причина довольная, побуждающая насъ исполнять оныя, заключается въ разсматриваніи Божескихъ совершенствъ.

VI. Изъ сего слѣдуетъ, что мы по закону естественному обязываемся почитать Бога. Ибо законъ естественный насъ обязываетъ прославлять Божію славу (пол. II), и такъ показывать чрезъ наши дѣла, что мы Бога имѣемъ за такое Божество, какое Онъ точно есть, а именно за существо пресовершенное (пол. III.). А что мы имѣемъ Бога за существо пресовершенное, оное въ то время самимъ дѣломъ показываемъ, когда къ дѣйствію побудительныя причины беремъ отъ Божескихъ совершенствъ (пол. IV); въ чемъ состоитъ почтеніе Божеское (пол. V), то явствуетъ, что разумъ обязываетъ насъ почитать Бога.

Весьма нужно для подробнаго должностей, кои Богу оказывать мы обязываемся, познанія ясное истолкованіе того, что есть прославленіе *славы Божіей*, что есть *почтеніе Божеское*. Ибо на сихъ понятіяхъ, какъ бы на подпорахъ утверждается все ученіе о должностяхъ къ Богу. Чтобъ никакой темноты не осталось, то я придамъ такіе примѣры: для чего объ учителяхъ, которые другихъ обучаютъ познанію Божества, говорятъ, что они прославляютъ *славу Божію*? Не для того ли, что они совершенства Божескія и дивныя Божія творенія дѣлаютъ извѣстнѣйшими? Для чего говорятъ, что слава Божія прославляется чрезъ небо, землю, звѣзды и весь міра сего составъ? Не для того ли, что во всемъономъ свѣтѣ, какъ бы въ самомъ откровенномъ позорищѣ, представляется намъ и разумамъ нашимъ величіе и изобиліе Божіей благости, всемогущества, милосердія и премудрости? Изъ сего тебѣ видно, какимъ образомъ *слава Божія можетъ помрачиться* (Obscurari). Кто дѣлаетъ то, чѣмъ изъявляетъ, что онъ Бога не имѣетъ за такое Божество, какое Онъ точно есть, тотъ *помрачаетъ славу Божію*. На пр. когда кто клятву преступаетъ, тѣмъ самимъ изъявляетъ, что онъ или никакого не вѣритъ быть Бога, или Его не имѣетъ за правосуднѣйшее и всевѣдущее Божество. Кто въ нещастіи чрезмѣрно ослабѣваетъ и отчаявается помощи Божіей, тотъ поистиннѣ ясно означаетъ, что по его мнѣнію Богъ или не благоволитъ, или не можетъ явить помощи. Такимъ образомъ не изъявляетъ ли онъ, что Бога не почитаетъ за всемогущее и премилосердое Божество? Сіе что иное есть, какъ помрачать славу Божію?

Опредѣленіе Божескаго почтенія чтобъ ты справедливѣе уразумѣлъ, то сей примѣръ надобно тебѣ знать. Представь себѣ на пр. что ты весьма способной имѣешь случай недругу своему вредить, и досаду сдѣлать; однако не вредишь, но паче ему благодѣтельствуешь. Резоны и причины здѣсь должны быть, которыя

рыя бы тебя побудили оставить отмщеніе и благодѣтельствовать непріятелю. Естьли оное для того дѣлается, чтобъ тебѣ получить похвалу великодушнаго мужа, или чтобъ къ себѣ склонить недруга, или что ты съ природы кротокъ и боязливъ: тогда ты хотя ничего не дѣлаешь такого, что бы похулить можно было, однако я не вижу почтенія Божія. Но ежели для того не мстишь недругу, понеже знаешь, что Богъ желаетъ всѣмъ людямъ добра, понеже разсуждаешь, что Богъ тебѣ и другимъ людямъ, кои Ему суть самые враги, ежедневно безчисленныя даруетъ благая: тогда ты такъ поступаешь, будучи побужденъ разсматриваніемъ Божескихъ свойствъ, и въ оныхъ дѣйствіяхъ заключается почтеніе Божеское. Которые люди, какъ и о семъ я упомяну, читаютъ молитвы многорѣчивыя, для того что они или такъ привыкли, или чтобъ другимъ показаться набожными, или напослѣдокъ, чтобъ похвастать краснорѣчіемъ словъ, на подобіе рѣки текущихъ: таковые молитвами своими не почитаютъ Бога; а которые Богу для того приносятъ молитвы, понеже знаютъ, что Богъ и ради благости безконечной и ради всемогущества хочетъ и можетъ имъ явить помощь, о таковыхъ разсуждать надобно, что они почитаютъ Бога; ибо они не молились бы, естьли бы ихъ къ тому не понудили совершенства Божескія, именно благость и всемогущество.

Естьли дѣйствія, коихъ причиною есть познаніе Божескихъ совершенствъ, суть внѣшнія, и оказываются въ поступкахъ, въ словахъ и въ

въ тѣлодвиженіяхъ, тогда отсюда происходитъ внѣшнее почтеніе.

VII. По закону естественному обязаны мы искать истиннаго и извѣстнаго познанія о Божествѣ. Ибо когда почитать Бога обязываетъ насъ законъ естественный (пол. IV); а почитать Бога не можно, ежели къ тому не понудитъ насъ познаніе Божескихъ совершенствъ (пол. V): то явствуетъ, что насъ законъ естественный обязываетъ искать познанія о Божествѣ. Оное познаніе должно быть *истинное*, безъ чего мы Бога не имѣли бы за таков Божество, какое оно точно есть, а сіе все требуется къ почтенію Божескому (пол. III.). Должно быть оно *извѣстное* (Certa), для того что неизвѣстное и съ боязнію, чтобъ не погрѣшить, сопряженное познаніе, какую силу будетъ имѣть въ исправленіи дѣлъ, и въ произведеніи почтенія Божескаго?

VIII. Бога мы должны любить и почитать самою высочайшею любовію. Кто Бога и Его совершенства справедливо познаетъ, то статься не можетъ, чтобъ его духъ не исполнился всепріятнѣйшаго радости чувствія (§ 219. Мет.) Оная радость, отъ разсмотрѣнія совершенствъ происходящая, называется любовію (§ 238. Мет.). Слѣдовательно съ истиннымъ и подробнымъ познаніемъ совершенствъ Божескихъ неразрушимымъ союзомъ совокупляется любовь къ Богу. И такъ когда мы обязаны познавать Бога (пол. VII), то слѣдовательно мы и любить Его должны любовію притомъ самою высочайшею, потому что все въ Богѣ на-

находятся совершенства, о которыхъ только вздумать можно. Того ради необходимо должно быть самой высочайшей радости, происходящей отъ познанія высочайшихъ совершенствъ.

IX. Бога мы должны почитать, или лучше сказать, бояться. Естьли кого мы любимъ, тогда всячески опасаемся всего того, что тому не нравно, кого любимъ (§ 239. Мет.). Оное попеченіе, съ которымъ опасаемся, дабы Богу противнаго ничего не сдѣлать, или не опустить того, что ему угодно, называется *почтеніемъ*, или *страхомъ Божіимъ* (Reverentia sive timor Dei). И такъ когда Бога любить мы обязаны (пол. VIII), то разумѣется, что насъ законъ естественный обязываетъ и къ почтенію, или страху Божію.

Любовь и почтеніе изъ того наипаче раждается:

а) Ежели разумъ разсуждаетъ, что Богъ есть премилосердый, и состоянію рода человѣческаго и всякаго человѣка добра крайнѣ желаетъ.

б) Ежели святыню Божескую познавши, порядочно будетъ онъ разсуждать о власти Божеской, которая все содержитъ и управляетъ. И сіе почтеніе, произшедшее отъ усердія угождать премилосердому Богу, называется *страхомъ къ Богу сыновнимъ* (Metus Dei filialis.) Ибо у сыновъ того требуетъ любовь, чтобы родителямъ, коимъ они животъ и щастіе свое причитать должны, повиноваться, притомъ же не ради наказанія и побой, но для того, что без-

безчисленными благодѣяніями одолжены отъ родителей. А ежели кто Бога боится, какъ обыкновенно рабъ весьма боится наказанія отъ господина и прикащика, тогда такой страхъ называется *рабскимъ*. Оный страхъ хотя и неприличенъ Божескому почтенію, однако ради общества и безопасности всенародной надлежитъ иногда и страхомъ къ Богу рабскимъ укрочать, и къ послушанію понуждать людей по своевольству ожесточенныхъ и развращенныхъ.

X. Крайнее на Бога упованіе полагать должно. Естественная Богословія насъ учитъ, что Богъ о состояніи человѣческомъ такъ промышляетъ, что и сохраняетъ все, и всякой твари добра крайнѣ желаетъ. Изъ справедливаго обо всемъ ономъ разсужденія и разсмотрѣнія не можетъ не произойти надежда, притомъ не на поползновенномъ основаніи утверждающаяся, но крѣпкая, постоянная и отъ всякаго сомнительства, въ смятеніе духъ приводящаго, отдаленная, что Богъ все такъ будетъ управлять, что мы ни въ чемъ нужды не можемъ имѣть, что принадлежитъ къ полученію и сохраненію истиннаго благополучія. Оная надежда понеже называется упованіемъ (§ 252. Мет.): то слѣдовательно и упованіе намъ должно на Бога полагать, потому что мы обязаны познавать Бога и прилѣжно разсматривать Его совершенства, особливо всепремудрое міра сего управленіе (пол. VII).

А упованія положить на Бога никто не можетъ, ежели а) подробно и подлинно не будетъ знать, что Богъ обо всемъ томъ вѣдаетъ,

ка-

какими человѣкъ угнѣтаемъ бываетъ напастьми, и какой онъ требуетъ помощи; б) ежели не разсмотритъ, что *Божіе всемогущество* никакими не ограничено предѣлами, и что оно есть сильно всѣ злоключенія отнять и умалить, и вся благая даровать; ежели напослѣдокъ г) о томъ совершенно не будетъ увѣренъ, что Богъ есть всеблагій, и что Онъ хочетъ всякаго человѣка спасеніе умножить и разпространить. И такъ изъ сего тебѣ понятно, что источники упованія, на Бога полагаемаго, справедливо представляются, всевѣденіе, премудрость, всемогущество и благость Божія. Онъ знаетъ, чего я требую; Онъ имѣетъ силу все управлять къ моему благополучію; Онъ можетъ мнѣ то даровать, что полезно; Онъ желаетъ напослѣдокъ промышлять о моемъ состояніи. Какъ мнѣ подлинно не надѣяться отъ Него помощи и неоставленія? Какъ мнѣ на Него не полагать упованія безъ сомнѣнія и боязни?

Два почти суть обстоятельства, кои обыкновенно иногда въ человѣческомъ сердцѣ умаляютъ упованіе, которое въ Богѣ полагать самой разумъ повелѣваетъ. Одно къ тому препятствіе происходитъ изъ того, что тѣ люди, кои весьма непорочно живутъ, часто будучи окружены всякими напастьми, думаютъ, что ихъ благость Божія ничѣмъ не утѣшаетъ; а напротивъ того всякой самой худой человѣкъ пречасто бываетъ весьма благополученъ. Другое препятствіе, почему многіе люди съ упованіемъ не ожидаютъ отъ Бога помощи, есть наипаче сіе, что совѣстію злодѣйскою будучи они смущенны и устрашены, признаютъ себя недостойными всякой помощи и благодати Божеской, и что всякаго злоключенія весьма боятся отъ правды мстительницы беззаконій. Сіе самое, сказать не можно, какую силу имѣетъ привесть сердце въ слабость и умалить упованіе. Весьма нужно для возстанія упадшихъ сердецъ и для возбужденія въ нихъ упованія истребить оныя два препятствія; но къ ихъ опроверженію понеже разумъ не доволенъ, то въ семъ дѣлѣ Философія необходимо требуетъ вспоможенія отъ Христіанскаго закона.

XI. Понеже упованіе, въ Богѣ полагаемое, происходитъ изъ подробнаго познанія премудрости, промысла и благости Божеской (пол. X): то явствуетъ, что отъ упованія не можетъ разлучиться такое души состояніе, которымъ она успокоивается въ волѣ *Божеской* (Conqviescit in voluntate Divina), и чтобъ ей ни приключилось, сноситъ скромно и терпѣливно. Ибо естьли душа знаетъ, что все бываетъ по промыслу Божію; естьли она разсуждаетъ, что всякія дѣла человѣческія всепремудро управляетъ Божественная сила, такъ что все единственно относится къ благополучію человѣческому: тогда статься не можетъ, чтобъ она, изъ смутнаго состоянія будучи выведена въ тишину, совершенно не успокоилась въ Божеской волѣ, и всю себя бы не поручила ея совѣту и власти. Оный плодъ Божескаго промысла есть пресладокъ и для человѣческаго благополучія преобильно изливающійся.

XII.

XII. И такъ ты понимаешь, что разумъ каждаго научаетъ, что успокоиваться должно въ волѣ Божеской; потому что учитъ онъ въ Богѣ полагать упованіе (пол. X.), отъ котораго такое души состояніе не можетъ разлучиться, которымъ она успокоивается въ Божеской волѣ (пол. XI).

XIII. Отсюда происходитъ новый способъ почтенія Божескаго, который заключается въ *молитвахъ* (Precibus). Ибо естьли кто знаетъ, что Богъ точно вѣдаетъ напасти, всякому приключающіяся, и можетъ оныхъ избавить, и напослѣдокъ всякой вредъ отвратить желаетъ; и такъ естьли онъ сими помышленіями какъ бы подпорами будучи подпертъ, уповаетъ, что Богъ все ему подастъ нужное къ умноженію своего спасенія (пол. X): тогда статься не можетъ, чтобъ онъ не побужденъ былъ внутреннимъ нѣкоторымъ желаніемъ просить у Бога помощи. Оное желаніе, коимъ душа стремится къ Божіей помощи, называется *призваніемъ Бога внутреннимъ* (Invocatio Dei interna). И такъ явствуетъ, что мы какъ упованіе въ Богѣ полагать обязываемся, такъ равнымъ образомъ и Бога призывать каждой изъ насъ долженъ.

Сіе внутреннее душевное призываніе по необходимому союзу изъ вышеобъявленныхъ уже нами предложеній слѣдующее. Ежели словами изустно произносимыми означается и выражается, тогда оно называется *моленіемъ*, или *молитвами* (Precatio, ſive Preces). О надобности и пользѣ молитвъ разно и не безполезно разсуждаютъ; но обо всемъ томъ здѣсь представлять

къ

къ чему надлежитъ? Того ради о семъ не много примѣтимъ.

а) *Въ разсужденіи Бога* внѣшнее призываніе, или молитвы, по видимому не могутъ быть нужныя, потому что Богъ, испытующій тайная и сокровенная въ сердцѣ человѣческомъ, проницательно видитъ и напасти, насъ оскорбляющія, и помощь, какой мы требуемъ.

б) Но понеже ради самаго тѣснаго тѣла и души союза за искреннимъ внутреннимъ помощи Божеской желаніемъ послѣдуютъ внѣшнія слова, особливо естьли никакого не будетъ препятствія выговаривать оныя: тогда отъ чувствованія напастей и отъ искренняго помощи Божеской желанія не разлучаются. Оное особливо тогда оказывается, когда мы, въ самую явную будучи ввержены опасность, искренно желаемъ помощи. Не съ превеликимъ ли, съ какимъ только можно, восклицаніемъ и по неволѣ мы изъявляемъ желаніе Божеской помощи?

в) Ежели мы словами, изустно произносимыми, означаемъ желаніе Божеской помощи: тогда другіе люди увѣрены бываютъ о нашемъ на Бога возлагаемомъ упованіи; и такъ они видятъ, что мы Бога почитаемъ за такое Божество, какое оно точно есть, т. е. за премилосердое, всепремудрое и всемогущее. Тѣмъ самымъ и онѣ возбуждаются подобное оказать почтеніе Богу, и слава Божія удобно прославляется. Кромѣ сего и оное справедливо придать можно, что молитвы внѣшнія не допущаютъ чувству и воображенію чрезмѣрно смущать душу; понеже мы, когда наши слова слышимъ

шимъ и имъ внимаемъ, тогда о другихъ вещахъ, чувствамъ представляющихся, не очень сами себѣ свѣдомы бываемъ; потому что сильнѣйшее чувствованіе отгоняетъ и помрачаетъ слабѣйшее. (§ 185. пол. III.)

г) Понеже молитвы заключаются во внѣшнемъ желанія внутренняго изъявленіи: то слѣдовательно тѣ молитвы, въ коихъ или никакого не находится мнѣнія, или коихъ совсѣмъ не разумѣютъ молящіеся, не находится мнѣнія; или коихъ совсѣмъ не разумѣютъ молящіеся, не надобно почитать за истинныя молитвы. И такъ явствуетъ, что иногда молитвы, называемыя *словесныя* (Formulariæ), суть подозрительны, кои совершаются однимъ только чтеніемъ словъ, для того что рѣдко съ ними совокупляется изъявленіе внутренняго желанія. Ибо или чтомыя слова и въ извѣстныхъ рѣчахъ состоящія не вразумительны бываютъ, или по привычкѣ и всегдашнему употребленію читателямъ такъ знакомы становятся, что, услышавъ оныя, ничего почти не помышляютъ, кромѣ единаго звука.

д) Ежели молитвами любовь къ Богу, возбужденную отъ разсмотрѣнія благодѣяній, отъ Него намъ оказанныхъ, или какъ все равно, благодарное сердце свидѣтельствуемъ, тогда молитвы называются *благодареніемъ* (Gratiarum actio), которое отъ извѣстнаго и истиннаго познанія Божіей благости не больше, какъ радости душевныя отъ чувствій совершенствъ разлучиться можетъ.

е)

е) Что здѣсь обыкновенно представляется о почтеніи внѣшнемъ, о дняхъ праздничныхъ, о церемоніяхъ церковныхъ, то оно есть почти такое, что ничего о томъ подлиннаго разумъ утвердить не можетъ. Ибо что нибудь изъ разума обыкновенно представляется для установленія церемоніи и для учрежденія дней праздничныхъ: то все утверждаетъ одну пользу почтенія внѣшняго, а необходимости не доказываетъ.

ГЛАВА II.

О должностяхъ человѣка къ самому себѣ.

§ 67.

Какія ради себя человѣкъ долженъ исполнять должности, сіе справедливѣе уразумѣешь, ежели человѣка разсудишь

а) Въ разсужденіи духа, или души.

б) Въ разсужденіи тѣла и членовъ, изъ коихъ тѣло сооружено.

в) Въ разсужденіи состоянія внѣшняго, до котораго надлежитъ имѣніе, честь и щастіе и нещастіе.

§ 68.

И такъ должности человѣка къ самому себѣ раздѣляются трояким образомъ. Иныя суть должности *къ душѣ*, иныя *къ тѣлу*, иныя напослѣдокъ тѣ, кои наблюдать надобно *въ разсужденіи состоянія внѣшняго.*

§ 69.

§ 69.

Понеже душа гораздо превосходнѣе тѣла, то мы справедливо начинаемъ отъ должностей до души принадлежащихъ. И понеже душа человѣческая одарена способностію познавать и желать, или, какъ древніе пишутъ, разумомъ и волею (по начал. Психолог.), то оттуда выходятъ два рода должностей. Иныя должности требуетъ разумъ, иныя воля.

§ 70.

Но прежде, нежели оныя должности родовъ истолкуемъ, положить надобно о должностяхъ человѣка къ самому себѣ нѣкоторыя предложенія, принадлежащія къ понятію того, что именно, или о чистотѣ, или о попеченіи тѣла, или о желаніи чести, и о наблюденіи имѣнія представить должно.

I. Всякой человѣкъ, желающій наблюдать должности къ самому себѣ, о томъ старать я долженъ, чтобъ самому себя въ совершенство привесть.

II. И такъ онъ всемъ сердцемъ такое имѣть долженъ попеченіе, чтобъ ему обстоятельнѣе познать себя и свое имѣніе; ибо естьли кто не знаетъ, какого попеченія и чистоты требуетъ тѣло и душа, какими силами одаренъ разумъ и какими способами можно въ чистоту и совершенство привесть тѣло и умъ человѣческой: то я не вижу, какой онъ можетъ найти способъ, какъ надобно наблюдать должность.

III, Крайнюю осторожность и предусмотрѣніе употреблять должно, дабы должностей, кои

кои крѣпко соединены быть должны, не разлучали мы взаимно одну отъ другой, или не угождали единому тѣлу, о душѣ не радя, или единственно не упражнялись въ очищеніи душевномъ, оставя тѣло въ нерадѣніи, или не желали чести и имѣнія, не радя между тѣмъ о тѣлесномъ здоровьѣ и о стараніи приводить разумъ въ совершенство. Сказать не можно, сколько урону произходитъ отъ неблагополучнаго сего должностей разлученія. Ибо естьли кто на пр. единственно старается всѣми силами собрать имѣніе, не радя о томъ, что объ немъ всякой думаетъ, не должно ли его почитать за нерадиваго человѣка? Естьли кто денно-нощно надъ книгами сидитъ, чтобъ украсить умъ, и полученіемъ довольнаго и разнаго ученія больше прославиться своихъ сверстниковъ; а о здоровьѣ тѣлесномъ мало радѣетъ: то таковаго не по справедливости ли должно будетъ назвать *самоубійцею*?

IV. Весьма часто бываетъ, что мы всѣхъ должностей, къ исполненію которыхъ обязываетъ насъ законъ естественный, наблюдать не можемъ ради нѣкотораго ихъ приключающагося сраженія и сталкиванія. Но тогда-то надобно предпочитать другому, къ чему больше обязываемся, какъ о семъ и выше въ гл. о обязательствѣ мы доказали.

Такимъ образомъ должности, до души надлежащія, въ сраженіи ихъ предпочитать надобно должностямъ къ тѣлу, а оныя предполагать надобно тѣмъ должностямъ, кои въ разсужденіи имѣнія наблюдать должно.

З 5 ГЛАВА

ГЛАВА III.

О должностяхъ къ душѣ.

§ 71.

Что вообще о должностяхъ къ намъ самимъ по видимому объявить надлежало, сіе напередъ предложивъ, теперь именно покажемъ то, какія надобно наблюдать должности къ разуму, или способности познавать (Erga intellectum sive facultatem cognoscendi).

§ 72.

И такъ все принадлежащее разуму въ немногихъ лучше заключить положеніяхъ:

I. Когда законъ естественный намъ повелѣваетъ самихъ себя и состояніе свое дѣлать совершеннѣйшими (§ 32): то слѣдовательно онъ же хочетъ, дабы мы сколько можно наисправнѣйшую учинили силу нашу разумѣнія.

II. Того ради первой такой законъ долженъ утвержденъ быть въ наблюденіи должностей къ разуму: *въ совершенство приводи способность познавать, какимъ только можешь образомъ.*

III. И такъ долженъ ты быть заботливъ о снисканіи познанія, притомъ же самаго подробнаго вещей, или истиннъ, и всякое невѣденіе долженъ выгонять изъ разума и весьма онаго прилѣжно убѣгать.

IV. Но вопервыхъ о томъ старайся, чтобъ разумъ имѣлъ подробное познаніе добра и худа, котораго естьли не будетъ душа человѣческая имѣть, то неотмѣнно можетъ она погрѣшить и

и обмануться въ выбираемомъ добрѣ и въ убѣгаемомъ худѣ. Сбивчивыя такимъ образомъ и между собою смѣшенныя понятія о честности и худобѣ то въ себѣ имѣютъ, что душа сбивается съ праваго пути истиннаго благополучія, и вмѣсто сокровищъ, какъ говорятъ, обрѣтаетъ уголье, и вмѣсто Юноны обемлетъ облако.

Безчисленное множество находится такихъ вещей, кои знать можно. Но силы разумѣнія, коими душа человѣческая одарена, такъ малыми ограничены предѣлами, что люди изъ толь многоразличнаго множества вещей, кои познать можно, едва нѣкоторыя только понимаютъ, и премногія только познаваемыя истинны очень сбивчиво и темно разсматриваютъ. И такъ спрашивается, съ какими правилами должно соображать познаніе истиннъ, къ которому всякой по закону естественному обязывается, хотя всѣхъ истиннъ познать и не можно. Вкратцѣ то тебѣ должно знать, что о семъ надобно представить.

а) Познаніе истиннъ *напрягательное* (Intensiva) всегда должно предпочитать *разсмотрительному* (Extensivæ), т. е. когда познанія всѣхъ вещей не можно пріобрѣсть нашими силами, которыя, какъ чувствуемъ, весьма суть малыя: то мы не такъ о томъ должны быть попечительны, какъ бы *многому* научиться, но какъ бы *хорошо*, какъ бы *подробно*, и какъ бы *твердо* познать то, чему учимся. Лучше не много знать, да подробно, нежели много, да сбивчиво.

б)

б) Изъ многихъ разныхъ тѣхъ вещей, коимъ учиться и кои понять можно, сперва всякой, особливо тому долженъ обучаться, что весьма нужно. Ибо *нужное* (Necessarium) всегда въ очищеніи ума должно предпочитать *полезному* (Vtile), на пр. естьли кто въ Академіи будетъ обучаться Богословіи, тогда ежели разуму слѣдовать похочетъ, долженъ больше о томъ стараться, чтобъ разумѣть Священное Писаніе на Еврейскомъ и Греческомъ языкѣ, чтобъ спознать главныя и прочія содержанія Христіянскаго закона; ибо сіе Богослову нужно. Но естьли онъ же въ Академіи станетъ учиться правамъ гражданскимъ, или много времени будетъ препроводить въ познаніи Лѣкарской науки: тогда онъ хотя въ полезныхъ вещахъ упражняется, однако ихъ не можно назвать нужными.

в) Полезное (Vtilia) въ порядкѣ ученія должно предпочитать тому, что *пріятно* (Jucunda), на пр. обучающійся Юриспруденціи не очень поступаетъ согласно съ разумомъ, ежели онъ въ томъ, чтобъ ему научиться танцовать, верькомъ ѣздить, стеклы шлифовать, и живописью напослѣдокъ писать, больше времени употребитъ, нежели во Французскомъ языкѣ, или въ Исторіи. Ибо онъ пріятное предпочитаетъ полезному.

Едва сказать можно, сколь нужно для истиннаго просвѣщенія души и ума наблюдать порядочно и употреблять оныя правила. Премногіе въ Академіи, какъ бы ради покупки свободныхъ наукъ пріѣзжающіе, преступаютъ оныя правила и свои успѣхи въ ученіи весьма задерживаютъ. Многіе изъ нихъ полезному, премногіе пріятному, нѣкоторые только обучаются нужному.

§ 73.

Что надобно говорить о способѣ, какъ должно въ совершенство приводить разумъ, о томъ ниже въ Этикѣ плодовитѣе будетъ разсуждено.

ГЛАВА IV.

О должностяхъ къ волѣ.

§ 74.

Должности къ волѣ называются такія дѣйствія, къ которымъ человѣкъ въ разсужденіи воли обязывается.

§ 75.

Главныя правила, кои въ должностяхъ къ волѣ наблюдать надобно, въ сихъ заключаются предложеніяхъ:

I. Волю человѣческую, какъ можно, въ совершенство приводить надобно. Оное предложеніе утверждается на всеобщемъ томъ началѣ естественнаго права: *дѣлай то, что тебя и состояніе твое дѣлаетъ совершеннѣйшимъ.* § 38.

II. Понеже воля человѣческая тогда только въ совершенство приходитъ, ежели она такъ управляется и склоняется, что всегда стремится на истинное и доброе: то слѣдовательно

но всякой долженъ о томъ прилѣжно стараться, чтобъ волю склонить къ желанію истиннаго добра и къ отвращенію отъ худа.

III. Волю такъ надобно управлять, чтобъ она, выбирая многія добра, всегда желала и прочимъ предпочитала то добро, которое лучше и превосходнѣе.

IV. Страсти, или жестокія душевныя наказанія со всевозможнымъ прилѣжаніемъ обуздать и укрочать, и такъ стараться о томъ надобно, чтобъ разумъ владѣлъ, а желаніе повиновалось. Страсти начало свое берутъ изъ смѣшенныхъ воображеній добра и худа (§ 232 Мет.). И такъ кто послѣдуетъ онымъ страстямъ, то удобно подъ видомъ справедливости обманывается, и вмѣсто добра выбираетъ худо, и себя дѣлаетъ несовершеннѣйшимъ, что противно въ силу § 32; и того ради явствуетъ, что страсти должно укрочать.

§ 76.

Точной способъ, какъ надобно исправлять волю и обуздать страсти, предложимъ въ наставленіяхъ Этики.

ГЛАВА

ГЛАВА V.

О должностяхъ къ тѣлу.

§ 77.

Чрезъ должности къ тѣлу мы разумѣемъ всѣ тѣ дѣйствія, которыя исполнять въ разсужденіи нашего тѣла обязываетъ насъ законъ естественный.

§ 78.

Должности къ тѣлу весьма пристойно въ слѣдующихъ заключаются предложеніяхъ:

I. Жизнь свою, какъ можно, со всякимъ прилѣжаніемъ береги, и уклоняйся отъ того, что вредное кажется. Сей законъ въ душѣ у всякаго человѣка, да и въ свойствѣ у всѣхъ одушевленныхъ животныхъ такъ глубоко изображенъ, что раченіе о сохраненіи жизни у каждаго человѣка есть общее со скотами. Кромѣ сего и то знай, что никто не можетъ разума въ совершенство привесть и волю исправить (къ коимъ обѣимъ должностямъ обязываетъ насъ законъ естественный, § 32), ежели жизнь не будетъ сохраняема и тѣло не будетъ имѣть своей бодрости и силы.

II. Того ради убѣгай всѣхъ безразсудныхъ жизни опасностей. Нарочно я придаю сіе слово *безразсудныхъ* (Temeraria); потому что наши обстоятельства не всегда намъ дозволяютъ всѣхъ убѣгать опасностей, коимъ иногда мы должны животъ свой подвергать, или ради сохраненія отечества, или чтобъ прогнать того, кто насильнымъ на насъ образомъ нападаетъ,

или

или ради иныхЪ многихЪ и пришомЪ весьма пристойныхЪ причинЪ.

III. ИзЪ сего слѣдуетЪ, что разуму, и потому закону естественному, ничего нѣтЪ такЪ противнаго, какЪ *самоубійства*, когда кто на себя руки возложа, предупреждаетЪ судьбу, а не ожидаетЪ оной.

IV. Надобно стараться, чтобЪ тебѣ быть здоровымЪ, и наслаждаться непоколебимымЪ тѣлеснымЪ здоровьемЪ. Ибо законЪ естественный повелѣваетЪ жизнь хранить (пол. I.), что статься не можетЪ, ежели ты не будешь стараться о здоровьѣ. Кромѣ сего законЪ естественный повелѣваетЪ тебѣ имѣть попеченіе беречь и умножать совершенства, или тѣлесныя, или душевныя (§ 32). А совершенство тѣлесное особливо состоитЪ вЪ благополучномЪ здоровьѣ. Ибо благополучіе, вообще разсуждаемое, не отЪ согласія ли разныхЪ вещей происходитЪ? А тѣлесное здоровье есть такое тѣла состояніе, вЪ которомЪ каждой членЪ кЪ отправленію отЪ Бога опредѣленныхЪ должностей есть способенЪ и сЪ другимЪ между собою согласенЪ.

ИзЪ сего можно тебѣ понять, что есть *немощь* (Morbus). Когда члены вЪ такомЪ состояніи находятся, что они не способны кЪ исполненію своихЪ должностей: тогда такое состояніе называется *немощію* (Morbus). Опредѣленіе здоровья и немощи изьяснимЪ такимЪ примѣромЪ: естьли на пр. твой желудокЪ проглоченную пищу хорошо варитЪ, и вЪ сокЪ и кровь обращаетЪ: тогда твой желудокЪ здоровЪ;

ровЪ; для того что все вЪ желудкѣ находящееся кЪ тому относится, и какЪ бы согласуетЪ, чтобЪ вареніе продолжалось. А ежели подагрою (ломЪ вЪ ногахЪ) кто такЪ будучи одержимЪ, вЪ постелѣ лежать будетЪ, что и ногою выступить не можетЪ изЪ двора, или изЪ школы, тогда ноги находятся вЪ немощномЪ состояніи; потому что все вЪ ногахЪ противно концу, для котораго БогЪ сотворилЪ ноги, присовокупя ихЪ кЪ тѣлу. Ибо ихЪ конецЪ есть тотЪ, чтобЪ мы сЪ мѣста на мѣсто могли переходить.

Не только о томЪ помышлять надобно, чтобЪ тѣло было здорово и бодро, но чтобЪ оно имѣло поворотливость и пристойную нѣкоторую красоту. Ибо мы по наученію закона естественнаго столько должны искать совершенства, сколько получить можемЪ (§ 32). А когда уже тѣло будетЪ поворотливо и сановито, тогда вЪ тѣлѣ больше совершенства оказывается, нежели какЪ бы оно здорово только было и сильно. Слѣдовательно кромѣ здоровья неотмѣнно ты помышлять долженЪ о пріобрѣтеніи тѣлесной поворотливости и пристойной красотѣ.

VI. Понеже все тѣло вЪ здоровьѣ надобно сохранять (пол. IV): то слѣдовательно каждой его членЪ должны мы беречь цѣлой и невредимой.

VII. Когда законЪ естественный всякаго обязываетЪ соблюдать здоровье тѣлесное (пол. IV), то онЪ же будетЪ обязывать человѣка и кЪ тому, чтобЪ употреблять средства и спо-

способы, на коихъ бы утверждена была бодрость и доброе тѣлесное здоровье.

VIII. Между тѣми средствами, какъ надобно сохранять здоровое тѣло, вопервыхъ почитать надлежитъ *пищу и питіе* (Cibus et Potus), на коихъ, какъ бы подпорахъ, содержится составъ тѣлесный.

IX. И такъ по закону естественному обязываемся столько пищи и питія употреблять, сколько потребно для исполненія естественнаго желанія и для подкрѣпленія силъ тѣлесныхъ.

X. А когда многіе находятся въ пищахъ роды, изъ коихъ иные здравію тѣлесному не только не полезны, но еще ему и вредны, и силы приводятъ въ слабость: то стараться надобно, чтобъ намъ такія выбирать пищи и питія, кои здоровью служатъ. Напротивъ того всячески должно удаляться отъ побужденія къ обжирству, кои часто подъ видомъ сладости обманываютъ.

XI. Въ употребленіи пищи и питія надобно разсуждать напослѣдокъ обстоятельство внѣшняго нашего состоянія, а именно имѣнія и достоинства, которое какъ бываетъ разное, такъ и пищу, смотря на оное, производить должно. Къ совершенству человѣческому все относить надобно. (§ 32) А совершенство человѣческое требуетъ согласія и сходства въ состояніи внутреннемъ и внѣшнемъ, въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ. Оное согласіе не можетъ мѣста имѣть, ежели пища и питіе несходно съ чьимъ состояніемъ, или имѣніемъ будетъ производимо.

И такъ непристойно будетъ богатымъ и въ знатности жизнь препровождающимъ людямъ убогую пищу, какою бѣдные люди и подлые питаются, такъ употреблять, что одинъ только голодъ и жажду утолить стараются, а о благопристойности мало помышляютъ.

XII. Не только пищу и питіе къ подкрѣпленію здоровья относить надобно; но понеже и одѣяніе, тѣло покрывающее, и покои, въ коихъ мы живемъ, къ тому способствуютъ, чтобъ морозъ и излишній жаръ и прочія несносныя погоды удалить и не допустить до тѣлесныхъ членовъ: то явствуетъ, что всякому должно имѣть стараніе о томъ, чтобъ въ одеждахъ ходить и въ домахъ жить здоровыхъ, способныхъ, и достоинству, или имѣнію, или состоянію пристойныхъ.

XIII. Кромѣ сего при наблюденіи здоровья надобно особливо имѣть стараніе о *снѣ* (Somnus), чтобъ онаго излишно и очень мало и рѣдко не употреблять; для того что сколько силы малое сна и покоя употребленіе имѣетъ къ ободренію силъ тѣлесныхъ, столько слабости и вреда дѣлается членамъ, ежели чрезмѣрно вдашься въ сонъ.

XIV. Понеже пища для сохраненія тѣла и обереженія здоровья превеликую приноситъ помощь (пол. XI): то слѣдовательно всякой долженъ исполнять тѣ дѣла, коими пища заготовляется.

XV. Дѣла, коими можно пищу заготовлять, называются *трудомъ* (Labor).

XVI. И такъ изъ сего ясно оказывается, что всякъ по закону естественному обязанъ трудиться, особливо и для того, что отъ трудовъ тѣло движется, и отъ непрестаннаго движенія крѣпнетъ и сильнѣе становится. Онаго движенія естьли тѣло не будетъ имѣть, и въ лѣности лежать станетъ, тогда статься не можетъ, чтобъ послѣ поврежденія крови и ослабленія силъ все питаніе не получило вреда, такъ какъ вода теченія не имущая бываетъ вонюча, и червей полна.

Три находятся обстоятельства, кои я думаю здѣсь приложить: 1) Изъ вышереченнаго понимаешь, что *праздно живетъ* тотъ (Otiatur), кто дѣла совсѣмъ упущаетъ, коими можно пищу заготовить. 2) Что мы о пищѣ и питіи объявили, т. е. что надобно разсуждать обстоятельства состоянія внѣшняго, имѣнія и достоинства, тожъ самое можно сказать и о трудѣ, который такъ разполагать надобно, чтобъ пристойность была наблюдаема. 3) Умѣренность въ трудѣ надобно имѣть, дабы намъ излишнимъ упражненіемъ силъ не изнурить.

XVII. Когда всѣ тѣлесные члены отъ насильственнаго поврежденія защищать должно (пол. VI.), тогда наипаче о соблюденіи и исправленіи тѣхъ тѣлесныхъ частей, коими чувствуемъ, какъ очей, ушей и ноздрей, весьма рачительными намъ быть надобно. Ибо сколь душа превосходнѣе тѣла, столь чувствій органы, удивительную душѣ нашей подающіе пользу, лучшіе суть прочихъ членовъ, изъ коихъ тѣло состоитъ.

XVIII. Какъ жизнь и здоровье соблюдать должно, такъ и всѣхъ болѣзней какъ можно остерегаться и отвращать оныя надобно, и когда онѣ къ тѣлу приступятъ, силу ихъ употребленіемъ полезныхъ лѣкарствъ умалять надлежитъ и укрочать. Оныя почти суть должности тѣлу принадлежащія. Что по мнѣнію нѣкоторыхъ здѣсь надлежало было говорить, о томъ будемъ толковать ниже въ Этикѣ.

ГЛАВА VI.

О должностяхъ человѣка къ самому себѣ въ разсужденіи состоянія внѣшняго.

§ 79.

До состоянія внѣшняго человѣческаго относимъ 1) *имѣніе и пожитки* (Opes et Facultates), 2) *чести* (Honores), 3) *щастіе и нещастіе*, (Fortuna). И такъ оттуда тройственныя происходятъ должности, кои человѣку наблюдать должно. Иныя надлежатъ до его пожитковъ, иныя до честей, иныя напослѣдокъ до щастія, или нещастія. Мы начнемъ отъ имѣнія, или пожитковъ.

§ 80.

Все то, что надлежитъ до пищи и чистоты тѣлесной, и чего мы требуемъ для исправленія житейскихъ нуждъ, также выгодъ и пріятностей, называется *пожитками*, или *имѣніемъ* (Facultates ſive Opes). И такъ имѣніе (Opes) не

не что иное есть, какъ заготовленіе тѣхъ вещей, коихъ человѣкъ требуетъ для препровожденія жизни съ увеселеніемъ и благопристойностію.

§ 81.

Изъ онаго опредѣленія видно тебѣ, что имѣніе троякаго рода. Иное надлежитъ къ исполненію настоящей житейской нужды и къ препровожденію жизни, которое называется *посильное*; иное на тотъ конецъ снискиваютъ, чтобъ себѣ въ будущей нуждѣ помочь. Оные пожитки мы называемъ *нужными для будущаго*. Иное напослѣдокъ служитъ къ увеселенію, выгодѣ и пристойности, и кое справедливо можешь назвать *довольнымъ*.

§ 82.

По изъясненіи подробнѣйшемъ оныхъ понятій весьма удобно можно будетъ уразумѣть тѣ предложенія, по правилу коихъ всякой свои дѣла разполагать долженъ въ учрежденіи и управленіи домашнихъ обстоятельствъ.

I. Обязаны мы искать имѣнія и пріобрѣтенное соблюдать. Ибо когда мы жизнь нашу должны сохранять (§ 78 пол. I): то и о тѣхъ вещахъ, коихъ мы требуемъ для содержанія житія, надобно быть намъ заботливыми. Оныя вещи понеже называются имѣніемъ (§ 80), то мы обязаны искать и беречь имѣніе.

II. Когда во всякихъ человѣческихъ состояніяхъ искать надобно согласія, которое не можетъ разлучиться отъ человѣческаго совершенства (§ 32): то намъ не только о томъ должно помышлять, какъ надобно заготовить имѣніе, для по-

повседневнаго пропитанія нужное, но стараться надлежитъ и о выгодѣ и благопристойности.

III. Какъ разное имѣніе, на свои раздѣляемо сорты, разную намъ дѣлаетъ пользу, иное большую, иное меньшую, такъ и въ снисканіи онаго разнымъ образомъ намъ поступать надобно.

IV. Превеликаго попеченія требуетъ настоящая нужда и пропитаніе повседневное. Ибо, какъ всякому извѣстно, прежде надобно помышлять о содержаніи житія, нежели о его выгодѣ и благопристойности.

V. Естьли столько ты себѣ сыщешь имѣнія, сколько надобно для нужнаго пропитанія и для утоленія голода, и повседневной жажды: тогда должно тебѣ промышлять о будущихъ житейскихъ надобностяхъ, и притомъ остерегаться, чтобъ тебѣ иногда съ голодомъ не бороться, ежели все разточишь.

VI. Напослѣдокъ, естьли и для настоящей и будущей нужды промыслишь: то смотри, чтобъ выгодно и благопристойно жить могъ.

§ 83.

Естьли кто такое имѣетъ довольство и множество богатства, что большими владѣетъ пожитками, нежели кои потребны ради исправленія какъ настоящей, такъ и будущей житейской нужды и благопристойности, тогда ему вмѣняемъ *богатство*, или *изобиліе* (Divitias ſive Opulentiam). А естьли такое богатства будетъ множество, которое довольно для повседневнаго пропитанія, для будущихъ житейскихъ нуждъ, и напослѣдокъ для наблюденія благо-

благопристойности, тогда мы оное называемъ *великолѣпіемъ* (Lautitiam). Естьли кто напослѣдокъ столько имѣетъ, сколько довольно къ содержанію житія и къ заготовленію повседневнаго пропитанія, тогда говорятъ, что онъ имѣетъ *довольство* (Sufficientiam). А естьли и того нѣтъ, что требуется для настоящихъ житейскихъ нуждъ, тогда находится *бѣдность* (Paupertas).

§ 84.

И такъ изъ сего разсматриваешь:

I. Что не надобно того тотчасъ называть *бѣднымъ* (Pauper), кто не богатъ, и того не должно между богатыми считать, кто не бѣденъ.

II. Того ради изъ онаго разумѣется, что имѣнія не ради себя желать надобно, но ради нужды и выгоды житейской. Ибо тѣ вещи, коихъ мы требуемъ, суть нужны для житейскаго содержанія и благопристойности.

III. Когда трудъ есть главный способъ, какъ сыскать пропитаніе (§ 78. пол. V.): то явствуетъ, что надобенъ трудъ для снисканія имѣнія, коимъ пропитаніе заготовляется. И такъ когда мы обязаны искать имѣнія (§ 82. пол. I.), то изъ онаго видно, что и трудиться мы обязаны.

§ 85.

Состояніе внѣшнее объемлетъ и *честь* (Honorem); а честь не что иное есть, какъ разсужденіе другихъ людей о нашихъ совершенствахъ.

На пр. естьли Титъ думаетъ и почитаетъ, что Кайй есть человѣкъ ученой и добродѣтельной: тогда Кайй честію почтенъ бываетъ, и Титъ, который разсуждаетъ о Каіевыхъ добродѣтеляхъ и остротѣ, почитаетъ Каія.

§ 86.

Изъ опредѣленія чести такія текутъ предложенія:

I. Честь, какъ бы на основаніи, укрѣпляется на нашихъ совершенствахъ.

II. И когда всѣ совершенства, о коихъ другіе люди разсуждаютъ, суть или истинныя, или мнимыя (§ 227 Мет.): то явствуетъ, что всякая честь есть или истинная, или мнимая. Первая утверждается на совершенствахъ истинныхъ, а другая на мнимыхъ. Та произходитъ отъ разсужденія истиннаго и твердаго о нашихъ совершенствахъ, а оная отъ ложнаго и погрѣшительнаго.

III. Истинной чести никто намъ вмѣнить не можетъ, кромѣ того, кто знаетъ наши совершенства; ибо какимъ образомъ кто разсуждать можетъ о совершенствахъ, коихъ онъ не вѣдаетъ?

IV. И такъ больше ту честь почитать должно, которую намъ отдаютъ разумные и похвальные люди, нежели которую вмѣняетъ простой и неученой народъ.

V. Честь не состоитъ во власти нашей, такъ чтобъ мы оную отъ иныхъ людей насильно могли требовать. Ибо кто душами другихъ людей такъ повелѣвать будетъ, чтобъ

тѣхъ, отъ коихъ почтенъ быть желаешь, могъ понудить къ доброму и почтенному о себѣ мнѣнію?

VI. Почему справедливо древніе говорятъ: честь свойственна почитающему, а не почитаемому.

VII. Хотя другихъ людей не можемъ силою внѣшнею къ тому принудить, чтобъ насъ почитали (пол. V); однакожъ можемъ слѣдовать добродѣтели и наши совершенства ясными опытами изъявлять и очамъ другихъ людей представлять.

VIII. Не всякія совершенства честь намъ причиняютъ; но тѣ только, кои суть *наши*, т. е. кои нашими силами, нашимъ стараніемъ и трудами пріобрѣтены. Такимъ образомъ знаменитая порода и слава предковъ не вмѣняются намъ въ честь; но которое благородство мы сами себѣ добродѣтелію и добрыми поступками заслужили, оно только чести достойно, какъ по всему явствуетъ.

IX. Чтобъ знать можно было, какіе именно люди чести достойны, или о чьихъ добродѣтеляхъ почтенно разсуждать надобно: то по обычаю должно чрезъ нѣкоторые знаки изъявить внутреннее душевное разсужденіе о совершенствахъ другихъ людей, оное внѣшнее чести означеніе.

Сюда принадлежатъ титулы, или тѣ слова, коими обьявляемъ, что мы о ближнемъ хорошо и почтенно разсуждаемъ. Сюда относятся поздравленія, восклицанія и плески, также и то, что мы встаемъ и мѣсто уступаемъ тѣмъ людямъ, коихъ почитаемъ достойными чести, и проч.

X. Чести противополагается безчестіе, которое не что иное есть, какъ разсужденіе другихъ людей о нашихъ несовершенствахъ, или худыхъ поступкахъ.

Естьли мы справедливо уразумѣли предложенія о чести, нами представленныя, то нынѣ удобно разсмотришь, что намъ ставится въ безчестіе, и что не вмѣняется. а) Ничего намъ безчестія принесть не можетъ, кромѣ тѣхъ несовершенствъ, коихъ мы сами виною бываемъ. На пр. пороки, невѣденіе, котораго убѣжать мы могли и должны были, любострастія, немощи, также и въ домостроительствѣ уроны. б) И такъ намъ въ безчестіе не вмѣняется то, что не по нашей винѣ сдѣлалось, но чего убѣжать не возможно было. На пр. дурное лице, подлая и незнатная порода, бѣдность, и проч.

XI. Когда безчестіе мы означаемъ чрезъ внѣшнія слова, дѣла и поступки, тогда называется *укоризна*, или *безславіе* (Opprobrium five Ignominia).

XII. Изъ онаго всего явствуетъ, что всякъ обязанъ искать чести и убѣгать безчестія. Ибо когда всякъ долженъ со всевозможнымъ стараніемъ искать совершенствъ и наблюдать добродѣтель, напротивъ того пороковъ и всего худаго убѣгать (§ 32): то разумѣется, что всякому должно искать чести и убѣгать безчестія, потому что основаніемъ чести есть добродѣтель (пол. I.), отъ которой честь не боль-

больше можетъ разлучиться, какъ тѣнь отъ тѣла въ такихъ предѣлахъ.

Желаніе чести естьли содержится, то никакого не имѣетъ порока; но еще бываетъ достохвально, и самъ *Павелъ къ Филипписеемъ* гл. IV. похваляетъ. Ибо не хотѣть искать чести есть презирать добродѣтель и гнушаться добрыми и достохвальными дѣлами.

§ 87.

Что мы о чести и безчестіи объявили, съ тѣмъ сродно и сіе, что нынѣ говорить надобно о *похвалѣ* (De Laude). Тогда мы *хвалимъ* другаго, естьли его совершенства вычисляемъ, и *похвала* не что иное есть, какъ вычисленіе совершенствъ другаго. Такъ естьли скажешь, что Евгеній есть вождь храбрый, разсудительный, скромный, щастливый: тогда хвалишь Евгенія, потому что вычисляешь его добродѣтели и совершенства.

§ 88.

А естьли другаго несовершенства вычисляешь, тогда ругаешь другаго; ибо *руганіе* (Vituperatio) есть вычисленіе несовершенствъ другаго. Естьли пороки другому вмѣняешь, коимъ онъ невиновенъ, и несовершенства его вычисляешь, коихъ не имѣетъ: тогда говорятъ, что ты *оговариваешь* (Criminaris), или *клевещешь* (Calumniaris) на другаго. На пр. естьли порокъ пьянства вмѣняешь Кaію, или его въ богоотступствѣ, коего не имѣетъ, обвиняешь, тогда клевещешь на Кaія.

§ 89.

§ 89.

О похвалѣ, о руганіи и клеветѣ слѣдующія долженъ ты знать предложенія:

I. Когда другому тѣ совершенства, кои онъ точно имѣетъ, вмѣняемъ или на словахъ, или на письмѣ, тогда *похвала* есть *истинная* (Vera laus). А когда говоримъ, что другой таковыми украшенъ совершенствами, коими онъ не одаренъ, тогда *похвала* есть *ложная* (Falſa laus), и ни на какомъ, но подлинно на поползновенномъ утверждающаяся основаніи.

II. Кои хвалить что начинаютъ, отъ нихъ то наипаче требуется, чтобъ имъ добродѣтели и совершенства той вещи, которую хвалятъ, совершенно были извѣстны и дознанны. Ибо какимъ образомъ кто вещи какой добродѣтели и совершенства будетъ вычислять, какихъ онъ совсѣмъ не знаетъ? Какъ статься можетъ, чтобъ люди, неискусные въ дѣлахъ, и ни о чемъ по своему мнѣнію разсудить не знающіе, достодолжно похваляли то, что хвалятъ? Ибо когда они по невѣденію своему или то, что нарисованное только добродѣтели подобіе имѣетъ, почитаютъ за самую добродѣтель, или совершенства въ какой нибудь вещи находящіяся по настоящему оцѣнить не могутъ: тогда безъ всякаго сомнѣнія ихъ похвала бываетъ суетная, ложная и пресмѣшная.

III. И для того разумнѣйшіе люди не за велико ставятъ похвалу отъ неискусныхъ происшедшую, и смѣются тѣмъ, кои нѣкоторое себѣ вмѣняютъ почтеніе, когда ихъ весьма по-

похваляют люди, но несмысленные, неученые и дел не знающие.

IV. Из сего можно разсудить, какая тому причина, что всяк со всевозможным душевным старанием тщится получать хвалу. Ибо когда чувствие совершенства раждает в нас веселость; а когда упоминаются наши совершенства, в то время оныя неотменно мы чувствуем: то явствует, что всякая похвала, понеже в ней упоминаются наши совершенства, исполняет нас всеприятнаго веселости чувства. Да и мы всего того желаем, что нам приятно и сладко сердце веселит (§ 230 Мет.). И так не дивно, что всяк с столь большим душевным старанием устремляется к похвале, сколь больше имеет приятности.

V. Сие прежде утвердя, можно ныне уразуметь, обязаны ли мы желать похвалы. Естьли оныя слова такую силу имеют, что мы от других людей насильно должны требовать похвалы, чтоб они хвалили нас и наши добродетели: то я не спорю, что никто, разве кто сам недостоин никакой похвалы, не может похвалить невоздержнаго такого и неумереннаго похвалы желания. А естьли желание похвалы так будешь толковать, что чрез оное разумеешь наблюдение добродетели и учения: то, естьли обвиняешь такое желание похвалы, уже и самую добродетель и ея желание обвиняешь, от которой обыкновенно истинная похвала происходит.

VI. Естьли почувствуем, что злобные люди на нас стрелы клеветания мечут, то мы должны 1) свою невинность, как только можем, изъявлять; 2) клеветы опровергать больше вещию и делом, нежели словами. Сего требует желание чести, к которому мы обязаны по закону естественному. Ибо естьли обязаны мы искать чести и убегать безчестия (§ 89. пол. XII.): то и того удаляться и не допущать мы должны, что мнение и разсуждение других людей умаляет о наших добродетелях. А когда клеветы, особливо естьли от людей весьма важных и достоверных произойдут, великую силу имеют к тому, чтоб других людей мнение и разсуждение о наших добродетелях умалить, и так честь уничтожить (§ 88.): то явствует, что всяк должен клеветы опровергать, и их ложь и непристойность доказывать делами, или словами.

Когда клеветы начало свое берут от людей самых подлых, беззаконных, и на всякое непотребство устремившихся, и в безчестии уже подозрительных: тогда лучше молчать, нежели тщетной труд полагать в опровержении таких ложных вымыслов.

§ 90.

Пришли уже мы до *щастия* и *нещастия* (Ad Fortunam), которое, как выше объявили, многие причиняет нечаянные и неуповательные нам случаи ради темности и неведения сокровенных причин. Ибо *щастие* и *нещастие* (Fortuna) есть соединение и собрание причин, коих тот, кому оне принадлежат, предвидеть не мог. Оное щастие называется *благо-*

по-

получнымъ (Secunda), которое наше состояніе лучшимъ дѣлаетъ; а нещастіе именуется *непріязненное* (Adversa), которое нашимъ совершенствамъ и концамъ противно.

§ 91.

I. Понеже щастіе и нещастіе не состоитъ въ нашей власти (§ 90), то непристойно духомъ излишно смущаться и отчаяваться, хотя мы и не очень благополучны будемъ.

II. Слѣдовательно хотя щастіе благополучное насъ въ совершенство приводитъ (§ 90); однако совершенство, или благая щастія, не суть наша благая, т. е. не нашимъ желаніямъ и старанію оныя вмѣнять должно. И какъ для полученія откуда нибудь чести требуются совершенства наши, т. е. раченіемъ нашимъ пріобрѣтенныя (§ 86. пол. VIII.): то разумѣется, что благая щастія, въ себѣ разсуждаемыя, ничего помощи не приносятъ для чести и похвалы, слѣдовательно въ состояніи благополучномъ, и по желанію нашему препровождаемомъ должно всячески убѣгать намъ гордости, презрѣнія и спѣси.

ГЛАВА

ГЛАВА VII.

О должностяхъ къ другимъ людямъ вообще.

§ 92.

Всякаго человѣка благополучіе такъ тѣснымъ сопряжено союзомъ съ невредимымъ состояніемъ другихъ людей, что не можешь ты себя и свое состояніе въ совершенство привесть и благополучно свои дѣла исполнять, развѣ тѣхъ не будешь трогать, кои съ тобою однимъ дыханіемъ и воздухомъ наслаждаются. И такъ въ оказываніи и полученіи благодѣяній то всякому отъ другаго принимать и взаимно отдавать надобно, что самъ собою не можешь учинить.

§ 93.

Отсюда раждаются взаимныя должности, кои человѣкъ человѣку долженъ, и кои одинъ другому оказывать будетъ, естьли правому разуму послѣдовать станетъ, и пожелаетъ свои дѣла располагать по правилу закона естественнаго.

§ 94.

Естьли о должностяхъ къ другимъ людямъ справедливо разсуждать хочешь, то примѣчай слѣдующія предложенія:

I. Должности къ другимъ людямъ, вообще разсуждаемыя, суть такія дѣйствія, которыя исполнять въ разсужденіи другихъ людей обязываемся по закону естественному.

II. Должности къ другимъ людямъ весьма пристойно раздѣляются на три класса, какъ почти уже мы раздѣлили всякаго человѣка долж-

жно-

жности къ самому себѣ. Иныя надлежатъ до души, иныя до тѣла, иныя напослѣдокъ до совершенства состоянія внѣшняго и до имѣнія другихъ людей.

III. А что всякъ по предписанію закона естественнаго долженъ являть другому должности, оное разнымъ образомъ обыкновенно доказывается. А именно: вопервыхъ намъ законъ естественный повелѣваетъ искать всякихъ совершенствъ (§ 32); и такъ когда всякъ свои совершенства не можетъ умножить, ежели купно другимъ людямъ добра желать: (§ 92) то помышлять мы должны и о невредимомъ и благополучномъ состояніи другихъ людей. Напослѣдокъ, естьли другихъ совершенствамъ споспѣшествуемъ, то возбудимъ въ нихъ чувство о совершенствѣ, или пріятность (§ 219 Мет.). Изъ онаго неотмѣнно въ другихъ возгорится любовь къ намъ (§ 238 Мет.); и когда съ любовію всегда сопрягается желаніе споспѣшествовать благополучію того, кого любимъ (§ 239 Мет.): то слѣдовательно, естьли мы другимъ людямъ являемъ должности, надобно и ихъ возбуждать къ тому, чтобъ насъ приводили въ совершенство и споспѣшествовали благополучію нашему. И такъ когда по закону естественному обязываемся все то дѣлать и искать, что какимъ ни есть образомъ надлежитъ до нашихъ совершенствъ и до утвержденія благополучія (§ 32): то слѣдовательно должны мы другимъ людямъ оказывать должности.

IV. Того ради въ наблюденіи должностей къ другимъ людямъ есть сіе главное и всѣ прочія обемлющее правило: *другихъ людей внутреннее и внѣшнее состояніе какъ можно наиприлѣжнѣйше приводи въ совершенство.*

Но предложеніе оное съ умѣренностію нѣкоторою я разумѣть хочу. а) Естьли въ силахъ нашихъ не состоитъ другихъ въ совершенство приводить, и неоставленіе и помощь имъ подавать: то мы не обязаны въ совершенство приводить состояніе другихъ людей; для того что никто не обязывается къ тому, что почитается за невозможное (ἀδύνατα). б) Естьли должности къ самому себѣ съ должностями къ другимъ людямъ будутъ имѣть сраженіе, такъ что и твоего и другихъ совершенства купно получить не можно: тогда, какъ обыкновенно бываетъ въ сраженіи должностей, надобно тебѣ большее совершенство предпочитать меньшему, т. е. свое здоровье лучше почитать благополучія другихъ людей. в) Естьли ту должность, которой у тебя другой человѣкъ проситъ, самъ онъ для себя исполнить можетъ, имѣя силы пріобрѣсть себѣ помощь и неоставленіе, тогда ты не обязанъ помогать другому.

V. Другихъ людей надобно любить. Когда по закону естественному долженъ ты въ совершенство приводить другихъ людей, то и совершенствами ихъ утѣшаться долженъ. Потому что какимъ образомъ въ совершенство приведешь, ежели не исполнишься чувства о совершенствахъ, или утѣшенія, отъ совершенствъ другихъ людей получаемаго? А сіе ничто иное

есть, какъ любить другихъ (§ 238 Мет.): то явствуетъ, что другихъ людей надобно любить.

Во исполненіи взаимныхъ должностей и въ сопряженіи доброжелательства главная почитается любовь; уничтожа оную, уничтожится всякая должность, и самой общества союзъ разрушится. Оная самая любовь, которую ты другимъ людямъ оказывать долженъ, равная быть должна любви къ самому себѣ, по которой, какъ по звѣздѣ какой и правилу, надобно управлять любовь къ другимъ людямъ. Ибо когда другой человѣкъ, котораго ты долженъ любить, есть такой же человѣкъ, какъ и ты; когда онъ изъ той же, какъ и ты, души и тѣла весьма искусно составленъ; когда онъ тѣмъ же животомъ и духомъ содержится, тѣмъ же, какъ и ты, воздухомъ наслаждается, питается, тѣмъ же духомъ живетъ: то я не вижу, для чего бы онъ такой же любви, какую ты къ себѣ являешь, одолженъ былъ отъ тебя требовать.

VI. Того ради изъ онаго разумѣется, что мы должны, сколько въ насъ силъ есть, разумамъ другихъ людей подавать истинное познаніе о добрѣ и худѣ, ихъ ко всякому доброму званію и благопріятству наставлять, темноту заблужденій разгонять, въ коихъ они находятся, отвратя ихъ отъ прелести и пороковъ, приводить паки на путь добродѣтели; напослѣдокъ ничего не упущать, что надлежитъ или къ поощренію и въ совершенство при-

приведенію силъ разумныхъ, или къ исправленію воли и нравовъ.

VII. Что надлежитъ до тѣла другихъ людей, то берегись, чтобъ насильствія кому не учинить и кровію другихъ людей не осквернить руки. Берегись, чтобъ здравія другихъ людей не попортить, и силъ и бодрости тѣлесной не умалить, или безразсуднымъ къ чему побужденіемъ, или приманиваніемъ къ сластямъ любострастнымъ и пьянству, или уязвленіемъ и отсѣченіемъ членовъ, или другими какими нибудь способами.

VIII. Надобно также тебѣ стараться о славѣ и чести другихъ людей, и всего того убѣгать, что по видимому надлежитъ къ умаленію похвалы другихъ людей.

IX. Напослѣдокъ прилѣжно того надобно остерегаться, чтобъ намъ домашнихъ пожитковъ и имѣнія ближняго не умалить, но паче оное сохранять, умножать и разпространять.

X. Оное все вышеобъявленное научаетъ, что ничье состояніе не надобно дѣлать несовершеннѣйшимъ, и такъ никого, ктобъ онъ такой, и чей бы ни былъ, оскорблять не должно. Ибо естьли мы ближняго состояніе дѣлаемъ несовершеннѣйшимъ, тогда говорятъ объ насъ, что мы оскорбляемъ ближняго (Laedere); а то худо, которое происходитъ отъ оскорбленія, называется убыткомъ (Damnum).

XI. Того ради никому не надобно дѣлать убытку. Ибо когда не должно никого оскорблять, какимъ бы то образомъ ни происходило (пол. X): то и убытку не надобно нико-

му

му дѣлать, которой отъ оскорбленія разлучиться не можетъ (по опред.).

XII. А естьли мы ближнему убытокъ нанесемъ, то за оной награждать должно. Представь себѣ, что ты ближняго за уронъ ему нанесенной не награждаешь: тогда его оскорбленіе пребываетъ и не уничтожается (пол. X); но понеже никого оскорблять не надобно (пол. X), то явствуетъ, что убытокъ ближнему нанесенной должно возвратить, дабы оскорбленіе пресѣклось.

Нѣкоторыя находятся осторожности, при возвращеніи убытковъ нужныя, изъ коихъ я думаю одну сію представить. Естьли кто тебѣ убытокъ, нечаянно нанесенной, возвратить долженъ, за которой онъ или воздать не можетъ, или хотя и воздастъ, но весьма нещастливымъ сдѣлается и въ убожество придетъ: тогда весьма неправедно поступаешь, естьли его принуждаешь возвратить убытокъ. Тебѣ было лучше надлежало или никакого, или нѣкотораго, но не полнаго за убытокъ воздаянія просить.

XIII. Къ тому обязаны мы, чтобъ всѣмъ быть друзьями, а никому недругами. Ибо когда мы обязаны любить другихъ людей (пол. IV), а кто другаго любитъ, тотъ другому *другъ* (по опредѣл.): то слѣдовательно должны мы всѣмъ быть друзьями, а никому недругами. Ибо *недругами* (Inimici) находимся другимъ людямъ, ежели ихъ ненавидимъ.

ГЛАВА

ГЛАВА VIII.

О должностяхъ къ друзьямъ и недругамъ.

§ 95.

Должности къ друзьямъ можно заключить въ слѣдующихъ правилахъ:

I. Друзей надобно любить. Ибо когда всѣхъ людей, какіебъ ни были, должно любить (§ 94 пол. IV), то и безъ моего объявленія разумѣешь, что тѣ люди особливо нашей любви достойны, кои насъ любятъ. А понеже они намъ друзья, кои насъ любятъ (по опред.): то явствуетъ, что друзей вопервыхъ надобно любить.

II. Берегись того, чтобъ тебѣ на друзей, ежели они въ чемъ противъ тебя по невѣдѣнію погрѣшатъ, жестоко не гнѣваться, и любовь не обратить въ ненависть. Хотя мы иногда и думаемъ, что другъ намъ досадилъ; однако не надобно почитать, что онъ то съ умысла и нарочно учинилъ. Ибо когда другъ есть тотъ, кто насъ любитъ, и кто по томъ увеселяется нашимъ благополучіемъ (§ 238 Мет.): тогда думать не можно, что онъ нарочно то будетъ дѣлать, какъ бы другаго друга веселіе смутить и ему печаль навесть.

И такъ весьма непорядочно и неправедно съ своими друзьями тѣ поступаютъ, которые ихъ слова и дѣла подробно и очень тонко разбираютъ, и все начисто обрѣзываютъ. Такіе люди для наблюденія дружества суть весьма неспособны.

 III.

III. Что нибудь, или душу, или тѣло, или имѣніе, или честь друга твоего повредить может, то все отъ своихъ словъ и дѣлъ удаляй. Сего требуетъ какъ законъ естественный (§ 32), такъ особливо та любовь, которой по справедливости нѣкоторой своей требуетъ другъ, который тебя любитъ.

IV. И того не оскорбляй, кто тебѣ недругъ. Для того что недругъ насъ ненавидитъ, и за тѣмъ наше благополучіе, или явно, или тайно, и сдѣлавъ какъ бы подкопы, разорить прилѣжно старается (§ 240 Мет.). И такъ естьли недруга оскорбляешь, и его состояніе несовершеннѣйшимъ дѣлаешь, тогда ненависть его умножается и ожесточается, и большимъ горѣть будетъ желаніемъ тебя сдѣлать неблагополучнымъ и зло за зло воздать. Такимъ образомъ самъ свое благополучіе разрушаешь, и недругу какъ бы оружіе подаешь, съ коимъ бы онъ на тебя свирѣпѣлъ. Оное сколь есть закону естественному противно, ясно понимаешь.

V. Ниже въ ненависти имѣть надобно недруговъ. Для того что естьли ненавидишь недруговъ, то тебя тщаніе и желаніе возбудитъ разрушить благополучіе твоихъ недруговъ, и состояніе ихъ сдѣлать несовершеннѣйшимъ (§ 240 Мет.) Онымъ самымъ оскорбляешь недруга (§ 94 пол. X); а когда недруга оскорблять не надобно (пол. IV), то слѣдовательно и ненавидѣть намъ его не должно.

VI. Прощать надобно недругамъ. Ибо когда недруга въ ненависти имѣть не должно (пол. V), то явствуетъ, что все то изъ сердца надобно изгладить, что къ ненависти причину подать, и какъ бы матерію ей подослать можетъ. Почему и обиду, которую тебѣ недругъ сдѣлалъ, забвенію предавай, и такъ разсуждай объ ней, какъ бы она и не нанесена была. Оное когда бываетъ, тогда мы *прощаемъ недругамъ.* (Ignoſcimus inimicis). И такъ явствуетъ, что недругамъ прощать надобно, т. е. такъ объ нихъ разсуждать, какъ бы они насъ не оскорбили.

VII. Такимъ образомъ совсѣмъ позабывши обиду, какъ причину ненависти, равномѣрно также нынѣ съ недругомъ поступать будешь, какъ и съ прочими людьми. И такъ недругу долженъ будешь оказывать тѣжъ должности, какія и другимъ людямъ.

VIII. Слѣдовательно когда всѣхъ людей надобно любить (пол. V. § 94), то и недруга не можно тебѣ лишить той любви, которую ты другимъ людямъ долженъ являть.

IX. Естьли когда враги насильно на насъ нападаютъ и живота лишить хотятъ, то ярость ихъ и устремленіе удерживать и укрощать должно, дабы они намъ вреда сдѣлать и здоровье наше разрушить не могли. Ибо когда всякъ, какъ можно, съ крайнимъ прилѣжаніемъ и съ теплымъ усердіемъ долженъ о своемъ состояніи промышлять и свое здоровье и имѣніе хранить въ безопасности (§ 32), то разумѣется, что каждой человѣкъ обязанъ всякаго искать способу для соблюденія здоровья, и такія употреблять средства, чтобъ ими можно было прогнать силу вражескую, отбить стрѣлы, и уроны, коими врагъ грозился, отвратить

тить въ то время, когда онъ услышитъ, что недругъ коварство подъискиваетъ надъ его жизнію, и когда увидитъ, что отъ врага приходитъ опасность своему благополучію и имени.

X. Но при укрощеніи недруговъ и при опроверженіи обидъ одна сія предосторожность нужна, чтобъ мы вреда не сдѣлали, или себѣ, или самому недругу, естьли то статься можетъ. Смотрѣть надобно, чтобъ и наше благополучіе соблюдалось непоколебимо, и чтобъ недругу не нанесть и самаго малѣйшаго, или никакого урону.

При укрощеніи недруга и при отвращеніи обидъ такъ поступать намъ совѣтуетъ правой разумъ, чтобъ а) прежде все объявить по совѣту и на словахъ, нежели вступимъ въ жесточайшія средства для отогнанія опасности; б) чтобъ мы жизнь свою всякимъ образомъ защищали отъ насильнаго непріятельскаго устремленія, ежели ничего слова и увѣщанія намъ не помогутъ.

XI. Отсюда произходитъ *управа невинной обороны* (Moderamen inculpatæ tutelæ), которая не что иное есть, какъ тѣла и жизни защищеніе отъ насильнаго нападенія.

XII. Слѣдовательно законъ естественный повелѣваетъ употреблять тебѣ управы невинной обороны и насильство отгонять насильствомъ, ежели жизнь твоя опасности подвержена будетъ. Ибо когда законъ естественный повелѣваетъ укрощать намъ непріятельское устремленіе ради соблюденія нашего здоровья и живота (пол. IX. § 95): то разумѣется, что насъ

насъ тотъ же законъ обязываетъ отгонять насильство насильствомъ и жизнь свою защищать отъ насильнаго нападенія, и такъ употреблять права невинной обороны.

Сіе самое такимъ образомъ доказать можно: представь себѣ, что ты, естьли на тебя съ мечемъ бѣжитъ непріятель и съ нимъ на твое тѣло нападетъ; представь себѣ, я говорю, что ты самъ себя живота лишить дозволяешь, которой можно было тебѣ защищеніемъ соблюсти: такимъ образомъ не будешь ли ты *самоубійца* (Αὐτόχειρ)? Не гнусно ли тебѣ презирать благородную поклажу, которая тебѣ отъ Бога на сохраненіе поручена? Не совсѣмъ ли ты истребляешь и уничижаешь природную оную къ сохраненію жизни склонность, которую Богъ не безъ премудрой причины весьма глубоко изобразилъ на твоей душѣ?

Справедливо о семъ разсуждаетъ *Цицеронъ*: оной законъ не писанъ, но рожденъ, которому мы не учились, не приняли его, не читали, но изъ самой натуры его выхватили, почерпнули, выразили; мы ему не научены, но сотворены; не наставлены, но напоены, такъ что всякимъ честнымъ образомъ соблюдать надобно здоровье, естьли жизнь наша въ какое коварство, въ насиліе и въ стрѣлы, или разбойническія, или непріятельскія попадется (о Милонѣ гл. IV.)

О управѣ невинной обороны разно разсуждали нынѣшніе ученые люди, изъ коихъ иные оное право въ разныхъ заключаютъ предѣлахъ. Нехудо придать нѣкоторыя такія осторожности:

сти: а) управа невинной обороны имѣетъ только мѣсто въ *состоянiи естественномъ* (In statu naturali), въ которомъ нѣтъ ни одного вышшаго, кому бы ты себя могъ поручить на защищенiе. б) Тогда она мѣсто имѣетъ, когда твоей жизни дѣлается насилiе; в) когда бѣгомъ себя спасти не можешь, и некому тебя будетъ избавить отъ опасности; г) въ управѣ невинной обороны, оставя кротчайшiе способы, какъ защищать жизнь, вступать тебѣ надлежитъ въ жесточайшiя средства, т. е. естьли рану давши, отогнать можешь насилiе разбойника, тогда его не надобко убивать до смерти; а естьли его нападенiя никакимъ образомъ укротить не можно, то лучше разбойнику погибнуть, нежели тебѣ.

ГЛАВА IX.

О должностяхъ человѣческихъ въ разсужденiи владѣнiя.

§ 96.

Въ родѣ человѣческомъ никогда того не бывало, чтобъ люди другъ друга искреннею всегда и истинною любовiю обнимали, и такъ бы одинъ другому, какъ себѣ добра желалъ. Почему не можетъ статься, чтобъ многимъ, или всѣмъ людямъ дана была способность употреблять тужъ вещь въ свою пользу. Сильнѣйшiе люди захватили бы все къ себѣ, а лѣнивые тѣмъ, что прилѣжные трудомъ довольствовались бы, и крайнее во всѣхъ дѣлахъ было бы замѣшательство и смятенiе.

§ 97.

§ 97.

Естьли бы многiе, или всѣ люди такъ могли употреблять находящiяся въ семъ мiрѣ вещи и пожитки, чтобъ ни тотъ ни другой не могъ быть исключенъ отъ употребленiя тѣхъ вещей, коихъ мы требуемъ для способнаго и веселаго житiя: тогда оное право многихъ, или всѣхъ людей, одну и тужъ вещь употреблять для собственной пользы, называется *обществомъ* (Communio). А естьли кто вещь какую такъ употребляетъ, что другiе люди исключаются отъ ея владѣнiя и употребленiя, тогда оное называемъ *владѣнiемъ* (Dominium sive possessionem). И тотъ называется той вещи *господиномъ* (Dominus), кто оною такъ владѣетъ, что другихъ людей отъ ея употребленiя исключить можетъ.

На пр. естьли кто книгою очень дорогою владѣетъ и притомъ такъ, что другой, ктобъ онъ ни былъ, отъ ея употребленiя исключается, тогда онъ *господинъ* той книги.

§ 98.

Что о владѣнiи и обществѣ примѣчанiя достойно, то мы въ слѣдующихъ заключимъ предложенiяхъ:

I. Въ наши времена общество въ имѣнiи не можетъ мѣста имѣть: для того что изъ общества человѣческаго выгнали любовь и простосердечiе, по истребленiи котораго истребляется и самое общество (§ 96). Хотя мы не споримъ, что въ самомъ началѣ мiра сего все у всѣхъ могло быть общее, потому что не многiе люди на землѣ жили, и тѣхъ вещей въ семъ мiрѣ довольно было, кои принадлежали

къ

къ употребленію человѣческому и благовременному житію. Такое состояніе въ дѣлахъ всегда было бы, естьли бы родъ человѣческій тѣмижъ предѣлами, изъ коихъ онъ сперва произошелъ, доволенъ былъ и ограниченъ, и въ толь великія не поступилъ пространства и безмѣрно не приумножился.

II. Однако общество еще имѣетъ мѣсто въ тѣхъ вещахъ, которыхъ есть великое множество, и которыхъ съ трудомъ и раченіемъ человѣческимъ искать не должно, на пр. воды, воздуха, солнца, и въ нѣкоторыхъ странахъ звѣрей и птицъ, коихъ великое тамъ изобиліе.

III. И такъ старинное оное обыкновеніе, *имѣть все общее*, принуждены были люди оставить и владѣніе ввесть такъ, чтобъ всякому свои пожитки какъ собственные принадлежали.

IV. Первое правило, которое въ должностяхъ въ разсужденіи владѣнія примѣчать надобно, въ ономъ заключается предложеніи: *всякому свое воздавать должно.*

V. Никого въ его хозяйствѣ не должно безпокоить безъ причины. Ибо когда никого не должно оскорблять (§ 93. пол. X), а тѣ оскорбляются очень много, которыхъ въ хозяйствѣ безпокоятъ: то явствуетъ, что никого не должно безпокоить въ его хозяйствѣ.

VI. Изъ вышеписаннаго видно, что отъ всякаго воровства воздерживаться должно. Потому что какъ чрезъ воровство у другихъ противъ воли и безъ свѣденія отъемлется то, что имъ собственно принадлежитъ: то слѣдовательно чрезъ хищеніе дѣлается имъ въ хозяйствѣ безпо-

покойствіе. А какъ никого въ его хозяйствѣ не должно безпокоить (пол. V), то воровства всевозможнымъ образомъ удаляться должно.

VII. Отъ грабежей и разбоевъ равномѣрно воздержаться должно. Ибо когда чрезъ грабежи, которыми у кого нибудь хотя съ свѣденіемъ его, но противъ воли отъемлемъ то, что собственно къ нему принадлежитъ, несказанно его въ стяжаніи безпокоимъ: то явствуетъ, что грабежей дѣлать не надобно.

VIII. То же самое можно сказать и о обманахъ, которыми ближніе въ хозяйствѣ обезпокоиваются. Ибо обманъ не что иное есть, какъ такое дѣйствіе, которымъ у другихъ, хотя свѣдущихъ, но несправедливыми причинами къ согласію склоненныхъ, отъемлемъ вещи ихъ.

IX. Какъ дргуихъ въ ихъ владѣніи не должно безпокоить, такъ весьма и того остерегаться надобно, чтобъ мы собственныхъ нашихъ вещей не употребляли безъ разбору и безъ разсужденія, но законно и сходственно съ должностями нашими. А законно со стяжаніемъ поступаемъ тогда, когда оное, какъ способъ нѣкоторой, употребляемъ къ тому, чтобъ подкрѣпить какъ наше, такъ и другихъ благосостояніе. Естьли же тѣ вещи, которыми владѣемъ, такъ употреблять будемъ, что ихъ обратимъ ко вреду нашему, или другихъ, то въ семъ случаѣ мы на зло употребляемъ оныя.

§ 98.

§ 98.

Слѣдуетъ о способахъ, какъ пріобрѣтается стяжаніе въ естественномъ состояніи, поговорить немного. Главные же изъ оныхъ суть слѣдующіе: 1) вещи, которыя или ничьими, или брошенными почитаются, къ себѣ мы присвояемъ; 2) потерянныя вещи, естьли по случаю оныя находимъ, къ своимъ собственнымъ причисляемъ. Однако здѣсь примѣчать надобно, что находныя вещи должны быть ничьи и отъ хозяина за помѣтныя, или брошенныя почитаемы. Почему всѣ тѣ, кои случай имѣютъ находить что либо, должны прежде искать настоящаго тому хозяина, и не прежде пользоваться онымъ, какъ тогда уже, когда по многомъ изысканіи не можно сыскать найденной вещи хозяина.

§. 99.

О пріобрѣтеніи стяжанія сіи примѣчать должно положенія:

I. Естьли то, что другой оставилъ, и что за ничье признается, себѣ присвояешь: то смотри, чтобъ присвоенное тебѣ полезно было.

II. Ежели ты пріобрѣлъ себѣ имѣніе, то о умноженіи и о приращеніи его помышляй, но такъ, чтобъ съ убыткомъ другаго разбогатѣть ты не тщился.

III. Стяжаніе свое такъ ты хранить долженъ, чтобъ всѣмъ тебя дерзновенно и нагло безпокоющимъ въономъ сопротивляться съ возможнымъ духа и тѣла усиліемъ, и чтобъ все кажущееся вреднымъ отвратить.

Одна-

Однакожъ мы не хотимъ, чтобъ правило сіе такъ далеко простиралось, чтобы тѣхъ, которые добро наше у насъ нагло похищаютъ, или ущербъ оному дѣлаютъ, жизни лишить за дозволенное почитали.

§ 100.

Поелику не всѣ имѣніемъ пользуются одинакимъ: одинъ вещьми, до житейскихъ нуждъ и выгодъ принадлежащими, изобилуетъ; а другой во многомъ имѣетъ недостатокъ: то слѣдовательно естьли благосостоянію человѣческаго рода способствовать надобно, какъ и въ самомъ дѣлѣ надобно, то долженъ одинъ другому удѣлять часть отъ своего имѣнія, чтобъ чрезъ таковое взаимное сообщеніе стяжаній человѣческое общество сохранялось. Изъ чего видно, что *уступка* между людьми потребна, которая въ томъ состоитъ, когда мы свое стяжаніе другимъ отдаемъ, и уступаемъ имъ право владѣть, и въ свою обратить пользу, что къ намъ принадлежало.

§ 101.

Собственности наши двоякимъ образомъ другимъ уступаемъ: 1) дареніемъ, 2) обмѣненіемъ.

§ 102.

Даримъ что нибудь другому, когда ему наше стяжаніе даромъ безденежно и безъ всякой его услуги уступаемъ.

§ 103.

О дареніи слѣдующія разсмотрѣть хотимъ положенія:

I. Подарокъ есть изъ числа такихъ вещей, которыхъ другой, кому дарятъ, ни по какому

К пра-

праву себѣ требовать не можетъ, а потому и дарить никто прямо не обязанъ и не принужденъ.

Однако сіе разумѣть надобно слѣдующимъ образомъ: естьли кто изобилуетъ въ такихъ вещахъ, въ которыхъ другой къ подкрѣпленію своего благосостоянія нужду имѣетъ: то въ такомъ случаѣ, разсмотрѣвъ по надлежащему всѣ обстоятельства лицъ, или вещей, узнаетъ, что долженъ онъ слѣдовать законамъ честности и разума, и удобно примѣтитъ, должно ли дарить кого нибудь и притомъ сколько.

II. Когда кто видитъ, что онъ больше сдѣлаетъ добра, естьли отъ имѣнія своего бѣднымъ удѣлитъ сколько нибудь, нежели бы учинить могъ тогда, какъ бы онъ у себя удержалъ ту часть богатства, которой самъ онъ употреблять не можетъ: тогда уже онъ другихъ дарить обязанность имѣетъ.

III. Что бѣднымъ, и ничего неимущимъ, на пропитаніе вседневное и на исправленіе нуждъ житейскихъ подаемъ, то называется *милостынею.* А что мы къ поданію ея обязаны, о семъ тѣмъ меньше можемъ сомнѣваться, чѣмъ прилѣжнѣе въ томъ трудиться должны, чтобъ бѣдныхъ благосостоянію споспѣшествовать по возможности.

§ 104.

Другой способъ сообщать стяжаніе кому нибудь называется мѣною, которая въ томъ состоитъ, чтобъ потребныя къ сохраненію жизни, тѣла, здоровья и имѣнія нашего вещи мы отъ другихъ заимствовали, и чтобъ взаимно давали то, что они сочтутъ для себя за полезное.

§ 105.

§ 105.

Какъ не всѣ въ нашихъ вещахъ и имѣніи нужду имѣющіе столько недостаточны, чтобъ тѣмъ, отъ которыхъ они получаютъ владѣніе, ничего не могли воздать съ своей стороны: то и видно, что сіи тѣмъ паче къ платежу за взятое обязаны, чѣмъ болѣе всѣ промышлять должны о цѣлости своего имѣнія.

§. 106.

О обмѣненіи слѣдующія положенія достойны примѣчанія:

I. Дабы въ обмѣненіи стяжаній меньше было обмана, то вещамъ надобно извѣстную поставить цѣну, или произвольную мѣру, по которой уступаемыя одному отъ другаго вещи разсматриваемы быть долженствуютъ. На пр. ежели мнѣ надобна какая книга, то для удовлетворенія моей надобности книгопродавецъ ту книгу, которою владѣетъ онъ какъ своею, мнѣ уступаетъ съ тѣмъ, чтобъ я по волѣ своей употреблялъ оную. Но какъ онъ и съ какимъ условіемъ ее уступаетъ? Я сего отъ книгопродавца не могу требовать ни по какому праву, чтобъ онъ дозволилъ ею даромъ пользоваться съ понесеніемъ убытка въ имѣніи своемъ. И такъ чтобъ ему никакого для меня ущербу не понести, то надобно оный наградить, или что нибудь другое отдать, или, что всего безопаснѣе и безобманчивѣе, заплатить ему извѣстную сумму денегъ за книгу.

II. Въ обмѣнѣ вещей равенство и вознагражденіе праведное должно наблюдать. Инако не можно тому статься, чтобъ который нибудь

 изъ

изъ обмѣнщиковъ безъ убытка обошелся. А какъ сіе противно естественному закону (§ 94. пол. X): то ясно усматривается, что равенство и надлежащее вознагражденіе въ обмѣнѣ вещей должны мѣсто имѣть.

III. Тожъ самое можно сказать о работахъ и трудахъ, которые бѣдные люди и неимущіе въ пользу и для надобности богатыхъ подъемлютъ.

IV. Трудамъ и работамъ опредѣленную должно положить плату. *Плата* есть цѣна трудамъ. Отними плату: то бѣдной не даромъ ли на богатаго работать станетъ? И симъ образомъ состояніе того, кто дневными трудами ищетъ себѣ пропитанія, не дѣлается ли хуждшимъ, когда цѣна трудамъ его отнимается, которая бы могла доставить ему пропитаніе?

Тожъ самое такъ показать еще можно: 1) кто на другихъ трудится и работаетъ, тотъ для того только сіе дѣлаетъ, чтобъ чрезъ труды свои пріобрѣсть себѣ столько, сколько нужно къ повседневному его пропитанію и къ выгодамъ жизни. 2) И такъ естьли у трудящагося мзду отнимешь, то лишишь его пропитанія, и положенное за основаніе въ должностяхъ, до стяжанія касающихся, правило сіе нарушишь: *всякому свое должно воздавать.*

§ 107.

Когда наше имѣніе уступаемъ другому съ тѣмъ, чтобъ онъ опредѣленное число денегъ за получаемое отъ насъ заплатилъ намъ: тогда объ насъ говорятъ, что мы *продаемъ* наше стяжаніе; а кто по заплатѣ денегъ пріемлетъ стяжаніе, о томъ говорятъ, что *покупаетъ* оное. А чтобъ лучше оное уразумѣть, то вникни въ слѣдующее: когда родъ человѣческой отъ малыхъ началъ такъ разпространился, что вся нынѣ вселенная изобилуетъ множествомъ людей: то и обмѣна вещей уже сдѣлалась неспособна къ исправленію нуждъ и дѣлъ каждаго, какъ для того, что многіе не имѣютъ чѣмъ дѣлать обмѣну, такъ и для того, что обычай обмѣнивать вещи не могъ пробыть безъ обмановъ. Почему предки наши старались о изобрѣтеніи такой вещи, которая была бы общею мѣрою цѣны всѣхъ вещей. Къ установленіюжъ сей мѣры избрали они металлы, а наипаче золото и серебро, и наименовали *деньгами*, которыя по надлежащему назвать можно общею мѣрою цѣны всѣхъ вещей. О деньгахъ примѣчай слѣдующее: 1) никакая матерія не могла быть къ составленію денегъ способнѣе золота и серебра; потому что сіи металлы, какъ рѣдки и по сему драгоцѣнны, такъ и тверды, для того не скоро могутъ повредиться. 2) Потребны нѣкоторые знаки, по которымъ бы можно было разпознавать настоящія и подлинныя деньги отъ поддѣланныхъ. Сія частица металла, замѣченная извѣстными знаками, называется *монетою.*

ГЛАВА X.

О должностяхъ людей въ рѣчахъ ихъ, договорахъ и контрактахъ (условіяхъ).

§ 108.

Двѣ вещи суть, которыя должно изъяснить въ сей главѣ. Одна касается до должностей въ *рѣчахъ*, а другая принадлежать будетъ до того, что наблюдать намъ разумъ повелѣваетъ въ *договорахъ* и *контрактахъ*.

§ 109.

Кто говоритъ иное, а иное мыслитъ, тотъ дѣлаетъ лжеглаголаніе. Ибо *лжеглаголаніе* есть рѣчь съ мыслію несогласная. А сія самая рѣчь, съ мыслію несходственная, естьли она клонится ко вреду нашему, или другихъ, называется *лжею*.

§ 110.

Изъ сихъ опредѣленій выводимъ мы слѣдующія положенія:

I. Лжеглаголанія не должно смѣшивать со лжею, или обманомъ; потому что ко лжи, или обману, требуется не только сіе, чтобъ рѣчь съ мыслію не сходствовала; но еще и то, чтобы сія же рѣчь наносила вредъ или говорящему, или другимъ; а лжеглаголаніе не всегда сопряжено бываетъ со вредомъ (§ 109).

II. Иногда и то можетъ быть, да и бываетъ часто, что лжеглаголаніе не только не приноситъ никакого вреда, но еще и премного способствуетъ къ совершенству нашего, или другихъ состоянія.

III. И такъ бываетъ иногда время, въ которое лжеглаголаніе и позволительно и дозволяется по естественному закону; ибо естественный законъ повелѣваетъ, чтобъ мы умножали какъ собственное наше, такъ и другихъ совершенство (§ 32); а какъ оное и быть можетъ и часто бываетъ чрезъ употребленія лжеглаголаній (пол. II): то явствуетъ, что мы иногда обязуемся естественнымъ закономъ къ употребленію лжеглаголанія.

IV. Однако сіе никогда не можетъ быть, чтобы обманъ къ лучшему намъ, или другихъ людей состоянію способствовалъ за тѣмъ, что всегда онъ соединенъ бываетъ со вредомъ нашимъ, или другихъ людей (§ 109); и потому никогда мы не должны употреблять обмана, но всегда убѣгать отъ него обязуемся. Ибо никому причинять вреда мы не должны (§ 93 пол. X).

V. Изъ сего видно, что не всегда тотъ сходственно съ разумомъ и съ естественнымъ поступаетъ закономъ, кто вездѣ говоритъ правду. Ибо можетъ иногда кто нибудь высказываніемъ истинны и себя и другихъ въ плачевнѣйшую низвергнуть пагубу, на пр. всѣ измѣнники отечества говорятъ правду; но не ввергаютъ ли они тѣмъ отечество и всѣхъ гражданъ въ величайшія бѣдствія?

VI. Почему надобно иногда бываетъ правду въ молчаніи содержать, и тѣмъ самимъ, съ которыми ссора у насъ случается, бываетъ нужно, чтобъ ни правды, ни лжи не говорить.

Оное мы понимаемъ лучше тогда, какъ въ жизни и въ дѣлахъ нашихъ иногда выходятъ такіе случаи, о коихъ не инако, какъ только по свойству времени, мѣста, лица, и другихъ вещей, сюда принадлежащихъ, рѣшеніе и судъ положить можно.

VII. Во всѣхъ рѣчахъ опасаться надобно, чтобъ на подобіе старухъ не высказать такихъ дѣлъ, которыхъ утаеніе другому желательно бываетъ, и чтобъ чрезъ неразсудную болтливость не принесть вреда его чести.

VIII. Все оное сказать вкратцѣ: всегда и вездѣ такъ говорить должно, чтобъ мы себѣ самимъ и другимъ не вредъ, но пользу приносили.

§ 111.

Когда хотимъ, чтобъ нашимъ рѣчамъ другіе вѣрили, и чтобы о правотѣ нашей и о стараніи говорить правду не сомнѣвались, то мы обыкновенно употребляемъ нѣкоторыя присловія, или изреченія, называемыя *увѣреніями*, или *убѣжденіями*. На пр. пускай меня Богъ убьетъ! чтобъ мнѣ пропасть на семъ мѣстѣ!

О такихъ увѣреніяхъ помни сіи правила:

I. Что ихъ часто и въ случаяхъ неважныхъ употреблять не надобно. Ибо чѣмъ онѣ чаще употребляются, тѣмъ паче теряютъ свою цѣну, и потому лишаются той силы, которую бы имѣть онѣ долженствовали въ приданіи нашимъ рѣчамъ уваженія. Благоразумные люди давно опытомъ дознали, что чѣмъ чаще прибѣгаетъ кто къ такимъ увѣреніямъ, тѣмъ бываетъ по большой части легкомысленнѣе и къ обману другихъ способнѣе.

II. Пока легкія увѣренія довольны бываютъ къ приданію рѣчамъ нашимъ вѣрности, по тѣхъ поръ не надобны сильнѣйшія, кои честной человѣкъ безъ крайней нужды не употребляетъ, когда то есть или честь защитить свою, или избавить отъ бѣды другаго надобно.

§ 113.

Тѣ увѣренія, которыми Богъ, какъ свидѣтель, или мститель призывается, обыкновенно называемъ *клятвою*, или *присягою*, которую Цицеронъ благочестивымъ называетъ утвержденіемъ (о долж. кн. III. гл. 29.) На пр. когда скажемъ такъ: да будетъ мнѣ помощникъ Богъ, какъ я то, или другое видѣлъ, или сдѣлалъ, или приказалъ, и прочая.

§ 114.

Изъ описанія клятвы видно:

I. Какія нужны суть осторожности при употребленіи увѣреній, такіяжъ точно въ клятвахъ, или присягахъ наблюдать должно (112).

II. Изъ сего также видно, что никто, кромѣ вѣрующаго бытію Божію, присягать не можетъ.

III. Присяга тогда въ смѣхъ обращается, когда къ ней приводятъ или безбожника, или Епикуру послѣдователя, о коихъ извѣстно, что они не признаютъ Божія о дѣлахъ человѣческихъ промысла, и не вѣрятъ, что Богъ за добродѣтели награжденіе, а за пороки наказаніе полагаетъ.

IV. Какъ честной человѣкъ не клянется, развѣ только убѣжденъ будучи крайнею нуждою (§ 112): такъ никто и присягать не долженъ, развѣ только по необходимости, тогда то есть, когда или присягающему, или другимъ, или государству сіе полезно бываетъ, чтобъ истинну прямо вывесть наружу.

V. Присягу съ вѣрою всякаго сообразовать должно. Ибо естьли она инако производится, то присягающаго никакимъ мстительнаго правосудія страхомъ отъ зла не удержишь, или не побудишь его правду говорить, добро дѣлать и слово данное хранить.

Справедливо Гейнекцій говоритъ, „что ни„же имени присяги заслуживаетъ увѣреніе чрезъ „такія вещи, къ которымъ мысль никакого „почтенія и благоговѣнія въ себѣ не ощущаетъ.„ (Кн. I. § 207 о правѣ естества.) Онъ же справедливо представляетъ, что изреченія и обряды присягающихъ по своей вѣрѣ не должны клониться къ безчестію истиннаго Бога, котораго мы почитаемъ, да и всѣ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ почитать должны.

VI. Никто не долженъ клятвою обязываться къ дѣламъ нечестнымъ, и по закону запрещеннымъ. Ибо самъ Богъ отъ всего того намъ отвращаться запрещаетъ. И такъ что можетъ быть нечестивѣе, какъ обязывать себя присягою къ творенію дѣлъ такихъ?

VII. Во всякой клятвѣ кривыхъ толкованій и мысленныхъ, какъ называется, увертокъ, избѣгать надобно. Ибо когда сіи мысленныя увертки, съ которыми присяжныя реченія въ другомъ, нежели какого присяга требуетъ, смыслѣ произносятся, къ тому клонятся, чтобъ силу присяги учинить недѣйствительною: то явствуетъ, что подъ прикрытіемъ сихъ мысленныхъ сокрытій злонравіе свое утаить желающіе шутятъ въ важномъ дѣлѣ, и Богу, испытателю сердечныхъ таинъ, достодолжнаго не воздаютъ почтенія, и Его не таковымъ, каковъ Онъ самъ въ себѣ есть, признаютъ Божествомъ. А все сіе выше въ § 65 нами сказанному противно.

VIII. Наипаче опасаться должно, чтобъ не нарушать клятвы. Ибо *клятвопреступленіе* есть клятва, для подтвержденія обмана данная. А какъ обманывать не должно (§ 110. пол. IV), то кольми паче не должно намъ призывать мстительнаго Божія правосудія для утвержденія обмана. И оное по моему мнѣнію есть одно изъ самыхъ Богу ненавистныхъ, и славу Его помрачающихъ дѣлъ, когда кто дерзско и съ умыслу Его мщеніе и правосудіе на себя навлекаетъ.

IX. Естьли кто клятву далъ приступить къ дѣлу непотребному и закономъ запрещенному: то онъ къ исполненію такой клятвы не имѣетъ обязательства. Ибо къ тому, что противно закону, никто обязанъ не бываетъ.

§ 115.

Проклятія, или *заклинанія* не что иное суть, какъ такая рѣчь, которою объявляемъ, что мы желаемъ зла другому.

§ 116.

Всякой знаетъ, что проклятія закону естественному и разуму совсѣмъ противны. Ибо когда мы естественнымъ обязаны закономъ (§ 93. пол. IV), то явствуетъ, что всѣ слова, всѣ рѣчи, которыми означаемъ, что мы другимъ зла желаемъ, закону естественному противны.

§ 117.

По сіе мѣсто говорили мы о должностяхъ въ рѣчахъ; а теперь разсуждать будемъ *о договорахъ*. Силу и свойство сихъ договоровъ разумѣть не можно, естьли прежде надлежащимъ образомъ не изъяснимъ, что такое есть *обѣщаніе*.

§ 118.

И такъ *обѣщаніе* не иное что есть, какъ такая рѣчь, которою утверждаемъ, что мы хотимъ нѣчто сдѣлать, или оставить въ удовольствіе другихъ.

§ 119.

Изъ сего описанія слѣдующія составляются положенія:

I. Человѣкъ другому человѣку ничего обѣщать не долженствуетъ, какъ только то, что сходствуетъ съ естественнымъ закономъ. Представь себѣ, что обѣщаетъ кто нибудь другому противное закону, то обѣщающій тогда говоритъ, что онъ хочетъ сдѣлать нѣчто закону противное. А какъ мы обязаны все то дѣлать, что сообразно съ закономъ; а избѣгать всего того, что съ онымъ не сходствуетъ закономъ (§ 32); слѣдовательно никто того

того обѣщать другому не долженъ, что закону противно.

II. И потому всѣ тѣ обѣщанія, которыми мы что нибудь противное закону обѣщали, суть тщетны и не достойны исполненія.

III. Изъ чего слѣдуетъ, что всѣ обѣщанія должны быть таковы, чтобъ не были противны должностямъ, или до насъ самихъ, или до Бога, или до другихъ касающимся, но былибъ паче сходственны съ закономъ. Естьли обѣщанія таковы будутъ, то безъ сомнѣнія исполнять ихъ надобно. Ибо ты къ тому обязанъ, что законъ предписываетъ (§ 32); а потому обязанъ и обѣщанія хранить, въ которыхъ положилъ ты сдѣлать что нибудь согласное съ закономъ. И я не понимаю, какимъ образомъ, не исполнивъ обѣщанія, можешь ты быть невиннымъ въ намѣреніи кого нибудь обидѣть. Ибо ближній оскорбляется многоразлично, которому ты обѣщалъ что нибудь, да не сдѣлалъ. А какъ оскорблять никого не надобно, то и обѣщанія хранить должно.

IV. Ничего невозможнаго и силы наши превышающаго обѣщать не надобно; а когда что обѣщано такое, то исполнять оное нѣтъ обязательства. Ты насмѣхаешься тому, кому обѣщаешь невозможное; ибо ты говоришь о томъ, чего ни своими, ни чужими силами учинить не можно. А сіе что иное значитъ, какъ говорить о томъ, что ты обѣщаннаго не сдѣлаешь? А какъ къ невозможному нѣтъ никакого обязательства (§ 20. пол. VII): то слѣдова-

доватпельно къ исполненію невозможныхъ обѣщаній нѣтъ также обязательства.

§ 120.

Теперь можно разумѣть, что такое есть *договоръ?* Договоры суть взаимныя обѣщанія о исполненіи того, что учинить слѣдуетъ.

§ 121.

И такъ тѣ положенія, которыя мы представили о обѣщаніяхъ, могутъ намъ служить и въ разсужденіи договоровъ.

I. Договоръ дѣлать ни о чемъ не должно, какъ только о томъ, что закону непротивно, и таковые договоры всѣ хранить надобно (§ 119. пол. I.).

II. Тѣ договоры, въ которыхъ не позволительныя и закону противныя вещи кому нибудь мы обѣщали, недѣйствительны бываютъ и обязывать не могутъ (§ 119. пол. II). Тожъ самое можно сказать и о тѣхъ договорахъ, которыми что нибудь мы невозможное обѣщали (§ 119. пол. IV.)

III. Договоры взаимнымъ совершаются согласіемъ. Ибо и та и другая изъ договаривающихся сторона обѣщаетъ нѣчто, и одинъ другому словесно объявляетъ, что онъ въ пользу его такое-то дѣло сдѣлаетъ, или нѣтъ (§ 118), къ чему требуется взаимное согласіе.

IV. Сіе согласіе престаетъ быть согласіемъ, когда кто или угрозами, или насиліемъ, или хитростію принуждается къ договору. Ибо кто страхомъ, или обманомъ къ совершенію договора побуждается, тотъ хотя словесно и изъявляетъ, что онъ хочетъ для другаго что нибудь сдѣлать, но внутренно отъ того отрицается; и по сему таковый договоръ не имѣетъ взаимнаго согласія.

V. И такъ договоръ, на которой кто посредствомъ страха, или хитрости согласился, хранить не слѣдуетъ. Потому что таковаго роду договоръ не почитается совсѣмъ за договоръ (пол. I. и IV).

VI. Какъ договоры взаимнымъ совершаются согласіемъ (пол. III.), такъ и взаимнымъ же согласіемъ разрушены быть могутъ, ежели только изъ того, что разрушится договоръ, не выйдетъ ничего закону естественному противнаго. Ибо естьли обѣ договаривающіяся стороны и безъ договора обязаны хранить то, о чемъ договоръ у нихъ положенъ: то имъ отъ онаго долгу отстать не можно, хотя бы и взаимное было согласіе тотъ договоръ уничтожить.

VII. Договоръ о уступленіи другимъ своего имѣнія называется *контрактомъ*.

VIII. Почему какъ покупка, такъ и продажа принадлежатъ до контрактовъ (§ 107).

IX. Какъ никого обижать (§ 93. пол. IX) и въ убытокъ приводить не должно (§ 93. пол. X), то ни купецъ продавцу, ни продавецъ купцу ущерба дѣлать не должны. Правило сіе, сказанное вообще, заключаетъ въ себѣ всѣ частныя, которыя какъ въ покупкѣ, такъ и въ продажѣ наблюдать должно.

X. На взаимномъ согласіи, такъ какъ бы на основаніи, всѣ утверждаются контракты, которые посредствомъ взаимнаго же согласія мо-

могутъ быть и оставлены и уничтожены. Ибо какъ договоръ общимъ совершается согласіемъ (пол. III), такъ и уничтожается по взаимному же согласію (пол. VI).

§ 122.

Когда другимъ употребленіе вещей нашихъ и имѣнія уступаемъ, да еще и *безденежно*: тогда наше стяжаніе даемъ имъ *заимообразно*, и пріемлющій отъ насъ что нибудь заимообразно, въ долгъ, какъ говорятъ, или на подержаніе у насъ беретъ.

§ 123.

Изъ сего описанія слѣдующія выходитъ положенія:

I. Въ долгъ давать другому свои вещи никто не принужденъ, никто совершенно не обязанъ. Ибо никто не долженъ тратить свое имѣніе съ тѣмъ только, чтобъ сдѣлать приращеніе имѣнію другаго, за тѣмъ, что совершенства нашего собственнаго состоянія должны быть для насъ дороже, нежели совершенства другихъ людей.

II. А какъ статься можетъ, что ближній къ совершенству своего благосостоянія надобность имѣетъ въ тѣхъ вещахъ, которыми я избыточествую: тогда благосклонность и любовь, готовая всегда видѣть ближняго въ лучшемъ состояніи, совсѣмъ меня прикланяютъ уступить употребленія моего имѣнія другому безденежно, только на время, а не вовсе.

III. Тотъ, кто взялъ что нибудь въ долгъ, обязанъ возвратить ссуженную вещь хозяину ея въ срочное время, притомъ въ цѣлости и безъ поврежденія. Ибо естьли онъ не возвратитъ, то хозяинъ, давшій ему свою вещь на время, останется въ убыткѣ и терпѣть будетъ утрату своего имѣнія. А въ убытокъ приводить никого не должно (§ 93. пол. X).

IV. Взявшій какую нибудь вещь на подержаніе, не долженъ ни продать ее, ниже кому нибудь другому давать заимообразно, развѣ съ согласіемъ ея хозяина. Ибо естьли инако случится, то вещи той хозяинъ пребудетъ съ утратою въ своемъ имѣніи.

V. Когда не даромъ, но за извѣстное число денегъ уступаемъ кому наши вещи на время: тогда говорятъ объ насъ, что въ наемъ ему отдаемъ оныя, и кто обѣщаетъ намъ за то деньги, о томъ говорятъ, что онъ нанимаетъ оныя.

VI. Отдающаго въ наемъ и нанимающаго должности видѣть можно изъ того, что мы вообще сказали о договорахъ. Сила всѣхъ здѣсь примѣчанія достойныхъ правилъ сія есть: чтобъ ни отдающій въ наемъ, ни нанимающій другъ другу вреда не наносили, но чтобъ одинъ о пользѣ другаго старался.

VII. Когда деньги кому въ долгъ даемъ, тогда называемся *заимодавцами*; а кто деньги въ долгъ беретъ, того называютъ *должникомъ*.

VIII. Когда кому деньги въ долгъ даешь, о томъ старайся, чтобъ весьма извѣстну тебѣ быть, что деньги твои не пропадутъ; потому что ты обязанность имѣешь хранить свое имѣніе (§ 81. пол. I.).

IX. Прежде, нежели дашь кому въ долгъ деньги, два тебѣ обстоятельства должно предусматривать: первое, можетъ ли тотъ, кому въ долгъ даешь, заплатить тебѣ; другое, захочетъ ли онъ долгъ платить, то есть надежной ли онъ человѣкъ.

X. И такъ требуются достовѣрнѣйшія доказательства вѣрности, по которымъ бы деньги занимающій въ платежѣ былъ несомнителенъ. Ибо инако заимодавецъ подвергается опасности лишиться своихъ денегъ и понести въ имѣніи утрату.

Осторожности же, къ безопасности заимодавцу служащія, сіи суть, изъ коихъ иныя меньше, иныяжъ больше имѣютъ силы къ доставленію ему безопасности. 1) Сюда принадлежитъ обязательство, или *вексель*, которымъ письменно изъясняется должникъ, сколько онъ денегъ взялъ, и въ какой срокъ съ процентами оныя заплатить имѣетъ. 2) *Закладъ*, когда движимое какое имѣніе, на пр. уборы, драгоцѣнныя вещи, книги, платье, серебреную посуду, и прочая для безопасности повѣренной суммы должникъ даетъ заимодавцу съ тѣмъ, что естьли уплаты не будетъ, то бы заимодавецъ у себя удержалъ оныя вещи; а естьли долгъ заплатится, то бы оныя обратно должнику отдалъ. 3) Когдажъ наконецъ должникъ недвижимымъ имѣніемъ, на пр. полями, лугами, садами, домами въ закладъ данными увѣряетъ объ отдачѣ денегъ, то сіе *поручительнымъ сокровищемъ* называется. 4) Ежели иной кто въ случаѣ неплатежа отъ должника даетъ слово заплатить на срокъ деньги вмѣсто онаго, то такого человѣка называемъ *порукою*, или *поручителемъ*.

XI. Естьли кому заимодавецъ деньги въ долгъ даетъ, то тотъ, кто беретъ деньги, знатной можетъ получить себѣ прибытокъ, котораго бы конечно онъ не имѣлъ, естьлибъ денегъ не получилъ взаймы. А какъ тотъ же прибытокъ могъ бы и заимодавцу служить приращеніемъ его имѣнію, естьлибъ другому онъ въ долгъ денегъ не давалъ: то слѣдовательно и заимодавецъ по нѣкоему своему праву можетъ отъ должника требовать съ данныхъ ему денегъ годоваго нѣкотораго плода. Плодъ сей, или прибытокъ, *ростомъ* называется, которой, какъ видно, здравому не противенъ разуму.

Между новѣйшими Богословами и Философами происходилъ о томъ споръ, можетъ ли заимодавецъ какого нибудь отъ должниковъ своихъ за данныя въ долгъ имъ деньги требовать награжденія? Которые на сей вопросъ утвердительно отвѣчаютъ, тѣ приводятъ сіи причины своего утвержденія. 1) Естьли должникъ деньгами заимодавца богатѣетъ, то заимодавецъ между симъ временемъ не лишится ли всякаго прибытка отъ своихъ денегъ? а съ убыткомъ другаго никто богатѣть не долженъ. 2) Для чегобъ заимодавцу отъ должника за свою опасность нѣкотораго воздаянія не требовать? Ибо тотъ себя опасности подвергаетъ, кто отъ своихъ денегъ прибыль другому уступаетъ. Охуждающіе же лихву утверждаются на свидѣтельствахъ Священнаго Писанія, Псал.

15.

15. ст. 5. Луки гл. 6. ст. 34. и слѣдующiе. Но здѣсь разорительныя и непомѣрныя лихвы, или проценты, отдѣлять должно отъ законныхъ. См. Втор. гл. 23. ст. 19. 20.

XII. Лихва всегда должна быть такая, чтобъ ни должнику, ни заимодавцу вреда отъ нее не было.

XIII. Деньги, или капитальная сумма, отъ которой должникъ получаетъ себѣ корысть, когда оную въ срокъ возвратить слѣдуетъ, не только въ разсужденiи количества, но и въ разсужденiи качества возвращена быть отъ него долженствуетъ безъ всякой проволочки. Ибо заимодавецъ часто терпитъ убытокъ, естьли ему долгъ платить умедливаютъ.

§. 124.

Изъ чего видно, что всѣ вещи, отъ другихъ на сохраненiе намъ данныя, при востребованiи ихъ отъ насъ обратно должны мы возвращать безъ всякихъ отговорокъ.

Что намъ ближнiй подъ стражу и на сохраненiе отдалъ, то мы должны такъ беречь, чтобъ не только вовсе не пропало, но и не убыло отъ нашего небреженiя. Въ противномъ случаѣ убытокъ, по нашему нерадѣнiю причиненной находящимся подъ нашимъ храненiемъ вещамъ, заплатить мы обязаны. Естьли же залогу причиняется такая утрата, которой ни мы, ни другой кто своимъ старанiемъ отвратить не сильны, то въ такомъ случаѣ убытокъ платить мы обязанности не имѣемъ.

ФИЛОСОФIИ
ПРАКТИЧЕСКОЙ
ЧАСТЬ III.

Наставленiя Этики, или Философiи Нравоучительной, точно такъ называемой.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНIЕ ОБЪ ЭТИКѢ ВООБЩЕ.

§ 125.

Хотя мы выше, какъ думаемъ, ясно уже показали, въ чемъ состоитъ разность Права Естественнаго и Этики (§ 1); однако нынѣ нѣсколько подробнѣе изъяснимъ тѣ предложенiя, которыя принадлежатъ до истолкованiя свойства Этики и до разпознанiя оной отъ Права Естественнаго.

§ 126.

I. Право Естественное законы толкуетъ, и учитъ тому, что человѣку надобно дѣлать и упущать (§ 3. пол. IV). А Этика способъ и дорогу намъ показываетъ, какъ надобно повиноваться законамъ естественнымъ (§ 3. пол. IV). И такъ справедливо нѣкоторые Право Естественное назвали *Теорiею* (умозрѣнiемъ) Этики.

II. До Этики надлежитъ тому научить, какимъ образомъ душа наша можетъ твердую нѣкоторую къ добрымъ дѣламъ склонность получить

лучить и себѣ пріобрѣсть навыкъ исполнять честныя дѣйствія, о коихъ правила преподаетъ Право Естественное.

III. Слѣдовательно Этика вопервыхъ въ томъ упражняется, чтобъ показать способъ, какъ надобно снискивать *добродѣтель* (Virtus), которая есть навыкъ разполагать свои дѣла согласно съ закономъ естественнымъ.

IV. Намѣреніе Этики въ томъ состоитъ, чтобъ склонить и привлечь къ добродѣянію, такъ чтобы всякой охотно и съ крайнимъ удовольствіемъ исполнялъ честныя дѣла, а худыхъ убѣгалъ, хотябъ его къ добронравію ни награжденія не возбуждали, ни наказаніе отъ пороковъ не отвращало.

V. И Такъ Этика въ исправленіи всей души трудъ полагаетъ и намѣреваетъ особливо нравы поправить. А сіе не что иное есть, какъ волю исправлять, когда она отъ непристойности къ честности, отъ пороковъ къ добродѣтели возвращается. Оное понеже статься не можетъ, ежели воля не будетъ имѣть истиннаго познанія о истинномъ добрѣ: то явствуетъ, что Этика упражняется также и во исправленіи разума, умствованія, познанія о добрѣ, и такъ всея души.

VI. Кромѣ сего Этика своимъ любителямъ путь показываетъ къ истинному благополучію, которое содержится во внутреннемъ душевномъ удовольствіи и спокойствіи (по опредѣл.). Ибо когда учитъ тому, какъ надобно снискивать добродѣтель (пол. I), а добродѣтель есть средство къ благополучію (§ 46): то слѣдовательно Этика служитъ и къ полученію истиннаго благополучія

Тѣмъ самымъ снова разсматривается, какъ разнствуетъ Этика отъ Права Естественнаго, которое на внѣшнее настоитъ спокойствіе, и тѣмъ только довольно, чтобъ научить сему, что никого не надобно оскорблять и проч. А Этика то дѣлаетъ, что человѣкъ наслаждается внутреннимъ благополучіемъ, и веселится награжденіемъ за добродѣтель.

VII. Напослѣдокъ сіе придать надобно, что въ Этикѣ и оное показать должно, какимъ образомъ надобно отвращать препятствія къ добродѣтели, которыя часто людямъ, къ благополучію итти хотящимъ, поперегъ противополагаетъ непроходимыя мѣста. Ибо какъ Этика можетъ показать способъ къ полученію добродѣтели, естьли она не объявляетъ, какимъ способомъ надобно отвращать препятствія, не допущающія исполнять добродѣтель?

VIII. И такъ когда пороки суть превеликимъ къ добродѣтели препятствіемъ, которую они какъ бы заразительнымъ ядомъ умерщвляютъ: то Этикѣ принадлежитъ показать, какимъ способомъ надобно душу очищать отъ пороковъ и запирать источникъ столь многихъ худыхъ дѣлъ.

ГЛАВА

ГЛАВА I.

Изъясняющая общія нѣкоторыя правила о раченіи къ добродѣтели и о вспомогательныхъ спо собахъ, какъ ее надобно достигать.

§ 127.

Правила о наблюденіи добродѣтели въ слѣдующихъ заключимъ предложеніяхъ, выведенныхъ изъ одного почти опредѣленія добродѣтели:

I. Кто хочетъ истиннымъ образомъ получить добродѣтель, о томъ прилѣжно стараться долженъ, чтобъ пріобрѣсть склонность справедливо поступать и навыкъ разполагать свои дѣла по закону естественному. Ибо добродѣтель есть навыкъ соображать свои дѣла съ закономъ естественнымъ (по опредѣл.).

II. Слѣдовательно кто имѣетъ желаніе получить добродѣтель, поистиннѣ тому должно знать правила, представленныя въ Правѣ Естественномъ. А безъ того не можно ему дѣла управлять въ силу тѣхъ правилъ.

III. Вопервыхъ ищущій добродѣтели о томъ попеченіе имѣть долженъ, чтобъ его душа научена была познанію добра и худа. Ибо какъ ты справедливо поступать можешь, естьли сего не будешь знать, въ чемъ состоитъ справедливость?

IV. А когда добро и худо изъ приключеній и слѣдствій всякаго дѣйствія разсматривается помощію разума (§ 10): то явствуетъ, что для

для полученія добродѣтели главное вспоможеніе состоитъ въ исправленіи разума, которой чѣмъ прилѣжнѣе будешь въ совершенство приводить, тѣмъ самъ себя способнѣйшимъ почувствуешь къ наблюденію добродѣтели.

V. Но къ раченію о добродѣтели не только требуется какое нибудь познаніе добра и худа; но надобно, чтобъ оно и подробное было и живое, т. е. такое, чтобъ волю склонило къ добру. Ибо когда не въ томъ только состоитъ добродѣтель, что справедливо кто поступаетъ; но что добровольно и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ честно и съ закономъ согласно живетъ, и къ добрымъ дѣламъ внутреннюю имѣетъ нѣкоторую охоту и постоянную волю (§ 44): то слѣдовательно душа не можетъ достигнуть добродѣтели, естьли она о добрѣ и худѣ не будетъ имѣть познанія живаго, т. е. такого, чтобъ оно разумъ и волю, какъ бы шпорами побужденную, къ намѣренію добраго дѣла приманивало, склоняло и возбуждало.

VI. И такъ для полученія добродѣтели сколь нужно есть сіе, чтобъ въ нашемъ разумѣ живое было познаніе добра и худа: столь и то потребно, чтобъ нами подробнѣе изъяснено было, какимъ способомъ и какими средствами намъ снискивать живое познаніе о томъ, что дѣлать и чего убѣгать надобно.

VII. Того ради вопервыхъ къ живому познанію того, что честно и непристойно, весьма оное способствуетъ, чтобъ мы произходящія отъ добрыхъ и худыхъ дѣлъ слѣдствія со

все-

всевозможнымъ прилѣжаніемъ примѣчали, и такъ превосходство и выгодности добродѣтели, а отъ пороковъ вредительныя приключенія представляли предъ глаза либо себѣ самимъ, либо другимъ людямъ.

VIII. Сего не знаю, можетъ ли что полезнѣе и способнѣе быть, какъ естьли мы сердце, добродѣтели желающее, къ точному обратимъ разсмотрѣнію того, чему насъ опытъ научаетъ. Ибо души человѣческой есть такое свойство, что мы отъ предметовъ, предъ глазами лежащихъ, обыкновенно гораздо больше восхищаемся, нежели отъ правилъ, справедливо жить научающихъ, особливо тогда, естьли онѣ нѣсколько замысловатыми словами предлагаются. Давно ученые люди опытъ назвали учителемъ добродѣтели и хорошихъ поступокъ.

IX. И когда опытъ есть, или собственный, или чужій, слѣдовательно мы либо чрезъ собственный, либо чрезъ чужій опытъ пріобрѣтаемъ живое познаніе.

X. Помощію собственнаго опыта тогда мы становимся участниками живаго познанія, когда въ себѣ отъ добрыхъ дѣлъ весьма сладкой плодъ, а отъ беззаконій и любострастій вредительныя приключенія чувствуемъ.

Откуда часто, какъ мы знаемъ, произходило, что тѣ люди, кои себя во всѣхъ порокахъ потопили, со временемъ разкаявались, то есть, когда они отъ сладострастія и беззаконій печальные и сожалѣнія достойные почувствовали плоды, помраченія и раны въ совѣсти, такъ что больше терпѣть не могли. Отъ того

того произошла такая пословица: Piſcator ictus ſapit, *ожегшись на молокѣ, будешь дуть и на воду.* Такое благоразуміе часто покупается многими тѣлесными мученіями и душевными томленіями и муками.

XI. Чрезъ чужій опытъ тогда обыкновенно снискивается живое познаніе, когда мы древнія и новѣйшія исторіи читаемъ съ разсудкомъ; ибо въ исторіи и въ познаніи бывшихъ вещей сіе, по объявленію Ливія, особливо есть полезно и плодоносно, чтобъ мы себѣ нѣчто оттуда поняли, чему бы подражать могли; а въ чемъ начало и конецъ непотребенъ, отъ того бы убѣгали.

Но многія находятся осторожности, коимъ умъ свой, сколько можно, прекрѣпко вперять мы должны, естьли чрезъ употребленіе примѣровъ пожелаемъ свои мысли научить живому познанію добра и худа и ихъ возбудить къ любви добродѣтели. Изъ оныхъ осторожностей нѣкоторыя за благо разсудилось здѣсь представить.

1) Естьли такихъ имѣешь людей, коимъ предлагая примѣры, желаешь ихъ сердце распалить къ добродѣтели: тогда особливо такъ ты поступать долженъ, чтобъ, которыхъ людей хочешь ты привесть къ раченію о справедливыхъ и добрыхъ дѣлахъ, силы ихъ испытать и рачительно вывѣдать, такіе ли суть отъ тебя предлагаемые примѣры, что имъ послѣдовать можетъ тотъ, кому ты наставленіе подаешь. Ибо какъ напрасно того, у котораго сгибы на колѣнахъ и становыя жилы надрѣзаны, угс-

уговариваешь ходить и плясать, хотябъ ты ему тысячу примѣровъ предлагалъ случающихся на рынкѣ и около лавокъ, хотябъ ты самыхъ представилъ скороходовъ, которые, какъ мы читаемъ, въ одинъ день великія пространныя мѣста перебѣгали; однако ты ни въ чемъ больше не успѣешь, какъ только трудъ свой потеряешь въ томъ, что безумно поступаешь, когда слабыхъ и никакой силы доброе дѣлать не имѣющихъ людей желаешь исправить, приводя въ примѣръ такихъ мужей, коихъ или превосходный умъ, или нѣкоторая сила врожденной храбрости и бодрости, или тайная напослѣдокъ и всемогущая Божественная сила и благодать вооружила на всякія высочайшія и превосходнѣйшія дѣла.

2) Надобно показать способъ, какъ душа того человѣка, котораго въ примѣръ предлагаешь, свободилась отъ гнусныхъ любострастій и беззаконій, и какъ скорѣе уничтожить можно препятствія, противополагающіяся тѣмъ людямъ, которые душу изъ самой непотребной, беззаконной работы желаютъ высвободить на истинную вольность. Не надобно молчать и о лѣкарствѣ, которымъ предлагаемые въ примѣръ люди силу внутренней болѣзни укротили, и отъ котораго душа свою бодрость и здравіе получила. Естьли инымъ образомъ поступать будешь, то ничего инаго не дѣлаешь, какъ желаешь больному для того выздоровѣть, что другіе многіе люди прежде его свободились отъ болѣзни. Что ты думаешь сдѣлать, естьли портнаго, или сундушника, или другаго како-

го

го машиниста просить будешь, чтобъ онъ сдѣлалъ зажигательное зеркало, для того что *Черназзеній* такое составилъ, вышлифовалъ, и его способнымъ сдѣлалъ къ зажиганію? Предлагаешь машинисту, или портному твоему оной примѣръ, которому подражать повелѣваешь; но онъ насмѣется тебѣ. Не пропадутъ ли тогда вотще всѣ твои слова, и какъ въ худую бочку не положены ли будутъ, коими ты машиниста побуждаешь сдѣлать подобное зеркало, котораго пользу и изрядство хвалишь? Скажи пожалуй, не скажетъ ли портной, какимъ способомъ *Чернавзеній* сдѣлалъ такое зеркало?

3) Кромѣ всего къ полученію живаго познанія о добродѣтели принадлежитъ и то, чтобъ тотъ, кого отъ пороковъ къ добронравію привесть надобно, подлинно зналъ, что истинно сіе было, о чемъ разсказываютъ, и что какъ бы примѣръ ради подражанія предъ глаза представляютъ. А естьли въономъ ложь какую примѣтитъ тотъ, чье сердце должно примѣрами къ честности преклонить и по закону научить, тогда не только сердце его не будетъ такими вымыслами подвигнуто и побуждено къ доброму дѣлу, но больше онъ подумаетъ, что ему смѣются и обманомъ обольщаютъ.

4) Напослѣдокъ сколько кратъ добродѣтели и достохвальныя дѣла другихъ людей, или пороки, также и безчестные поступки упоминаешь, столько кратъ и примѣры предлагать такимъ образомъ ты долженъ, чтобъ показать слѣдствія, и приключенія, отъ добрыхъ и худыхъ дѣлъ происходящія, и другому представить, какое

со

со всякимъ дѣйствіемъ было соединено либо благополучіе, либо наказаніе. Должно также и оное показать, что человѣку, котораго мы, какъ примѣръ, предъ очи представляешь, благополучіе, или нещастіе сдѣлалось ради оныхъ дѣлъ, а не другихъ. Представь себѣ, что Кайй, нерадивъ будучи о деньгахъ, расточаетъ свое имѣніе, и свое домостроительство отважно въ конецъ разоряетъ великолѣпными пирами. Онаго Кайя уговаривая къ наблюденію умѣренности въ пищѣ, и приводя въ примѣръ Тиція въ бѣдность пришедшаго, доказываешь, что убожество есть весьма извѣстное наказаніе за расточеніе. Кайй представляетъ иныя причины скудости, которая Тиція оскорбляетъ непрестанно. И такъ твое дѣло есть доказать, что Тиціева нищета начало свое имѣетъ не отъ чего другаго, какъ отъ расточенія имѣнія; а естьли противнымъ образомъ поступишь, то безъ всякаго сомнѣнія сила представленнаго примѣра недѣйствительна будетъ.

XII. Исторіямъ весьма подобны басни, особливо тѣ, кои на театрахъ и комедіяхъ представляются, коимъ нѣкоторые люди въ зажженіи въ зрителевыхъ сердцахъ горячей любви къ добронравію и въ возбужденіи живаго познанія, толикую вмѣняютъ силу, что театры почитаютъ отверстою нѣкоторою для добронравія школою.

XIII. Оное все сказано о живомъ познаніи и о способахъ, какъ его надобно пріобрѣсть. Но какое познаніе должно принадлежать къ тому, чтобъ умножалось раченіе о добронравіи, такоежъ подробное должно быть и о справедливости, то есть такое, чтобъ оно внутреннее добродѣтели превосходство и красоту обстоятельнѣе вывѣдало, и тѣмъ бы любовь къ оной въ сердцѣ возбудило. Ибо естьли мы подробно познаемъ добро, тогда о его изящности и превосходствѣ не по настоящему удовольствію и скукѣ разсуждаемъ, но далеко напередъ предусматриваемъ и разпознаемъ, сколь довольные и многіе плоды отъ раченія о добродѣтели по прошествіи напослѣдокъ многихъ лѣтъ имѣютъ намъ произойти. Онымъ самымъ добродѣтель возбуждаетъ удивительную къ себѣ любовь, которую она истинно не возбудитъ, естьли ты ее въ первой разъ трудную и нѣсколько страшную увидишь необстоятельно, и такими глазами, кои часто бываютъ обманчивыми судьями.

Подробное оное о добрѣ и худѣ познаніе, весьма въ раченіи о добродѣтели нами похваляемое, разгоняетъ, какъ бы туманы, предпріятыя мнѣнія, коими многіе люди будучи заражены, наблюденіе добродѣтели почитаютъ не только несладкимъ и неплодоноснымъ, но весьма скучнымъ и безплоднымъ. Такія предразсудительныя мнѣнія, кои бываютъ препятствіями къ добродѣтели, суть почти слѣдующія:

1) Добродѣтели вопервыхъ то препятствуетъ, когда мы видимъ, что худые и нечестивые люди пречасто живутъ во всякомъ довольствіи, и свои дѣла по желанію исполняютъ; напротивъ того добрые и наблюдатели добро-

добродѣтелей, всякими бѣдствіями будучи окружены и колеблемы бурею лютаго нещастія, препровождаютъ бѣдную жизнь и сожалѣнія достойную. Оное неправильное разсужденіе помощію подробнаго познанія о добродѣтели разгоняется тѣмъ: когда которые люди подробно разумѣютъ добродѣтель и благополучіе, то они обыкновенно объ немъ разсуждаютъ, не смотря на горести, добродѣтели приключающіяся, но взирая на извѣстную ту и вѣчную радость, произходящую отъ любви къ добродѣтели.

2) Другое предразсудительное мнѣніе, охоту къ добродѣтели отъемлющее, въ томъ состоитъ, что многіе люди въ ономъ себя увѣряютъ, что весьма трудно, да и не возможно добродѣтели такъ получить, чтобъ не было примѣшено никакого пороку и никакого замѣшательства. Но пускай будетъ трудно! Такъ для того ли намъ никакого труда не надобно полагать въ наблюденіи добродѣтели и въ искорененіи пороковъ? Кто таковъ находится, кто бы достигнуть могъ ученія во всемъ совершеннаго? Но для того ли намъ въ снисканіи ученія не надобно употреблять никакого времени и трудолюбія?

XIV. Добродѣтель снискивается долговременнымъ употребленіемъ и упражненіемъ, и пороки не можно въ одинъ день, или мѣсяцъ совсѣмъ искоренить изъ сердца. Ибо когда добродѣтель и порокъ есть навыкъ (по опредѣл.); а навыкъ пріобрѣсть ничѣмъ не можно, какъ только долговременнымъ употребленіемъ и дѣйствіями, часто повторяемыми (по опредѣл.): то разумѣется, что не можно добродѣтель пріобрѣсть однимъ часомъ, но долговременнымъ упражненіемъ и употребленіемъ, и пороки не можно изъ сердца искоренить такъ скоро, какъ лисица ѣстъ грушу.

XV. Изъ сего слѣдуетъ, что юношей, да и отроковъ, тотчасъ отъ младыхъ ногтей, къ такимъ упражненіямъ, коими навыкъ къ добродѣтели скорѣе получаемъ, и силу пороковъ умаляемъ, такъ пріучать надобно, чтобъ они потихоньку и помаленьку облекались въ любовь добродѣтели, и пороковъ отрицались.

XVI. Того ради юношескія сердца, какъ можно, надобно научать истинному и подробному познанію о добрѣ и худѣ, и изъ младыхъ отроческихъ умовъ искоренять всѣ предразсудительныя мнѣнія, коими они о добродѣтели и порокѣ обыкновенно себя напаяютъ.

XVII. Стараться надобно, чтобъ въ отрокахъ отъ непрестанныхъ добрыхъ дѣлъ раждалась привычка къ хорошимъ поступкамъ, которая со временемъ обратится въ природу, особливо естьли не будешь подавать имъ случая худое дѣлать.

XVIII. Понеже отроки и молодчики, въ разумѣ и разсудкѣ не очень будучи тверды, не знаютъ еще о добрѣ и худѣ по приключеніямъ разсуждать и разпознавать: то надобно намъ съ худыми ихъ иногда дѣлами соединять настоящую болѣзнь, а къ добрымъ ихъ поступкамъ присовокуплять нѣкоторую пріятность и награжденія, какъ бы возбужденія. Ибо юноши уве-

увеселяются видомъ настоящихъ вещей, и столько бываютъ склонны ко всему видимому, сколько ихъ побуждаютъ чувства.

Изъ онаго видно тебѣ, что надобно разсудить о ударахъ и побояхъ, коими желаемъ отроческія сердца отвратить отъ худаго. Никогда удары и батожья не возбудятъ желанія къ добру, и не сдѣлается ими то, чтобъ отвращался кто отъ худаго дѣйствія. Ибо волю къ желанію добра и отвращенію отъ худа побуждать и склонять должно только увѣреніями, какія представляетъ разумъ. Почему весьма худое тѣхъ людей мнѣніе, которые думаютъ, что побоями и розгами можно исправить волю и влить любовь къ добродѣтели. Однако и въ томъ спорить не можно, что боль отъ побоевъ въ отроческихъ сердцахъ, чувствами только управляющихся, приключающаяся, сіе причиняетъ, что, видя они ту боль, неоднократно соединяемую съ худымъ дѣломъ, покидаютъ напослѣдокъ худое дѣлать, не для того, что они внутреннюю въ томъ видятъ гнусность, но что напоминаютъ боль, отъ учиненія непристойныхъ дѣлъ произходящую.

XIX. Изъ онаго всего доказывается, что никто не можетъ добродѣтели получить, естьли долговременнаго и многаго въ исправленіи воли не употребитъ упражненія. Ибо когда добродѣтель не внѣшняго каковаго нибудь требуетъ согласія дѣйствій съ закономъ естественнымъ, но внутренняго усердія, горячности и постоянной воли дѣлать доброе и оставлять худое: (§ 45) то слѣдовательно, кто желаетъ достигнуть добродѣтели, тотъ стараться долженъ о томъ, чтобъ воля желала истиннаго добра и отвращалась отъ истиннаго худа; а стараться о томъ, чтобъ воля желала добра, и отвращалась отъ худа (говорю же объ истинномъ добрѣ и о истинномъ худѣ) есть не что иное, какъ исправлять волю; слѣд. кто старается о добродѣтели, долженъ и упражняться въ исправленіи воли.

XX. Но прежде исправленія воли должно исправить разумъ. Ясно оное доказывается изъ самаго свойства воли, которая въ выбираніи добра и худа всегда слѣдуетъ разуму, совѣтъ подающему. И такъ кто что нибудь яко доброе представляетъ волѣ, тогда она того желаетъ; а что онъ яко худое воображаетъ, отъ того она отвращается. Чего ради естьли разумъ, или способность вещи познавать, такъ наполнена будетъ погрѣшностями и предразсудительными мнѣніями, что добро почитаетъ за худо, и худо за добро: то нѣтъ никакого удивленія, что воля обманывается подъ видомъ добра. Того ради для исправленія воли весьма нужно исправлять и разумъ, дабы онъ по разогнаніи сумрачныхъ заблужденій яснѣе и подробнѣе разсматривалъ свойство добра и худа, и не заблуждалъ, и не ошибался въ разсудкѣ, или не обманывался.

XXI. Напослѣдокъ для исправленія воли и полученія добродѣтели особливо то требуется, чтобъ ты у страстей силу отнялъ. Ибо страсти всякому подробному о добрѣ познанію препятствуютъ, и свѣтъ въ разумѣ погашаютъ (§ 232 Мет.). А когда къ полученію добродѣ-

дѣтели требуется исправленіе разума и подробное познаніе (пол. XIII): то явствуетъ, что для полученія добродѣтели надобно у страстей, укротя ихъ стремленіе, отнять силу.

Оное какимъ образомъ статься можетъ, о томъ точно показано будетъ въ главѣ о управленіи и укрощеніи страстей.

XXII. Наконецъ во исправленіи воли и въ раченіи о добродѣтели ничего не успѣешь, естьли въ томъ не употребишь старанія, чтобъ тебѣ оставить худыя привычки, которыя пречасто волю побуждаютъ, и только что не восхищаютъ къ исполненію гнусныхъ дѣлъ, особливо тогда, естьли онѣ застарѣвшись возрастутъ и усилятся.

Худыя привычки, кои справедливо называемъ навыками поступать въ силу прошедшихъ опредѣленностей, не въ одинъ разъ, какъ сказать, сбрасываемъ; но надобно къ тому времени, труда, тщанія часто повторяемаго и терпѣнія. Силу такихъ привычекъ умаляемъ, 1) естьли стараемся ежедневно, либо изъ числа, либо изъ жестокой силы дѣйствій, отъ коихъ помалу привычка сдѣлалась, нѣчто умалить, и изъ великой склонности, какъ бы кучи, на каждой день по нѣскольку отнимать зернышекъ, и сіе по тѣхъ хоръ продолжать, пока нечего будетъ отнять. 2) Со всевозможнымъ попеченіемъ должны мы убѣгать случая исполнять такія дѣйствія, изъ коихъ, какъ бы своихъ первыхъ началъ, состоитъ привычка. 3) Дабы горячность нѣкоторая въ сердцѣ возбудилась, и ежедневно поновлялась исполнять то, что противно привычкѣ. 4) Остерегаться надобно, дабы горячность оная не потухла; но въ свѣтильникъ вливать надобно масла, чтобъ онъ продолжался и соблюдался. 5) А дабы оная горячность въ сердцѣ на всякъ день къ добрымъ поступкамъ больше возбуждалась и умножалась, то надобно употреблять нѣкоторые способы, между коими сіе вопервыхъ наблюдать должно, чтобы мы знаки нѣкоторые себѣ опредѣлили, кои бы намъ напоминали о томъ намѣреніи, которое мы приняли для добрыхъ поступокъ, отъ чего всѣ обряды произошли; по томъ надобно намъ себя самихъ прилѣжно разсматривать и тайности въ сердцѣ вывѣдывать, дабы такимъ образомъ намъ явно было, что намъ не достаетъ къ хорошему житію, въ чемъ погрѣшили, что напослѣдокъ сдѣлано, и что надобно дѣлать. Оное совѣсти разсмотрѣніе, давно уже отъ Пиѳагора и другихъ древнихъ Философовъ принятое, не можно лучше учредить, какъ или въ утреннее время, когда за дневныя дѣла принимаемся; или вечеромъ, когда по окончаніи дневныхъ дѣлъ непрерывной порядокъ того, что въ день добраго, или худаго сдѣлано, разсмотрѣть, и мысли имѣя отъ всѣхъ дѣлъ спокойныя, безъ помѣшателей сносить можемъ слова и дѣла съ закономъ, отъ Бога преданнымъ.

XXIII. Что мы по сіе мѣсто толковали о томъ, какъ надобно получить добродѣтель, оное все показываетъ путь и способъ къ полученію верьховнаго добра и истиннаго благополучія. Ибо когда добродѣтель есть средство къ благополучію и верьховному добру (§ 45): то

то слѣдовательно, кто какимъ путемъ идетъ къ добродѣтели, тѣмъ же долженъ приходить и къ истинному благополучію и верьховному добру. И такъ изъ показанія удобнаго пути къ добродѣтели доказывается и то самое, какимъ способомъ можно намъ веселиться насажденіемъ истиннаго благополучія.

ГЛАВА II.

О томъ, какъ надобно разумъ въ совершенство приводить и исправлять.

§ 128.

Когда обучающіе Этику о томъ единственно стараются, чтобъ показать способъ и дорогу къ полученію добродѣтели (§ 126. пол. I); а добродѣтели никто снискать не можетъ, естьли купно не исправитъ разумѣнія (§ 127. пол. XXI), и душевныя страсти подъ власть не покоритъ правому разуму (§ 127 пол. V): то слѣдуетъ и намъ нынѣ изъяснить правила для исправленія разума и показать способъ, какъ надобно укрочать страсти душевныя.

§ 129.

Когда весьма плодовито и подлинно довольно изъяснили мы въ *Логикѣ* о томъ, какъ надобно разумъ приводить въ совершенство и исправлять умствованіе: то нынѣ намъ можно говорить покороче; почему главныя только дарованія, или лучше сказать, добродѣтели разумѣнія урывками, и кратко представимъ и по-

кажемъ, какими средствами можно всякую изъ нихъ привесть въ совершенство и больше умножить.

§ 130.

И такъ вообще оное примѣчать надобно, чтобъ воображая мы въ умѣ понятія о какой вещи, дѣлали оныя подробными, и почитали удовольствіе себѣ въ познаніи внутренней только силы и свойства тѣхъ вещей, кои въ умѣ представляемъ. Оное какимъ образомъ бываетъ, о томъ яснѣе мы въ *Логикѣ* изъяснили въ гл. о понятіяхъ.

§ 131.

Острота (Acumen) есть способность разсматривать много обстоятельствъ въ одной вещи (§ 209 Мет.); и кто многія въ какой вещи находящіяся обстоятельства разсматривать умѣетъ, тотъ называется *острымъ* (Acutus).

§ 132.

Способы, какъ снискивать остроту, слѣдующіе суть почти:

I. О чемъ ты разсуждаешь, старайся о томъ разсуждать подробно, т. е. такъ, чтобъ ты знаки, коими всякая вещь отъ другой разпознается, порознь въ умѣ представлялъ, и попеченіе имѣлъ вывѣдать самое свойство вещи (См. Лог. стр. 19).

II. Потому отроковъ отъ самаго младенчества такъ пріучать надобно, чтобъ они крѣпко примѣчали случающіяся имъ вещи.

III. Оное получить можешь, естьли имъ словами ясно и порядочно произносимыми ве-

лишь

лишь разсказывать о томъ, что примѣтили они во всякой вещи примѣчанія достойное.

IV. Отроки должны описывать чувствуемыя вещи и части тѣлъ, знаки, величину, сложеніе, фигуру и движеніе, такъ рисовать должны, чтобъ изъ того видно было, что они образъ усмотрѣнной, или услышанной вещи описали въ умѣ и въ мысляхъ.

V. Почему для пріученія отроковъ къ тому, чтобъ подробно и обстоятельно разсуждать научились, весьма сіе полезно, чтобъ они въ самую пору и заблаговременно упражнялись въ ученіи Математическомъ, особливо въ Геометріи, и учились видимыя вещи рисовать мѣломъ, или сурикомъ. Сіе имѣетъ великую силу для соблюденія вниманія. Оной ради причины Платонъ никого кромѣ знающаго Геометрію не хотѣлъ въ школу свою допускать. Здѣсь надобно то повторить, о чемъ мы довольно разсуждали въ Логикѣ о подробныхъ идеяхъ, и во Психологіи о вспоможеніяхъ вниманія, стр. 253.

VI. А способность остроумнѣе разсматривать то, что добро и что худо, особливо иногда возбуждается и умножается, естьли мы въ своихъ и чужихъ дѣлахъ какъ причины, къ дѣйствію духъ побудившія, такъ и всякія самыя мѣлкія отъ дѣйствій приключенія прилѣжно примѣчаемъ, и всѣ обстоятельства, вещь окружающія, справедливо разсудя, рачительно вывѣдываемъ, кто таковъ дѣйствіе исполняетъ, что дѣлается въ какомъ мѣстѣ, или времени, какимъ также способомъ и напослѣдокъ на какой конецъ сіе, либо то исполняется. Такимъ об-

образомъ молодые люди помаленьку привыкаютъ помышлять остроумно и вещь на части раздѣлять, а части на другія мѣлчайшія какъ бы первыя свои начала раздроблять, оное премного помощи приноситъ къ тому, чтобъ въ совершенство привесть *глубину разумѣнія* (Profunditas intellectus). Ибо *глубина* не что иное есть, какъ такая разумѣнія способность и совершенство, которымъ можемъ подробно представить знаки знаковъ (См. Лог. стр. 21.)

VII. Для снисканія остроты весьма то полезно, чтобъ кому слова имѣть въ готовности и хорошо знать языкъ, коимъ вещи и помышленія должно изъяснить; ибо когда къ остротѣ служатъ подробныя понятія, описанія и опредѣленія (§ 66 Лог.), а понятія подробныя и опредѣленія сдѣлать не можно, естьли знаковъ и свойствъ вещей въ опредѣленіи содержащихся не можешь выразить словами (§ 37. пол. II. Лог.): то явствуетъ, что острота снискивается помощію словъ и языковъ.

§ 133.

По сіе мѣсто объ остротѣ говорено. Нынѣ новую разума добродѣтель и совершенство изъяснить надлежитъ, которую называемъ *разумѣніемъ* (Intelligentia). *Разумѣніе* не что иное есть, какъ навыкъ понимать первыя въ наукахъ начала, который отъ того дѣлается, когда мы о какихъ нибудь вещахъ воображаемъ подробныя понятія. (См. Лог. 1 гл.)

§ 134.

Какъ помощію разумѣнія познаемъ то, что есть всякая вещь, такъ вспоможеніемъ *знанія* (Sci-

(Scientia) вывѣдываемъ причины вещей, и постигаемъ то, для чего изъ нихъ каждая находится. Ибо *знаніе* не что иное есть, какъ навыкъ доказывать свои утвержденія.

§ 135.

Когда знаніе безъ сомнѣнія принадлежитъ къ главнымъ и весьма полезнымъ разума совершенствамъ, то мы за благо разсудили показать путь и способъ, какъ надобно достигнуть знанія.

§ 136.

Къ знанію приходить можно такимъ образомъ:

I. Когда всякой навыкъ снискивается упражненіемъ (по опредѣл.), то и знанія, какъ ясно оказывается, не можно получить, какъ только непрестаннымъ упражненіемъ (§ 134).

II. Надобно тебѣ читать книги, отъ людей совершенно ученыхъ пристойнымъ и связнымъ образомъ доказанныя. Такимъ способомъ потихоньку пріучишься къ доказательствамъ, и навыкъ получишь связывать предложенія изъ предложеній.

III. Доказательства ученыхъ людей, правильно соединенныя, раздробляй на свои начала, и помощію силлогизмовъ (умствованій) показывай связь въ предложеніяхъ, естьли гдѣ оной не видно. Такой упражненія способъ, сказать не можно, какіе приноситъ плоды.

Знаю я нѣкоторыхъ мужей и юношей, кои такъ читали *Волфіевы* сочиненія, что всѣ доказательства, связь скрывающія, помощію силлогизмовъ раздробляли они на свои первыя начала, отъ чего то воспослѣдовало, что безъ всякой трудности разсматривали, отъ какого источника произтекла истинна всякаго утвержденія.

IV. Самъ испытай свои силы, и своимъ доказательствомъ утверждай тѣ предложенія, коимъ никакого доказательства не присовокуплено. Оное упражненіе молодымъ людямъ, совершеннѣйшаго ученія желающимъ, представлялъ я въ предисловіи, напередъ положенномъ въ Философіи, изъ новыхъ споровъ состоящей.

V. Математическое ученіе путь показываетъ къ навыку доказывать предложенія; понеже въ Математикѣ преизрядныя находятся доказательства, коихъ союзъ естьли кто разбирать будетъ, тотъ истинно узнаетъ, что имъ употребляемой трудъ весьма довольнымъ награждается плодомъ.

VI. Отъ знанія зависитъ *твердость* (Soliditas), которая есть такое разума совершенство, по которому знаетъ кто свои разсудки такъ соединять, что весьма удобно можетъ онъ одно предложеніе изъ другаго, а всѣ изъ своихъ началъ выводить.

И такъ кто совершенно ученъ, тотъ 1) все доказываетъ, что можно доказать. 2) Отъ другихъ людей требуетъ доказательства въ томъ, что они или утверждаютъ, или отрицаютъ. 3) Весьма рачительно изыскиваетъ начала, изъ коихъ утвержденія доказаны. 4) Удобно разсматриваетъ союзъ въ предложеніяхъ, какъ бы онъ ни былъ продолжителенъ. 5) Прилѣжно старается подлинно познать то, что по-

походитъ на правду съ другими вещьми. 6) Напослѣдокъ какъ въ сочиненіяхъ, такъ и въ словахъ все онъ къ тому относитъ, чтобъ себя и другихъ людей, читателей т. е. и слушателей, увѣрить въ томъ, о чемъ рѣчь идетъ, и по силѣ доказательствъ получить у нихъ на то согласіе.

§ 137.

Приходимъ уже къ *мудрости и благоразумію* (Sapientia et Prudentia), которыя справедливо назвать можно Царицами прочихъ добродѣтелей, коими разумъ одаренъ.

§. 138.

Мудрость (Sapientia) состоитъ 1) въ выборѣ концовъ, и въ союзѣ ихъ съ концемъ первоначальнымъ, до котораго какое гдѣ нибудь исполняемое человѣческое дѣйствіе относить надобно. 2) Состоитъ она въ изобрѣтеніи средствъ и причинъ, коихъ пристойнымъ между собою соединеніемъ снискивается желаемой конецъ.

§ 139.

И когда конецъ, къ которому надобно относить всѣ помышленія, слова и дѣла, есть не что иное, какъ совершенство состоянія нашего и благополучіе отъ того произходящее: то изъ сего видно, для чего нѣкоторые съ *Лейбницїемъ* опредѣляютъ мудрость чрезъ знаніе благополучія. Опредѣленіе сіе не разнствуетъ отъ онаго: *мудрость* есть навыкъ порядочно между собою соединять конецъ и средства.

§ 140.

§ 140.

Все принадлежащее къ полученію мудрости въ слѣдующихъ содержится предложеніяхъ:

I. Мудрость тогда пріобрѣтаемъ, естьли закону естественному повинуемся. Ибо когда мудрость есть знаніе благополучія (§ 139), а благополучія получить ничѣмъ не можно, какъ только соблюденіемъ закона естественнаго (§71): то явствуетъ, что благополучія никто не можетъ пріобрѣсть, естьли не будетъ повиноваться закону естественному.

II. И такъ кто противъ должности поступаетъ, того не льзя назвать мудрымъ. Ибо когда тотъ противъ должности поступаетъ, кто дѣла исполняетъ противныя закону естественному (по опредѣл. должности); а когда мудрой человѣкъ дѣла свои сноситъ съ повелѣніемъ закона естественнаго (§ 140 пол. I), то явствуетъ, что не льзя того мудрымъ назвать, кто противъ должности поступаетъ.

III. Кто желаетъ мудрость пріобрѣсть, такимъ образомъ долженъ онъ свои дѣла учреждать, чтобъ посредственные, какъ называютъ, концы пристойно между собою согласовали съ концемъ самымъ крайнимъ.

IV. Потому желающій человѣкъ достигнуть мудрости наиприлѣжнѣйше долженъ примѣчать всѣ свои дѣйствія, и остерегаться, чтобъ чего не сдѣлать, что можетъ повредить благополучію и онаго приращенію.

V Когда мудрой человѣкъ долженъ имѣть навыкъ соединять средства съ концами (§ 138), и когда изъ тѣхъ обстоятельствъ, кои по види-

димому моглибъ служить къ полученію конца; однѣ большія другихъ имѣютъ силы къ снисканію мудрости: то слѣдовательно мудрой человѣкъ долженъ въ томъ попеченіе и неусыпное стараніе оказать, чтобъ изъ многаго выбрать самое лучшее и сходственнѣйшее съ своими концами.

Почему нѣкоторые мудрость опредѣлили чрезъ навыкъ выбирать самое лучшее.

VI. Изъ онаго слѣдуетъ, что мудрый человѣкъ можетъ средства выбрать самымъ *простѣйшимъ* и *кратчайшимъ* образомъ; и такъ онъ не допуститъ того, чтобъ верченые мнѣній вымыслы обводили его по кривымъ дорогамъ.

VII. И такъ чтобъ кому на пути не ошибиться, но такъ поступать въ выборѣ средствъ, чтобъ наискорѣе получить благополучіе: то надобно чужіе примѣры въ разсудокъ принимать, и въ нихъ какъ въ зеркало прилѣжно смотрѣть. Изъ оныхъ усмотритъ, съ какимъ что намѣреніемъ сдѣлано, какимъ способомъ и помощію дѣло къ желаемому приведено концу; оттуда онъ примѣтитъ, чему надобно подражать.

VIII. Когда напротивъ того премногія препятствія представиться могутъ, которыя иногда самымъ хорошимъ совѣтамъ дѣлаютъ замѣшательства, то мудрому человѣку надлежитъ помышлять и разсматривать о препятствіяхъ, какія могутъ приключиться, и какимъ способомъ надобно ихъ уничтожить.

IX. Оныя препятствія когда человѣкъ не можетъ подлинно предусмотрѣть, и не всегда состо-

состоитъ въ нашей волѣ имъ противиться: то слѣдовательно статься можетъ, что средствамъ, остроумно выдуманнымъ, не всегда желаемое соотвѣтствуетъ окончаніе, которому весьма часто дѣлаютъ остановку посторонныя и внѣшнія причины. Почему думать надобно, что въ великомъ заблужденіи тѣ находятся, кои о мудрости разсуждаютъ, смотря на конецъ.

X. Понеже мудрость есть знаніе благополучія (§ 139), слѣдовательно мудрости вспомоществовать должны правила, какъ ей надобно достигнуть благополучія. А когда правила, принадлежащія къ полученію благополучія, суть тѣжъ самыя, кои показываютъ способъ, какъ надобно пріобрѣсть добродѣтель (§ 70): то явствуетъ, что тожъ самое средство, которое путь отверзаетъ къ добродѣтели, показываетъ намъ оной и къ мудрости.

XI. Почему справедливо тѣ разсуждаютъ, кои думаютъ, что никто не можетъ получить мудрости, естьли онъ не исправитъ волю.

§ 141.

Благоразуміе (Prudentia) отъ мудрости такъ разнствуетъ, что благоразуміе старается употребить и скоро тѣ исполнить средства, кои мудрость выдумала для полученія конца. Почему нѣкоторые благоразуміе опредѣляютъ такимъ образомъ, что оно есть навыкъ скоро употреблять средства премудро выдуманныя для полученія желаемаго конца.

§ 142.

Для пріобрѣтенія благоразумія не одинъ путь находится. Мы изъ многихъ слѣдующіе покажемъ:

I.

I. Когда благоразуміе не такъ состоитъ въ вымышленіи средствъ, надлежащихъ къ полученію конца, какъ въ употребленіи оныхъ (§ 141): то слѣдовательно разумной человѣкъ всѣ обстоятельства, дѣйствіе окружающія, время, мѣсто и прочая, прилѣжно долженъ примѣчать и угождать склонностямъ и обычаямъ другихъ людей, и не упускать благовременнаго случая для благополучнаго исполненія своего дѣла. Ибо статься можетъ, что отъ состоянія мѣста, времени, или особъ, многія произходятъ препятствія, которыя остановку дѣлаютъ къ полученію конца, весьма хотя остроумно выдуманнаго.

II. Почему въ разсужденіи благополучія, или употребленія средствъ способнаго къ полученію желаемаго конца не довольно кому быть только ученымъ и знающимъ человѣкомъ (ибо самой человѣкъ ученой не знаетъ причинъ будущихъ приключеній); но требуется употребленіе и опытъ, которой справедливо назвать можно учителемъ благоразумія. Ибо кто чѣмъ больше обращался въ употребленіи, и чѣмъ долѣе упражнялся во отправленіи самыхъ трудныхъ и завязчивыхъ дѣлъ, тѣмъ лучше знаетъ, что такимъ, а не инымъ средствомъ то, или сіе скоро совершить можно; и притомъ разсуждаетъ, что препятствуетъ тому, или въ разсужденіи времени не очень способнаго, или по причинѣ мѣста. Знаетъ онъ, какимъ способомъ и помощію, на какомъ также мѣстѣ, и въ какое время сіе, или то дѣло благополучно и по желанію произходило. И такъ естьли во исправленіи какого дѣла соединены будутъ подобныя пре-

прежде бывшимъ обстоятельства и причины, тогда предвѣщаетъ сіе, что и случай одинакой имѣетъ воспослѣдовать. Почему явствуетъ, что мудрости весьма споспѣшествуетъ ожиданіе подобныхъ случаевъ. Оное ожиданіе сколь много насъ иногда обманываетъ, о томъ я доказалъ въ особливомъ разсужденіи *объ обманчивомъ ожиданіи подобныхъ случаевъ.*

III. Когда исторія намъ объявляетъ о дѣлахъ, и показываетъ ихъ приключенія, или благополучныя, или нещасливыя, и не умалчиваетъ о причинахъ и препятствіяхъ, кои намѣреніямъ и начаткамъ или споспѣшествовали, или оныя исполнять не допущали: то изъ сего понять можно, что къ снисканію благоразумія великая сила и великая важность состоитъ въ порядочномъ историческомъ ученіи.

§ 143.

Наука (Ars) есть навыкъ душевными, или тѣлесными силами исполнять то, чего по благодѣянію одной только природы не можно исполнить безъ нашего раченія. На пр. наука, какъ надобно спорить съ кѣмъ, рѣчи говорить, танцовать, играть на инструментахъ.

§ 144.

Къ пріобрѣтенію науки ничего нѣтъ способнѣе, или полезнѣе, какъ весьма частое упражненіе и употребленіе, чему и опытъ насъ научаетъ и свойство навыка, какъ-то давно древніе ученые люди справедливо сказали: *употребленіе дѣлаетъ мастеромъ.*

ГЛАВА III.

О управлении и укрощении страстей.

§. 145.

Что мы нынѣ будемъ представлять о усмиреніи страстей, оное не въ ту силу объявить хотимъ, что мы будто бы всѣ душевныя движенія совсѣмъ изкоренить и въ конецъ истребить намѣреваемъ. Ибо сіе не можетъ статься, по коихъ поръ мы въ сихъ тѣлесныхъ составахъ заключены; а хотя бы и статься могло, однако человѣку не было бы полезно; ибо человѣка тотъ лишаетъ человѣчества, кто почитаетъ за достойное исполненія сіе, чтобъ самыя страстей жилки вырваны были. О пнѣ и камнѣ упоминаешъ ты мнѣ, а не о человѣкѣ, естьли утверждаешь, что былъ, или есть нѣкто безъ чувства, безъ вкусу, безъ радости и печали.

§ 146.

Когда уже мы во *Психологіи* нѣкоторыя представили обстоятельства, кои способъ ясно показываютъ къ тому, какъ надобно страсти укрощать, о томъ нынѣ здѣсь не очень плодовито будемъ говорить; но довольно общія только правила сообщить тебѣ, читатель! въ слѣдующихъ не многихъ и короткихъ предложеніяхъ:

I. Главное вспоможеніе для укрощенія душевныхъ движеній, или, какъ все равно, для покоренія ихъ подъ власть разуму, въ томъ состоитъ, чтобъ ты себѣ пріобрѣлъ подробное познаніе о добрѣ, или худѣ. Всѣ страсти происходятъ отъ представленій чувства и воображенія (§ 232. Мет.), кои представленія естьли помощію подробнаго познанія оставишь, то и самую силу въ страстяхъ умалишь и недѣйствительну сдѣлаешь.

II. Изъ чего происходятъ многія слѣдствія. Всѣми силами и съ крайнимъ раченіемъ старайся познавать во всякихъ вещахъ не наружность видимую, но внутреннее ихъ свойство и силу. Такимъ образомъ замѣшательныя движенія души укротятся и какъ ручейки высохнутъ, когда вычерпанъ будетъ источникъ, отъ котораго они выходили.

III. Почему для укрощенія страстей весьма сіе полезно, естьли то, что смущаетъ душу, разсказываемъ порядочными словами другимъ людямъ. Ибо такимъ образомъ прежде бывшія смѣшенныя понятія бываютъ подробными и становятся яснѣйшими. Отъ чего волненіе страстей утихаетъ, и все то, что душу смутнымъ движеніемъ колебало, по видимому какъ на дно опускается.

На пр. когда душа смутилась отъ великой болѣзни и печали, тогда почувствуешь умаленіе болѣзни, естьли о томъ, что тебя мучитъ, другимъ людямъ на словахъ сообщишь, и подробно изъяснишь причины своей болѣзни.

IV. Внѣшнія чувства, какъ бы страстей врата, сколько можно затворять надобно, чтобъ онѣ не увидѣли, или не услышали того, что страсти возбудить можетъ.

V. И вопервыхъ убѣгать надобно тебѣ всякаго внѣшняго случая таковаго, который огонь зажегши, можетъ страсти воспалить. Предлежащія вещи, какъ говорятъ пословицу, движутъ чувства, а отъ чувствъ возбуждаются страсти.

VI. Когда во время сильнаго стремленія страстей часто человѣкъ самъ въ себѣ неволенъ бываетъ, такъ что подробно не можетъ о томъ помыслить, что онъ дѣлаетъ: то стараться надобно уничтожать страсти, душу смущающія, другими имъ противными, страхъ на примѣръ надеждою, печаль и скорбь радостію, ненависть сожалѣніемъ. Ибо страсти противныя не очень между собою согласны бываютъ, и въ одномъ мѣстѣ не обитаютъ.

VII. Разсуждать надобно, какія злоключенія происходятъ отъ повиновенія страстямъ, и какимъ бѣдностямъ душу и тѣло подвергаетъ смутительное устремленіе вожделѣній.

О такихъ уронахъ естьли точно и обстоятельнѣе желаешь знать, читай то, что мы во Психологіи изъяснили о самыхъ вредительныхъ слѣдствіяхъ, происходящихъ отъ нѣкоторыхъ страстей.

VIII. Вопервыхъ для укрощенія, хотя не совсѣмъ совершеннаго, страстей много сіе пользуетъ, естьли ихъ начаткамъ противимся и остерегаемся того, чтобъ искорки, упадшія въ душу, не обратились въ такой пламень, котораго напослѣдокъ не можно будетъ погасить, когда больше онъ разпространится.

IX.

IX. Чтобъ тебѣ, побѣдивши врага, всегда быть побѣдителемъ, то надобно, какъ можно, смѣлѣе напротивъ итти и сопротивиться одолѣвающимъ вожделѣніямъ. По неоднократномъ одержаніи побѣды удобнѣе впредь будетъ трудъ, который наградится великимъ удовольствіемъ и весьма изобильнымъ внутренняго спокойствія плодомъ.

Здѣсь не надлежитъ, да и долго былобъ, вычислять именно каждыя правила о томъ, какъ можно уменьшить и укротить или радость, или печаль, или ненависть, или страхъ, или напослѣдокъ гнѣвъ и отчаяніе. Смотри о семъ во Психологіи о страстяхъ.

X. Понеже страсти не можно вконецъ искоренить, то, когда онѣ душу трогаютъ, такимъ образомъ должны мы поступать въ ихъ укрощеніи, чтобъ онѣ обращались въ орудія къ добродѣтели и къ исправленію воли.

ГЛАВА

ГЛАВА IV.

О воздержаніи.

§ 147.

Хотя одна только находится добродѣтель, или навыкъ дѣла свои соображать съ закономъ естественнымъ; однако въ разсужденіи разныхъ должностей, коихъ исполненія требуетъ законъ естественный, разные и образы добродѣтели усмотрить, разными обыкновенно именами называемые. Оные образы и виды не суть новая какая добродѣтель; но по справедливости можно ихъ назвать отраслями, кои отъ добродѣтели, какъ бы отъ поколѣнія будучи произведены, подрастаютъ. Когда, то есть, Право Естественное разныя на насъ налагаетъ должности въ разсужденіи души, тѣла и внѣшняго состоянія, то и разные надобно показать способы, какъ должно повиноваться тѣмъ должностямъ. Отъ чего происходитъ оное ученіе о добродѣтеляхъ, какъ называютъ, *нравственныхъ* (Morales).

§ 148.

Обязаны мы соблюдать жизнь и попеченіе имѣть о здоровьѣ, оберегать также члены отъ поврежденія, снискивать пищу и питіе, и оное порядочно употреблять, на чемъ, какъ бы на подпорахъ, тѣло поддерживается, и пр. (§ 77). И такъ навыкъ употреблять пищу и питіе въ силу правилъ, касающихся до наблюденія здоровья, называется *воздержаніемъ* (Temperantia); напротивъ того *невоздержный* человѣкъ поступаетъ противъ должности въ употребленіи пищи и питія.

§ 149.

Кто позываніе на пищу и питіе соображаетъ съ закономъ естественнымъ, или, кто воздерженъ, тотъ думаетъ всячески остерегаться двухъ слѣдующихъ причинъ:

I. Чтобъ ни больше, ни меньше пищи и питія не употребить, какъ требуетъ или тѣлесное здоровье, или необходимость самой натуры. А мѣру, сколько ѣсть и пить надлежитъ, воздержной человѣкъ въ томъ полагать будетъ, естьли онъ столько ѣстъ и пьетъ, сколько довлѣетъ для подкрѣпленія силъ, а не отягощенія.

Иные также праведную въ пищѣ и питіи мѣру представляютъ такую: столько ѣсть надобно, чтобъ можно было почитаніе къ Богу и самую должность охотно еще исполнять; а что сему дѣлаетъ препятствіе, то мѣру превосходитъ.

II. Чтобъ ему такихъ не употреблять кушаньевъ и напитковъ, кои хотя раздражниваютъ обжирство, но тѣло тихимъ будто ядомъ убиваютъ и силы разоряютъ.

§ 150.

Премногія находятся причины, кои насъ могутъ поощрить къ наблюденію воздержанія, но изъ нихъ довольно нынѣ слѣдующія только представить:

I. Для укрѣпленія тѣлесныхъ силъ и для соблюденія равнаго и непоколебимаго здоровья нѣтъ ничего способнѣе, какъ воздержаніе. Напро-

противъ того ничто такъ тѣло въ безсиліе не приводитъ и безплоднымъ его не дѣлаетъ, какъ невоздержаніе. И такъ подумаемъ только, сколь есть глупое и разуму противное дѣло искать маловременныхъ сластей, кои поощряютъ къ обжирству, и уронъ дѣлаютъ здоровью, которое разоря, кто таковъ найдется, которой бы способенъ былъ къ порядочному исполненію какого званія?

II. Воздержанія весьма извѣстной плодъ состоитъ въ веселомъ и спокойномъ духѣ, который чудно какъ смущается въ тѣхъ людяхъ, кои безмѣрно себя довольствуютъ, и живутъ непрестанно въ безчестныхъ домахъ и мотовствахъ.

III. И о томъ также умолчать не надобно, что всѣ люди, умѣренно живущіе и отъ многой пищи и питія воздерживающіеся, больше чувствуютъ пріятности въ кушаньяхъ и напиткахъ, умѣренно употребляемыхъ, нежели тѣ, кои невоздержно живутъ, и кои брезгаючи только садятся съ сомнѣніемъ за столъ. Ибо довольствіе раждаетъ брезгливость.

IV. Наконецъ разсуди пожалуй, какое умаленіе имѣнію, какой уронъ славѣ и имени, сколь ужасные въ совѣсти пороки и раны, сколь ненавистное худыхъ и беззаконныхъ дѣлъ множество произходитъ отъ невоздержанія!

И не надобно тѣхъ слушать, кои говорятъ, что многіе люди были сильны и бодры тѣломъ, хотя и ежедневно они насыщались кушаньями, великолѣпно и изрядно уготованными, хотя они, въ пьянствѣ и роскошахъ живучи,

рѣдко послѣ пировъ вытрезвливались. Напротивъ сего многихъ имъ представъ такихъ, кои невоздержно и любострастно живучи, смерть себѣ доспѣли, и кои судьбу преускорили, потому что по добротѣ своей природы моглибъ они достигнуть самой глубокой старости. Кромѣ сего можно справедливо и то здѣсь придать, что не всѣ люди одинакими одарены силами; и такъ я не вижу, какимъ бы-то образомъ отъ невоздержанія одного человѣка, до старости дожившаго, въ слѣдствіе заключить можно было и о твоемъ, или чужомъ невоздержномъ житіи.

§ 151.

Невоздержанія видъ есть *пьянство* (Ebrietas), которое справедливо можно назвать невоздержаніемъ въ употребленіи такого питія, отъ котораго въ головѣ дѣлается замѣшательство, и человѣкъ становится неспособнымъ для исправленія дѣлъ и должности.

§ 152.

Какіе уроны произходящіе мы представили отъ невоздержанія, вообще разсмотрѣннаго, тѣжъ самые безъ всякаго сомнѣнія сопряжены и съ пьянствомъ; однако кромѣ тѣхъ и другіе находятся, кои къ одному единственно пьянству, какъ видимъ, присовокуплены.

I. Пьянство человѣка съ состоянія души будто низвергаетъ, и оную такого дару, котораго Богъ ничего превосходнѣе роду человѣческому даровать не могъ, разума лишаетъ и въ скота обращаетъ. Да и самыхъ скотовъ пре-

пречасто пьяной человѣкъ бываетъ хуже и бѣднѣе, потому что чувствъ лишается.

II. Пьяной человѣкъ, лишившись праваго разума, по слѣпому стремленiю бѣжитъ на всякiя непристойныя, беззаконныя и ненавистныя дѣла. Что надлежало бы о себѣ и о другихъ людяхъ умалчать, нарочно утаить и въ умѣ только скрыть, о томъ онъ дерзновенно и безразсудно болтаетъ, весь будучи въ скважинахъ, со всѣхъ сторонъ протекаетъ, и такъ ума лишается, что между трезвыми людьми, напившись пьянъ, бѣсится, и часто сердится на свое собственное чрево.

III. Кромѣ сего, когда онъ вытрезвится, душа отъ стыда и раскаянiя такъ смущается, что едва надѣется паки притти отъ отчаянiя въ надежду, отъ смутнаго состоянiя въ спокойствiе.

§ 153.

Сколько худаго пьянство дѣлаетъ или душѣ, или тѣлу, или славѣ и пожиткамъ, столько пользы и выгоды можно надѣяться отъ *трезвости* (Sobrietas), которая есть ничто иное, какъ добродѣтель, дѣйствiя наши въ употребленiи питiя управляющая согласно съ закономъ. Трезвость тѣже самыя на насъ изливаетъ пользы, которыя, какъ сказано, приноситъ воздержанiе.

ГЛАВА

ГЛАВА V.

О чистотѣ.

§ 154.

Какъ въ силу воздержанiя учреждаемъ свои дѣйствiя въ пищѣ и питьѣ такимъ образомъ, чтобъ удовольствiе въ томъ сдѣлать закону естественному: такъ и чистота вожделѣнiе плотское управляетъ такъ, чтобъ наблюдали мы въ томъ правила закона естественнаго. *Чистота* (Castitas) есть добродѣтель, воздержанiе плотское управляющая по закону естественному.

§ 155.

И такъ чистота требуетъ того, чтобъ мы любострастiями не изнуряли силъ тѣлесныхъ, и по истощенiи жизненныхъ соковъ, безплодное тѣло не предали старости. Ибо въ должностяхъ до тѣла касающихся есть первый сей законъ, чтобъ мы соблюдали тѣло и силы, на коихъ здоровье укрѣпляется.

§ 156.

Многiя находятся причины, для которыхъ всякъ можетъ чистоту наблюдать. Изъ оныхъ слѣдующiя знать тебѣ надобно:

I. Любострастiя, жаждущiя удовольствiя, безразсудно и дерзновенно будучи возбуждены къ полученiю желанiя, погашаютъ весь свѣтъ въ разумѣ, такъ что когда любострастiе обладаетъ, ничего не можешь ни умомъ разсуждать, ни помышленiемъ постигать.

II.

II. Вопервыхъ мы видимъ, что тѣло, сильнымъ любострастiемъ будучи распалено, ужасно какъ обезсиливаетъ, и невидимо и тайно умножающiйся огонь поядаетъ его; а иногда такое нерадѣнiе о чистотѣ и самою худою смертiю бываетъ отмщеваемо.

III. Какое безчестiе себѣ и своему имени дѣлаютъ тѣ, кои всюду слѣдуютъ, куда только ихъ поведетъ любострастiе, сiе и безъ моихъ словъ понятно.

IV. Напослѣдокъ въ домостроительствѣ ущербъ и въ имѣнiи уронъ не можетъ разлучиться отъ житiя, любострастно препровождаемаго. Оныя всѣ обстоятельства вмѣстѣ собравъ, естьли справедливо разсудишь, то безъ всякаго сомнѣнiя весьма надобно чистоту хранить, и укротя сильное любострастiе, всеприлѣжно оную наблюдать, яко соблюдательницу душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, имѣнiя также и чести.

§ 157.

Почему надобно тебѣ:

I. Убѣгать отъ всѣхъ любострастныхъ прелестей и побужденiй, будто бы камней на морѣ вынаружившихся.

II. Плотскому вожделѣнiю не давай питаться кушаньями, съ излишнимъ убранствомъ и довольствомъ приуготованными, и довольствоваться питьемъ, способнымъ къ возбужденiю горячаго любострастiя.

III. Убѣгай въ дружескомъ обхожденiи отъ такихъ людей, которые скверными словами оскверняютъ чистыя души.

IV.

IV. Книгъ, способъ къ любви подающихъ, въ руки не бери, и въ свое знакомство старайся не принимать скаредныхъ стихотворцовъ и самыхъ непотребныхъ къ любви наставниковъ.

V. Тѣло утомляй трудами, и въ непрестанномъ его имѣй движенiи, въ которомъ, какъ по моему мнѣнiю, самое настоящее и весьма дѣйствительное находится средство противъ любострастiя.

Любострастiе (Libido), чистотѣ противное, о которомъ я упомянулъ въ прежде положенныхъ предложенiяхъ, нечто иное есть, какъ устремленiе духа, коимъ онъ восхищается къ дѣйствiямъ, чистотѣ противнымъ. Большiй любострастiя степень называется *яростiю*, или *похотливостiю* (Salacitas five Lascivia).

ГЛАВА

ГЛАВА VI.

О прилѣжаніи, щедрости и бережливости.

§ 158.

По сіе мѣсто говорили мы о добродѣтеляхъ, въ наблюденіи которыхъ объявлено все принадлежащее къ соблюденію тѣла, и сбереженію здоровья. Нынѣ о тѣхъ будемъ толковать, которыя особливо служатъ или къ снисканію, или къ сохраненію, или къ умноженію пожитковъ, или имѣнія.

§ 159.

Прилѣжаніемъ (Diligentia) называемъ такую добродѣтель, которая управляетъ наши дѣйствія въ трудолюбіи по предписанію закона естественнаго. *Лѣность* (Pigritia) называемъ удаленіемъ, или оставленіемъ трудовъ, къ которымъ обязаны мы по закону естественному.

Однако отъ оной лѣности, или праздности, различить мы хотимъ *ослабу*, или *отдыхъ честной и неповинной*, для того что иногда мы ежедневные труды съ честною нѣкоторою душевною ослабою на время оставляемъ для подкрѣпленія силъ, кои всегдашняго труда не могутъ снести.

§ 160.

Самодовольствіе (Sufficientia) есть праведное желаніе такого имѣнія, которое принадлежитъ къ исправленію житейскихъ только нуждъ и благопристойности. Такое желаніе, естьли превосходитъ мѣру по предписанію закона естественнаго, называется тогда *сребролюбіемъ* (Avaritia), которое есть не что иное, какъ неумѣренное желаніе собрать больше богатства, нежели какое требуется для житейскихъ нуждъ и благопристойности, и котораго не можно пріобрѣсть въ разсужденіи нашего состоянія. Естьли кто совсѣмъ не заботится о снисканіи имѣнія, тогда говоримъ, что такой человѣкъ имѣетъ *безпечность* (Incuria).

§ 161.

По сіе мѣсто вычисленныя мною добродѣтели, или пороки, принадлежатъ особливо къ снисканію имѣнія. Нынѣ, сколько можно, самымъ кратчайшимъ образомъ покажемъ, какія добродѣтели, или пороки примѣчанія достойны въ разпоряженіи имѣнія и въ издержкѣ денегъ.

§ 162.

Премногіе люди находятся, кои въ издержкѣ денегъ мѣру превосходятъ, такихъ мы называемъ *расточительными* (Prodigi); а порокъ тотъ, который превосходитъ мѣру въ расходѣ, называется *расточеніемъ* (Prodigalitas ſive opum Profuſio.) А когда кто держитъ расходъ согласно съ закономъ естественнымъ, тотъ называется *бережливымъ* (Parcus), и *бережливость* (Parſimonia) называется благоразсужденіемъ умѣренно держать расходъ. Кромѣ таковыхъ людей находятся иные, которые меньше издерживаютъ, нежели должно, или нежели пристойность требуетъ, такихъ называемъ *скупыми* (Tenaces). А самая *скупость* (Tenacitas) есть порокъ меньше издерживать, нежели требуютъ житейскія нужды, или благопристойность. Таковая скупость, естьли нѣсколько большая будетъ

детъ и стяжательнѣйшая, то именуется *гнусностїю* (Sordities).

§ 163.

Изъ подробнаго изъясненія оныхъ понятій слѣдующія выведемъ положенія:

I. Трудолюбиваго, или прилѣжнаго человѣка знаки суть почти такіе: онъ хотя и не устрашается трудовъ, однако въ трудолюбіи такую наблюдаетъ умѣренность, чтобъ излишними и такими трудами, коихъ онъ снесть не можетъ, не изнурить силъ тѣлесныхъ. Располагаетъ онъ труды согласно съ закономъ естественнымъ (§ 159), который повелѣваетъ намъ соблюдать тѣлесное здоровье, или оное потерявъ возобновлять (§ 77).

II. И такъ трудолюбивый человѣкъ, сколько для подкрѣпленія силъ довольно, столько иногда себѣ отдыху дѣлаетъ, и притомъ прилѣжно остерегается, чтобъ ему не впасть въ нечестную праздность (§ 159).

III. Трудолюбивый человѣкъ не входитъ въ гнусныя и неблагопристойные труды, но въ такіе, кои соотвѣтствуютъ его достоинству и пожиткамъ; ибо сего требуетъ законъ естественный (§ 77 пол. XVI.).

IV. Кто поистиннѣ прилѣженъ, тотъ не сребролюбивъ. Ибо хотя онъ досадные труды преодолѣвая, относитъ свои дѣйствія къ тому, чтобъ снискать имѣніе нужное для пропитанія и одѣянія пристойнаго (§ 77 пол. XIV.); однако не желаетъ большаго имѣнія, какъ требуетъ законъ естественный и здравый разумъ. Ибо свои дѣла располагаетъ онъ по за-

закону естественному (159), и потому онъ не сребролюбивъ (§ 160).

Напротивъ того удобно также можно показать примѣты и свойства лѣниваго и нерадиваго человѣка.

§ 164.

Для возбужденія прилѣжанія и для прекращенія лѣности можно способныя объявить слѣдующія обстоятельства:

I. Жить, а не хотѣть искать того, чѣмъ бы можно было прожить, есть крайнее безуміе.

II. Тѣло наше есть такого свойства, что безъ непрестаннаго движенія и трудовъ начинаетъ оно портиться, и когда соки повредятся, немощамъ подвергается, кои напослѣдокъ трудно бываетъ лечить, когда они въ жилы и во внутреннюю утробу заключатся.

III. Чѣмъ больше въ трудахъ, до наукъ касающихся, ради наученія больше, а не для забавы будешь разумъ свой изнурять, тѣмъ лучше онъ чистится и совершеннѣйшимъ становится; а безъ труда ослабѣваетъ духъ, и силы ума отъ лѣности убываютъ.

IV. Притомъ и сіе гораздо уважать надобно, что праздность отверзаетъ дверь любострастію и другимъ многимъ преужаснымъ беззаконіямъ. Ибо когда праздный человѣкъ никакого дѣла не имѣетъ, тогда ему самая продолжительность времени дѣлаетъ скуку и нерадѣніе. Для прекращенія и отогнанія такой скуки ищетъ онъ товарищества, или пируетъ, и пьянствуетъ, или, будучи одинъ, мысль и ло-

помышленія обращаетъ къ тому, въ чемъ думаетъ, какъ бы время прошло, и любострастія исполнились. Отсюда раждаются иногда расточеніе, блуды, прелюбодѣянія, воровства, грабежи, ссоры, убивства; напослѣдокъ на всякое беззаконіе, на всякое худое дѣло приводитъ праздность и лѣность.

§ 165.

Сіе сказано о прилѣжаніи и праздности. Такія уже теперь представимъ предложенія, кои принадлежатъ до изъясненія добродѣтелей и пороковъ, обыкновенно примѣчаемыхъ въ снисканіи имѣнія.

I. Кто своимъ состояніемъ доволенъ, или самодоволенъ (Sibi sufficiens), тотъ имѣнія, по щастію доставшагося, ниже презираетъ, или какъ нѣкто изъ древнихъ Философовъ сказалъ, думаетъ, что имѣніе надобно въ море бросать, ниже заботливо ищетъ онаго; а хотя и ищетъ, но столько его желаетъ, сколько потребно для удовольствія естественнаго, и сколько благопристойнымъ и честнымъ образомъ пріобрѣсть можно (§ 153).

II. Самодовольствіе (Sibi sufficientia) то въ себѣ заключаетъ, что человѣкъ, имѣя спокойную мысль, не мучится никакою боязнію о лишеніи имѣнія.

III. А хотя и лишится, не жалуется, какъ то сребролюбивый, о томъ, что лишился всей утѣхи и всей надежды; но единственно свое удовольствіе будетъ полагать въ Божіемъ промыслѣ, надъ людьми владычествующемъ и ими управляющемъ.

IV.

IV. Самодовольный (Sibi sufficiens) человѣкъ, смотря на изобильное чужое богатство, не сохнетъ, какъ стихотворецъ говоритъ, но, какое кому имѣніе раздѣлило разное щастіе, по прибавленіи того не почитаетъ онъ себя благополучнѣйшимъ, ни беднѣйшимъ послѣ ущерба.

V. Гораздо инымъ образомъ поступаетъ сребролюбивый, который, какъ находится распаленъ ненасытнымъ желаніемъ собирать имѣніе, такъ, 1) что ни дѣлаетъ, что ни помышляетъ и предпріемлетъ, все къ тому клонитъ, чтобъ всѣми силами собрать богатство, не ради своей и чужой пользы, но только чтобъ имъ владѣть. 2) Никогда одинъ не имѣетъ спокойнаго и тихаго духа; но мучитъ его желаніе, чтобъ больше имѣть, или боязнь, чтобъ не лишиться. 3) Жалуется, завидуетъ, заботится о будущемъ, боится, нерадитъ о внѣшней благопристойности и чистотѣ, и проч.

VI. Воздержный и бережливый человѣкъ не расточаетъ имѣнія, и въ соблюденіи онаго не такъ строго поступаетъ, чтобъ лучше желалъ повредить свою честь, нежели одинъ рубль издержать.

VII. Сребролюбіе ненавистнымъ дѣлаютъ какъ многія иныя обстоятельства, такъ особливо то, что сребролюбивый ненавистенъ бываетъ всѣмъ добрымъ людямъ, посмѣянія достоинъ, ни себѣ, ни другимъ людямъ добра не дѣлаетъ, развѣ по смерти.

VIII. Когда расточительный человѣкъ больше тратитъ, нежели требуетъ житейская нужда,

или

или благопристойность, то кромѣ всякаго сомнѣнія ничто такъ не приводитъ въ убожество и въ уронъ въ домостроительствѣ, какъ расточеніе имѣнія.

Одного онаго, кромѣ другихъ еще многихъ уроновъ, послѣдующихъ за расточеніемъ имѣнія, довольно будетъ *для* доказательства сего, какая гнусность и ущербъ происходитъ отъ расточенія.

§ 166.

Щедрость (Liberalitas) есть добродѣтель, дѣйствія наши управляющая въ даровании подарковъ и въ подаяніи милостыни. Естьли она нѣсколько больше будетъ, тогда называется *великолѣпіемъ* (Magnificentia.)

§ 167.

I. Щедрый и благодѣтельный человѣкъ на то себѣ данное богатство почитаетъ, чтобъ неимущимъ людямъ удѣлять изъ своего имѣнія. И потому кто щедръ, тотъ не можетъ быть сребролюбивымъ.

II. Хотя щедрый человѣкъ бываетъ не притяжателенъ и не безмѣрно скупъ, однако безразсудно не даритъ своего имѣнія, такъ чтобы по истощеніи источника милосердія напослѣдокъ самому не требовать того, что для житія нужно. Такимъ образомъ понятно тебѣ, что весьма великая разность находится между щедростію и расточеніемъ имѣнія.

III. Къ щедрости никто совершенно не обязанъ. Ибо дарить и милостыню подавать никто совершенно не обязывается, или не принуждается.

И

И такъ ты здѣсь разсматривай, что совѣтуетъ любовь и честность: 1) дѣлаешь ли ты добро другимъ людямъ, не обманываешься ли въ томъ? 2) Коимъ людямъ благодѣяніе оказать хочешь, такіе ли они находятся, коихъ можно почесть достойными благодѣтельства, т. е. кои сами себѣ и своему состоянію не могутъ пособить? Какъ надобно умѣренно и справедливо наблюдать и располагать щедрость, въ томъ вмѣсто всѣхъ правилъ служить можетъ мнѣніе Цицероново: Не такъ, говоритъ онъ, надобно запирать свое имѣніе, чтобъ щедрость не могла его отворить; и не такъ надобно отворять, чтобъ всѣмъ было оное отверсто. Умѣренность наблюдать надлежитъ и оную сравнивать съ пожитками (О должн. кн. II. гл. 15).

ГЛАВА VII.

О скромности.

§ 168.

Законъ естественный велитъ намъ искать славы и чести, и такъ не пренебрегать и того, какъ кто разсуждаетъ объ насъ. И когда основаніемъ чести есть добродѣтель (§ 85 пол. I), то такимъ же образомъ приходимъ въ честь, какимъ отверзается путь къ добродѣтели.

§ 169.

Скромность (Modestia) называется такая добродѣтель, которая въ раченіи о похвалѣ и чести располагаетъ наши помыслы и дѣла согла-

гласно съ закономъ естественнымъ. А кто похвалы и чести ищетъ такимъ образомъ, что разуму, яко вождю, слѣдуетъ, и отъ правила не отступаетъ, тотъ называется *скромнымъ* (Modestus). А когда кто ищетъ чести, которой не получаетъ и получить не можетъ, тотъ называется *честолюбивымъ* (Ambitiosus). Ибо *честолюбіе* (Ambitio) есть порокъ желать такой чести, которой недостоинъ тотъ, кто желаетъ, и получить не можетъ. А когда кто такъ подлаго и унылаго духа есть, что славу и безславіе за одно почитаетъ, и о чести, или лучше сказать, о добродѣтели, честь раждающей, не помышляетъ, тотъ называется *нечестолюбивымъ* (Inambitiosus), хотя сіе слово и не очень чисто, но для выраженія вещи весьма пристойно.

§ 170.

Скромности и скромныхъ людей знаки суть почти такіе:

I. Скромные люди въ томъ полагаютъ всѣ свои умственныя и душевныя силы, чтобъ красотою добродѣтели просіять, и какими они дарованіями украшены, оныя чтобъ ясными опытами показать другимъ людямъ и въ свѣтъ пустить, естьли когда нужда будетъ.

II. Скромные люди, всячески стараясь о добродѣтеляхъ и о красотѣ благоразумія, не такъ желаютъ отъ другихъ людей разсужденія и мнѣнія о своей добродѣтели, какъ ожидаютъ, и что ихъ не хвалятъ, то удобно сносятъ.

III. Скромный человѣкъ ни больше, ни меньше себѣ не вмѣняетъ, какъ должно, но такимъ

кимъ себя почитаетъ, каковымъ точно быть разсматриваетъ. Кто такъ поступаетъ, тотъ есть *покоренъ* (Submissus), или, какъ иные говорятъ, *смирный* (Humilis). А кто о себѣ больше думаетъ, нежели должно, тотъ называется *спѣсивымъ* (Arrogans).

IV. Изъ онаго понять можно, какіе знаки находятся честолюбивыхъ людей и честолюбія. Честолюбивый всѣхъ хотя добродѣтелей будучи обнаженъ, однако безмѣрно того единственно желаетъ и ищетъ, чтобъ другіе люди объ немъ хорошее имѣли мнѣніе.

V. Честолюбивые люди, будучи распалены излишнимъ желаніемъ славы, насильно будто отъ другихъ людей желаютъ чести, и почти хотятъ принудить ихъ къ хорошему о себѣ мнѣнію.

VI. Честолюбивые гонятся за тѣнью только славы, и не такъ за добродѣтелію, какъ за признаками добродѣтели, которые и безъ добродѣтели всякой самой худой человѣкъ получать можетъ, на пр. титулы, первое мѣсто и проч.

VII. Чтобъ въ мысляхъ другихъ людей возбудить мнѣніе о своихъ добродѣтеляхъ, обыкновенно тогда славолюбивые выхваляютъ себя и свои добродѣтели, и часто ложь о себѣ говорятъ. Въ чемъ какое находится безобразіе, показалъ я въ рѣчи о собственной хвалѣ.

VIII. Кто честолюбиваго желаетъ привесть въ здравой разумъ, тотъ ему долженъ показать, въ чемъ состоитъ истинная благопристойность, и сколь суетна, или почти никакою

кою не почитается та слава, которую иные ищутъ или въ изобилiи именiя, или въ благородствѣ своихъ предковъ, или напослѣдокъ въ прiобрѣтенiи свѣтлыхъ и красновидныхъ тишуковъ.

IX. Кто имѣетъ унылой духъ, того трудно исправить, потому что не веселитъ его никакое чувство о честности, и совсѣмъ стыдъ потерявши, разсужденiя о себѣ другихъ людей, честныяль онѣ, или худыя, за одно почитаютъ.

X. *Спѣсивый* человѣкъ, котораго не надобно мѣшать съ честолюбивымъ, когда о себѣ больше думаетъ, нежели пристойно: тогда, естьли желаешь его исправить и надмѣнность его смирить, надобно показать: 1) сколь мало, или совсѣмъ почти ничего не имѣетъ такого, чѣмъ бы онъ гордиться могъ. 2) Почему спѣсиваго приводить должно къ познанiю самаго себя и повелѣвать ему прилѣжно разсматривать тайности своего сердца, дабы онъ видѣлъ, сколь у него малыя пожитки. 3) А вопервыхъ для отложенiя надмѣнности и для оставленiя суетнаго о себѣ увѣренiя великую имѣетъ силу оное обстоятельство, естьли кому повелѣно будетъ себя сравнить съ другими людьми, кои лучше его и превосходнѣе. 4) Напослѣдокъ понеже гордому человѣку сей порокъ почти свойственъ, чтобъ другихъ людей презирать и себя гораздо нижшими почитать: то надобно показать ему, сколь есть опасное дѣло и ненависти исполненное себя предпочитать другимъ людямъ и имъ честь не воздавать такую,

кую, каковую должно оказывать достойнымъ людямъ.

ГЛАВА VIII.

О добродѣтеляхъ въ нещастiи и щастiи.

§ 171.

Понеже нещастливые случаи многихъ людей сердца такъ пречасто смущаютъ, что, будучи они изнурены и обезсилѣны, не способны бываютъ къ исполненiю прочихъ своихъ дѣлъ: то надобно въ Нравоучительной Философiи показать, какимъ образомъ можно себя оградить отъ нападенiя смутительнаго нещастiя.

§ 172.

Навыкъ производить свои дѣла въ нещастiи сходно съ закономъ естественнымъ называется *терпѣнiемъ* (Patientia), которое особливо въ томъ оказывается, естьли духъ спокоенъ и бодръ будетъ въ самомъ колебанiи горестей.

§ 173.

Въ нещастiи для спокойствiя духа, какъ другiя многiя, такъ и тѣ обстоятельства, о коихъ нынѣ будемъ говорить, великую силу имѣютъ:

I. Разсуждай, что приключившееся нещастiе принадлежитъ къ тому, чего перемѣнить не можно ни нашимъ благоразумiемъ, или другими силами. Потому всякое рыданiе и всякая печаль есть тщетная, которая мнимаго твоего приключившагося нещастiя не только не изтребляетъ

бляетъ и не укрощаетъ, но больше умножаетъ, и самъ ты свой чирей будто ногтемъ разчесываешь, или, какъ говорятъ, рану къ ранѣ прилагаешь.

II. Разумъ долженъ имѣть подробное и живое познаніе о промыслѣ Божескомъ. Ибо какъ всѣми человѣческими дѣлами, такъ и щастіемъ, или нещастіемъ, управляетъ и господствуетъ Божескій промыслъ, котораго предопредѣленіямъ естьли кто своею болѣзнію воспрепятствовать за возможное почитаетъ, тотъ явно изъявляетъ свое великое безуміе.

III. Кромѣ сего въ нещастіи для спокойствія душевнаго и то весьма сильно, естьли кто свои помышленія отъ настоящихъ горькихъ бѣдъ, обратившии къ ихъ слѣдствіямъ и выгодамъ, далеко напередъ предусматриваетъ, разсуждая сіе, что какъ и съ самымъ горькимъ лѣкарствомъ соединяется тѣлесное здоровье, такъ и отъ нещастія весьма пріятный и довольный происходитъ плодъ душѣ и тѣлу.

IV. Чтобъ сердце напередъ утвердить противъ бури смутительнаго нещастія, для сего я не знаю, есть ли что такъ способнѣе, какъ естьли за долго прежде устремившагося на насъ нещастія будемъ помышлять, какимъ лютымъ злоключеніямъ подвержена жизнь наша, и сколь бываетъ разное и перемѣнное состояніе благополучія, коимъ наслаждаемся.

Сюда-то принадлежитъ, что мы представили изъ *Терентія* въ Метафизикѣ стр. 295. Къ оному придать можно и то, что о семъ весьма изрядно говоритъ Цицеронъ: Всѣмъ людямъ,

дямъ, говоритъ онъ, во время самаго великаго благополучія надлежитъ особливо тогда въ себѣ помышлять, какимъ образомъ надобно сносить нещастіе (3 Тускул.).

§ 174.

Какъ терпѣніе для спокойствія духа превеликую въ нещастіи приноситъ помощь, такъ великодушіе въ терпѣніи бѣдствій управляетъ наши дѣйствія согласно съ закономъ естественнымъ. И такъ *великодушіе* (Fortitudo) есть добродѣтель, которая боязнь въ опасностяхъ учреждаетъ по закону естественному.

Цицеронъ такъ опредѣляетъ великодушіе: есть знаніе, какъ надобно поступать въ нещастіи, или есть свойство души, верьховному закону повинующееся въ терпѣніи безъ робости (4 Тускул.).

§ 175.

Какія предложенія о свойствѣ и способахъ великодушія представить надлежитъ, онѣ суть слѣдующія почти:

I. Кто истинно великодушенъ, тотъ безразсудно не дерзаетъ и безумно не боится. Ибо сіе противно закону естественному, который намъ велитъ жизнь свою соблюдать вседолжайше, и запрещаетъ оную подвергать опасностямъ безъ причины. По закону естественному установлено, чтобъ мы себя и свою жизнь и какое ни есть намъ имѣніе, отъ Бога данное, оберегали отъ насильнаго нападенія непріятелей. Онаго понеже часто обойти не можно безъ самой настоящей опасности живота, то явствуетъ, что тебѣ и безъ боязни и безъ отговорки должно вступать въ тѣ опасно-

сности, которыя должно по необходимости и за честное дѣло принимать.

II. Естьли кто безъ всякой нужды и не за честное дѣло подвергаетъ опасности жизнь свою, тотъ называется *смѣлымъ* (Audax). Порокъ тотъ, коимъ кто безъ нужды и безъ пристойной причины голову свою выставливаетъ на опасности, называется *смѣлостію*, или *дерзновеніемъ* безразсуднымъ (Audacia vel Temeritas).

III. Хотя человѣка съ природы робкаго едва можно ободрить, сколько бы ты ему ни представлялъ поощреній, кои бы сердце его могли побудить къ презрѣнію опасностей; однако уменьшить боязнь много можетъ сіе, естьли 1) обьявишь, что не таковая опасность находится, каковую себѣ въ разумѣ воображаетъ тотъ, кто боится. 2) естьли докажешь, что превеликая польза, похвала и слава ему произойдетъ отъ побѣжденія непріятеля. 3) Напослѣдокъ естьли ему въ разсудокъ представишь, сколько онъ обязанъ служить обществу, до благосостоянія котораго надлежитъ невредимость каждаго человѣка.

IV. Ко укрощенію смѣлости и дерзновенія безразсуднаго принадлежатъ какъ иныя премногія обстоятельства, такъ особливо и оное, въ разсужденіи котораго между *самоубійцами* (Inter Αὐτόχειρας) щитать того надлежитъ, кто безразсудно вступаетъ въ опасность, и отъ того больше безчестія, нежели славы раждается, естьли кто себѣ по своей винѣ и своему пороку получитъ бѣду, или смерть не нужную,

ную, и прочія симъ подобныя многія находятся обстоятельства.

§ 176.

Какъ въ нещастіи остерегаться намъ должно, чтобъ безмѣрно не унывать и не отчаяваться, такъ при благополучномъ состояніи смотрѣть надобно, чтобъ не возноситься съ презрѣніемъ и упрямствомъ, но удаляться отъ гордости. Добродѣтель, управляющая поступки въ благополучномъ состояніи согласно съ закономъ естественнымъ, называется *умѣренностію духа* (Moderatio animi).

§ 177.

Умѣреннаго духа способы суть такіе:

I. Помышляй, что благополучіе въ одинъ часъ можетъ обратиться въ нещастіе, которое, пока ты благополученъ, всегда или подлинно быть имѣющее, или уже настоящее представляй въ умѣ своемъ. Великодушный человѣкъ, какъ говоритъ Горацій, будучи въ щастіи, опасается перемѣннаго состоянія. Кн. II. Ода. 10.)

II. Никто такъ у другихъ людей не приходитъ въ ненависть, какъ тѣ, которые прежде изрядны были во нравахъ, а послѣ, получа правленіе и власть, перемѣняютъ оные въ благополучномъ состояніи.

III. Притомъ со всевозможнымъ прилѣжаніемъ самъ про себя разсуждай, что естьли на тебя нещастіе повѣетъ, и естьли съ высоты съ великимъ упадкомъ на низъ упадешь, всѣ люди тогда тебя будутъ имѣть въ посмѣяніи, и

и никто за прежнюю гордость не будетъ о твоей перемѣнѣ сожалѣть.

ГЛАВА IX.

О добродѣтеляхъ къ другимъ людямъ.

§ 178.

Какую любовь, говорили мы, оказывать въ должностяхъ къ другимъ людямъ, друзьямъ то есть и врагамъ, какъ всякому человѣку повелѣваетъ законъ естественный, такъ надобно нынѣ подробнѣе представить способъ для возбужденія оной любви, и умноженія, и соблюденія.

§ 179.

А для возбужденія и продолженія горячей любви къ другимъ людямъ премногіе находятся способы, изъ коихъ слѣдующіе намъ довольно представить:

I. Не можно въ томъ сомнѣваться, что чѣмъ горячѣе будешь любить другихъ людей, тѣмъ удобнѣе и сильнѣе сердца ихъ возбудишь къ благотворенію тебѣ самому и къ распространенію твоего благополучія. Ибо когда мы кого весьма усердно любимъ, то и онъ, естьли не будетъ безъ чувства и разума, весьма чувствительно трогается ко взаимной любви. Почему, любя другихъ людей, бываемъ мы благополучнѣйшими.

II. Весьма полезно для возбужденія любви къ другимъ людямъ и сіе, естьли мы отъ самыхъ

мыхъ младыхъ лѣтъ привыкнемъ со всевозможнымъ раченіемъ и недремлющимъ окомъ разсматривать похвальныя, изящныя и изрядныя дѣла другихъ людей, и безразсудно не слушать тѣхъ, кои прилѣжно примѣчаютъ все то, за что бы можно было поносить и хулить другихъ людей.

III. Поощренія къ любви въ разсужденіи другихъ людей заключаются въ извѣстномъ ономъ, и у всѣхъ въ рѣчахъ употребительномъ правилѣ: чего себѣ желаешь, то и другому дѣлай; напротивъ того чего себѣ не желаешь, того и другому не дѣлай. Вообрази себѣ, что тебя никто не любитъ; представь себѣ, что тебя такъ всѣ ненавидятъ, что всякъ, въ одномъ съ тобою обществѣ живучи, клеветами умаляетъ твою хвалу, или надъ пожитками коварства ищетъ, или надъ животомъ твоимъ яму копаетъ. Все сіе будетъ ли тебѣ пріятно? Не думаю. Почему такъ? Потому что и у другихъ людей, естьли ихъ оскорбишь, возбуждается въ сердцахъ такаяжъ чувствительность, какую въ твоей душѣ произведутъ помянутыя хулы и оскорбленія.

§ 180.

Въ должностяхъ въ разсужденіи враговъ находится добродѣтель, которую называемъ *кротостію* (Placabilitas ſive Manſuetudo).

§ 181.

Сила кротости особливо оказывается въ укрощеніи гнѣва и въ терпѣніи обидъ. Ибо кротость есть добродѣтель, которая наши поступки по закону естественному располагаетъ

гаетъ въ разсужденiи обидъ, отъ другихъ людей намъ нанесенныхъ.

§ 182.

Кроткаго человѣка знаки суть такiе почти:

I. Кроткiй и тихiй человѣкъ никому не хочетъ вредить и досадить, хотя самъ и раздраженъ будетъ.

II. Кроткiй такимъ образомъ прощаетъ, будто бы самъ онъ на всякой день грѣшитъ; также удобопреклоненъ и къ тому, кто никому, кромѣ себя, не знаетъ являть прощенiя.

III. Кроткiй не желаетъ зло за зло воздавать, т. е. не отмщеваетъ обиды. Ибо *отмщенiе* (Vltio ſive Vindicta) не что иное есть, какъ желанiе воздавать зло за зло.

IV. Кто кротокъ, тотъ есть благороднаго духа ко врагамъ. *Благородный* духъ въ томъ состоитъ, естьли кто, хотя бы могъ, но не отмщеваетъ обиды, себѣ нанесенныя.

§. 183.

Какъ многiя иныя причины могутъ сердце побудить къ кротости и тихости, такъ слѣдующiя премного приносятъ помощи для наблюденiя оной добродѣтели:

I. Разсуждай, что подлаго и малодушнаго человѣка дѣло есть сердиться за всякiя самыя легкiя обиды.

Изрядное такое мнѣнiе Сенеки: Великодушiю, говоритъ онъ, есть свойственно быть тихимъ и спокойнымъ, и обиды и озлобленiя ни во что ставить. Женское дѣло есть бѣситься въ гнѣвѣ, на подобiе подлыхъ звѣрей, кои по

по полямъ грызутъ и нападаютъ на другихъ звѣрей, предъ собою поверженныхъ.

Естьли находятся такiе люди, коихъ ты почитаешь за обидливыхъ себѣ, тогда разсуждай про себя, въ чемъ состоитъ истинная честь и въ чемъ безчестiе. Всякiя хулы и обиды, какiябъ онѣ ни были, не имѣютъ никакой силы къ умаленiю истинной чести, потому что честь утверждается на добродѣтели, которую отнять не можно.

III. Естьли обидъ снести не можешь, и оныя отмстить всячески стараешься, то ничего инаго не дѣлаешь, какъ духъ свой въ смущенiе приводишь, и недруга раздражниваешь, котораго лучше было надлежало побѣдить уступкою.

IV. Напослѣдокъ понеже всѣ неправедныя обиды справедливо считаются между нещастливыми приключенiями, то понятно тебѣ, что умѣренное обидъ терпѣнiе въ томъ же состоитъ, что, какъ мы объявили, способствуетъ къ терпѣливому сношенiю нещастiя.

§ 184.

Кромѣ сего находятся нѣкоторыя добродѣтели, кои съ должностями къ другимъ людямъ въ разсужденiи словъ и обѣщанiй тѣснымъ союзомъ соединяются, а именно, *правдивость* и *молчаливость* (Veracitas et Taciturnitas).

§ 185.

Правдивость называемъ такою добродѣтелiю, которая управляетъ слова согласно съ закономъ естественнымъ, или, когда въ словахъ находится согласiе языка съ мыслiю.

П § 186.

§ 186.

Хотя и бываютъ случаи, когда неправду говорить не только дозволяется, но и необходимо требуется, какъ о семъ выше мы доказали; однако честному человѣку не надлежитъ другихъ людей обманывать ложно, и безразсудно иное языкомъ говорить, а другое въ сердцѣ скрывать.

Сему причины суть слѣдующія:

I. Кто привыкъ лгать и другихъ людей пустыми словами неоднократно обманулъ, то естьли ложь прилѣжно усмотрѣнная окажется, поистиннѣ онъ до того дойдетъ, что никто ему не будетъ вѣрить. А потерявши довѣренность, какую пользу окажешь обществу?

Справедливо такъ говоритъ Цицеронъ: когда кто единожды клятву преступитъ (а между клятвопреступникомъ и лжецомъ нѣтъ никакой разности, потому что кто лжетъ, тотъ привыкъ клятву преступать), такому вѣрить послѣ непристойно, хотя бы онъ клялся многими богами. О К. Рабиріи Постумѣ.

II. Кто вымышленно и ложно обманываетъ другихъ людей, тотъ самъ себя безчестнымъ и подозрительнымъ дѣлаетъ, и справедливо отъ другихъ почитается за такого обманщика, съ которымъ жить вмѣстѣ и обхожденіе имѣть всеприлѣжнѣйше опасается всякъ тотъ, кто весьма любитъ доброе сердце и добронравіе.

III. Которые люди, выдумавъ коварства и лжи, обманываютъ другихъ, и тѣмъ себя тогда почитаютъ забавными и нѣсколько остроумными: то статься не можно сему, чтобъ они на всякія охотно не впадали беззаконія, которыя надѣются хитросплетенною ложью прикрыть и утаить. И такъ не представляютъ себѣ наказанія, что самое превеликой подаетъ способъ грѣшить.

§ 187.

Къ правдивости присовокупляемъ *молчаливость*, которая есть не что иное, какъ добродѣтель, управляющая дѣйствія наши въ молчаніи согласно съ закономъ естественнымъ и должностьми.

§ 188.

Оная добродѣтель, сказать не можно, сколь нуждъ въ соблюденіи товарищества, и сколь удивительную къ себѣ возбуждаетъ любовь.

I. Ничто такъ другихъ людей не привлекаетъ и не склоняетъ къ доброжелательству, какъ молчаніе; а кои, всѣ будучи въ скважинахъ, вездѣ протекаютъ, и дерзновенно болтаютъ о томъ, что имъ тайно сказано, таковые всѣхъ сердца отъ себя отвращаютъ, и нѣкоторымъ людямъ весьма часто безразсуднымъ своимъ болтовствомъ дѣлаютъ пагубу.

Изрядно говоритъ Горацій: о тайностяхъ молчать кто не можетъ, сей черенъ, сего ты, Римлянинъ! берегись. Сатир. 4 кн. 1.

II. Кромѣ сего, естьли кто обо всемъ болтаетъ, что только на умъ придетъ, тотъ часто въ безчестіе попадаетъ, болтая о томъ, что ему безчестно и о чемъ надлежало молчать ради себя, а иногда и ради общества. Отъ молчаливости надобно различать *угрюмость* (Morositas), которая состоитъ въ упрямомъ мол-

молчаніи, когда нѣкоторые то, что съ другими сообщить могли и долженствовали, такъ содержатъ въ мысли, что будто онѣмѣвшими кажутся въ дружескихъ обхожденіяхъ, которыя продолжаются въ добровольныхъ и взаимныхъ разговорахъ.

Насмѣшка и *скверησловіе* (Dicacitas et Obſcenitas) въ рѣчахъ понеже весьма вредитъ другимъ людямъ, такъ что та умаляетъ славу неповинныхъ, а сія любострастія зажигаетъ: то явствуетъ, что насмѣшекъ и скверησловій, какъ самыхъ худыхъ пороковъ, дѣлать не надобно. Кромѣ сего безмѣрно насмѣшливые люди часто себѣ получаютъ самыя вредительныя судьбы, о чемъ плодовитѣе мною доказано въ рѣчи о нещастливыхъ Сатирикахъ.

НА-

НАСТАВЛЕНІЯ ПОЛИТИЧЕСКІЯ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

§ 1.

Философія, называемая дѣйствительная, три содержитъ науки, о чемъ уже выше мы обьявили (§ 17. Лог.). *Право Естественное* толкуетъ о законахъ, по которымъ кои люди жизнь свою препровождаютъ, объ нихъ говорятъ, что *праведно* поступаютъ. Образецъ и способъ, какъ жить *честно* и согласно съ добродѣтелію, показываетъ *Этика*. А какимъ образомъ благоразумно и благопристойно всякъ свои дѣла разполагать долженъ, хотябъ онъ одинъ былъ и про себя что нибудь дѣлалъ, или хотябъ съ другими людьми обращеніе имѣлъ, о семъ, я думаю, нигдѣ справедливѣе предложить не можно, какъ въ *Политикѣ*.

§ 2.

И такъ *Политику* я называю такою наукою, которая изъясняетъ правила о благоразуміи.

Знаю я, что значеніе сего слова *Политика*, такъ обширно простирается, что разные творцы разное объ ономъ мнѣніе представляютъ.

Иные

Иные чрезъ *Политику* разумѣютъ хитрость, какъ вправду и нарочно притворяться, и нѣкоторую не знаю науку, какъ обманывать другихъ людей. И для того въ народномъ употребленіи того называютъ *Политикомъ*, кто (какъ *Кирхеръ* говоритъ о наслѣдствіяхъ кн. I. гл. IV.) лице свое соображаетъ съ склонностями всѣхъ людей, какъ на комедіяхъ дѣлаютъ шуты, со всякимъ улыбается, знаетъ иностранныя поступки и колѣнопреклоненія изрядно употреблять, правду и шутки принаравливать къ случаю, искать милости въ знатныхъ людяхъ и благосклонности отъ людей желать, со всѣми играть, пить, насмѣшки всякому дѣлать, говорить досадительныя слова, и въ позорищѣ общаго житія, хотя какъ говорятъ пристойно, т. е. притворно лице оказывать умѣетъ. А другіе въ разсужденіи начала, откуда произошло сіе слово *Политика*, въ тѣсныхъ нѣсколько предѣлахъ опредѣляютъ оное реченіе. Называютъ т. е. *Политику* такимъ благоразуміемъ, которая въ главныхъ правителяхъ общества, или въ томъ оказывается, какъ надобно править обществомъ. Они Политику раздѣляютъ на двѣ части. Одну называютъ приватною (Priuata), которая принадлежитъ къ домостроительству начальника и къ благоразумному управленію дѣлъ домашнихъ. А другую называютъ *публичною* (Publica), которая употребляется въ истолкованіи правилъ, принадлежащихъ къ правленію гражданства и къ утвержденію благосостоянія въ государствѣ. Оная часть по превосходству (καὶ ἐξοχὴν) именуется

ся *Политикою*; а то благоразуміе обыкновенно называется *Экономическихъ* (домостроительнымъ), по которому граждане въ своихъ дѣлахъ, особливо въ домостроительствѣ, бываютъ управляемы и распоряжаемы для соблюденія благополучнаго и невредимаго своего состоянія (См. Канц. въ наукахъ нравоучительныхъ стр. 1158).

§ 3.

Понеже все сіе настоящее писаніе къ тому должно принадлежать, чтобы выгодамъ юношества, свободнымъ наукамъ въ школѣ обучающагося, способствовало: то не такъ о томъ мы думаемъ нынѣ надобно стараться, чтобъ намъ изъяснить пространно благоразуміе начальниковъ о правленіи своей фамиліи и о распоряженіи общества, какъ въ томъ будемъ упражняться, чтобъ представить правила, какимъ кто слѣдовать долженъ въ приватномъ житіи и въ начинаніи дѣлъ.

§ 4.

И такъ изъ онаго понятно, что мы сіе слово *Политика* нѣсколько пространнѣе беремъ, разсуждая, что подъ тѣмъ именемъ можно разумѣть всякое благоразуміе въ поступкахъ, хотябъ оно было публичное и принадлежащее государству, или хотя бы приватное.

§ 5.

Понеже молодымъ людямъ, желающимъ наукъ и по томъ будущаго благополучія, ничто большe не приноситъ похвалы, какъ раченіе *о благопристойности*: то мы нѣчто прибавимъ объ оной *благопристойности*, и изъяснимъ о томъ, что другимъ людямъ досаду дѣлаетъ, или въ по-

почтеніи внѣшнемъ, или въ словахъ, или въ поступкахъ, или что имъ угодно, и что принадлежитъ до Политиковъ.

§ 6.

Изъ сего безъ всякой трудности понятно тебѣ, что надобно намъ вопервыхъ подробнѣе изъяснить понятіе о *благоразуміи*, которое *Политики* какъ душею почитается, и всю ее составляетъ; по томъ показать образецъ и способъ, какъ жить *благоразумно*.

ГЛАВА I.

О благоразуміи вообще разсуждаемомъ и о правилахъ благоразумія.

§ 7.

Хотя всѣ дѣйствія, въ Философіи дѣйствительной предписываемыя, должно къ тому относить, чтобъ истинное благополучіе пріобрѣсть, и пріобрѣтенное сохранить; однако находимъ, что иныя изъ тѣхъ дѣйствій другимъ образомъ показываютъ намъ путь къ благополучію.

§ 8.

Разнаго то есть свойства находятся дѣйствія. Иное есть *праведно* поступать, иное *честно*, иное напослѣдокъ показать способъ къ *благоразумнымъ* поступкамъ. *Праведно* тотъ поступаетъ, кто свои дѣла по правилу Естественнаго Права располагаетъ въ силу законовъ, хотя еще онъ волю свою и не исправилъ. *Честно* тотъ поступаетъ, кто свои внѣшнія дѣла

ла не только согласно съ закономъ производитъ, но по предводительству добродѣтели охотно и добровольно исполняетъ всякое честное дѣло и съ благополучіемъ согласное, хотябъ его къ такимъ поступкамъ ни законъ, ни сила внѣшняя не понуждала.

Естьли Кой никого не оскорбляетъ, естьли убытокъ возвращаетъ, который ближнему сдѣлалъ, тогда онъ *праведно* поступаетъ; ибо законъ его къ тому понуждаетъ. А естьли кто бѣднымъ людямъ ради одной только любви являетъ многія благодѣянія, естьли кто врага, отъ котораго весьма горько былъ оскорбленъ, въ нещастіи не оставляетъ, и ему вспомоществуетъ, и сохраняетъ его отъ самой настоящей опасности, тогда онъ *честно* поступаетъ.

§ 9.

А ктожъ *благоразумно* поступаетъ? онаго вопросу рѣшить не можно, естьли не будетъ понятно, въ чемъ состоитъ *благоразумія* внутренняя сила, образецъ и свойство.

§ 10.

Благоразуміе, какъ мы объявили, не что иное есть, какъ способность охотно и такимъ образомъ выдуманныя премудро средства употреблять на то, чтобъ получить соблюденіе нашего состоянія и внѣшнее благополучіе (§ 141 Этик.).

§ 11.

Въ ономъ опредѣленіи такія содержатся предложенія:

I. Что исполняетъ благоразуміе, то уже прежде помощію мудрости опредѣлено, или, какъ говоритъ Канцій, мудрость начертаетъ, а благоразуміе исполняетъ (въ наукахъ нравоучит. стр. 223)

II. И такъ явствуетъ, что мудрость и благоразуміе имѣютъ общій союзъ, и тѣснымъ между собою сопрягаются свойствомъ.

III. Слѣдовательно кому непонятно, что благоразуміе безъ мудрости не можетъ мѣста имѣть?

IV. Понеже мудрость есть знаніе благополучія (§ 139 Этик.), и благоразуміе безъ мудрости быть не можетъ (пол. 3.): то слѣдовательно нѣтъ никакого тамъ благоразумія, ежели оно не относится къ пріобрѣтенію и сохраненію благополучія.

V. Понеже благополучія ничѣмъ получить не можно, какъ только помощію добродѣтели (§ 44 Филос. Практ.); слѣдовательно благоразуміе на добродѣтели, какъ на основаніи, утверждается, и управляемо бываетъ по правиламъ честности, благоговѣнія и правосудія.

VI. Того ради, естьли когда бываетъ, какъ-то и пречасто сіе случается, что желаемый конецъ или есть непозволенный и правиламъ честности и правды противенъ, или нѣкакой порокъ и безчестіе имѣютъ средства, снискиваемыя и вымышляемыя для добраго и похвальнаго конца: тогда оное обстоятельство справедливѣе можно назвать *хитростію* (Astutia), нежели благоразуміемъ.

Зна-

Знатный примѣръ хитрости имѣемъ въ Сиракузскомъ ономъ монетчикѣ (банкиръ) у Циц. книг. III. гл. 14. о должн. который для полученія своего конца, то есть, чтобъ ему у молодаго богатаго и скупаго человѣка выманить деньги, употреблялъ такъ пристойныя средства, что для пріобрѣтенія желаемой прибыли ничего не могло быть способнѣе.

§ 12.

Понеже благоразуміе въ томъ состоитъ, чтобъ для полученія конца пристойные употреблять способы (§ 10); а конецъ и способныя къ его полученію средства связываются нѣкоторымъ между собою союзомъ (§. 130 Мет.): то слѣдуетъ, что благоразуміе не можетъ быть безъ способности разсматриватъ союзъ вещей; а способностію разсматривать союзъ вещей и истиннъ называется *разумъ* (Ratio) (§ 212 Мет.); слѣдовательно благоразуміе не можетъ разлучено быть отъ праваго разума.

§ 13.

Изъ многихъ средствъ, принадлежащихъ къ полученію намѣреваемаго конца, одно другаго лучше и способнѣе, и путь оно показываетъ удобнѣйшій къ нашему желанію. Слѣдовательно до благоразумія надлежитъ, не только оныя средства знать обстоятельно и между собою сравнивать, но выбирать и исполнять изъ нихъ самое лучшее и пристойнѣйшее. Оное понеже безъ разсужденія и совѣту статься не можетъ, то явствуетъ, что разсужденіе и совѣтъ есть какъ душа и единственное основаніе благоразумія.

§ 14.

§ 14.

А разсужденіе особливо того требуетъ, 1) чтобъ ты разсматривалъ, какую силу имѣетъ искомое добро. 2) Чтобъ препятствія всячески изслѣдовать и стараться объ уничтоженіи оныхъ, кои сверьхъ чаянія случиться могутъ и попортить весь совѣтъ. 3) Чтобъ разсуждать всѣ случайныя и внѣшнія обстоятельства въ разсужденіи времени, мѣста и самой вещи находящіяся, отъ коихъ произойти могутъ затрудненія и остановки. Въ такомъ случаѣ премного намъ помогаетъ собственной и чужой опытъ, или исторія, которую справедливо можно назвать учителемъ благоразумія.

§ 15.

Когда конецъ благоразумія состоитъ въ благополучіи (§ 11. пол. 4), то хотя мы здѣсь не хотимъ исключить внутреннее благополучіе, въ спокойствіи душевномъ и свѣтломъ веселіи состоящее, и пріобрѣтаемое добродѣтелію; однако благоразуміе вопервыхъ намѣреваетъ искать внѣшняго благополучія и способствовать человѣческимъ выгодамъ, какъ-то умноженію имѣнія, разпространенію чести, или пріобрѣтенію и утвержденію щастія.

§ 16.

И такъ *благоразумно* (Prudenter) свои дѣла производитъ тотъ, 1) кто оныя относитъ къ тому, чтобъ продолжить соблюденіе своего состоянія и умножить внѣшнее благополучіе. 2) Кто не только попеченіе имѣетъ о способныхъ и пристойныхъ средствахъ для полученія концовъ; но оныя такъ прилѣжно и умно употре-

требляетъ, что намѣреваемой его конецъ весьма удобно снискивается. 3) Кто видимыя иногда противныя предлежащія препятствія отвращаетъ, дабы что его въ намѣреніи не обмануло, и не возпрепятствовало благополучію усердно желаемому. 4) Кто напослѣдокъ всѣ обстоятельства за какимъ дѣломъ послѣдующія извѣдываетъ и ясно познаетъ, такъ что разсуждаетъ обо всемъ томъ, что надобно дѣлать въ оное, или другое время, въ онoмъ, или другомъ мѣстѣ, или что служитъ къ его пользѣ.

§ 17.

Безъ сомнѣнія благоразумный человѣкъ, такъ поступая, слѣдуетъ нѣкоторому правилу и законамъ, съ коими соображаетъ и управляетъ свои мысли, намѣренія и дѣйствія. Но хотя по причинѣ безконечнаго почти множества разныхъ приключающихся *обстоятельствъ* весьма трудно оныя предложить правила такимъ образомъ, чтобъ по нихъ, какъ по образцу какому, каждой человѣкъ неотмѣнно разпоряжалъ всякія свои дѣла, однако будетъ весьма полезно, главныя предписанія, по которымъ поступаютъ почти всѣ люди, благоразумно жить желающіе, изъяснить юношеству и изъ нихъ доказать, какія обстоятельства и случаи находятся во всякомъ дѣйствіи.

§ 18.

Правила о благоразуміи разумѣемъ такія, кои не такъ суть непремѣнны, какъ законы естественные, и правду и честность наблюдать не такъ повелѣваютъ, чтобъ совершенно кто могъ къ тому обязанъ быть; но въ разсужденіи

нiи свойства и точныхъ обстоятельствъ исполненнаго, или исполняемаго дѣла, могутъ онѣ подлежать такой, или другой перемѣнѣ, и способъ опредѣляютъ, какъ надобно для своей пользы поступить въ ономъ, или другомъ точномъ случаѣ.

§ 19.

Слѣдовательно какъ законы *о правдѣ* преподаваемые, и законы *о честности* въ Этикѣ изъясняемые повелѣваютъ нужное исполнять, а негодное оставлять: такъ и правила о благоразумiи, простирающiйся къ позволеннымъ только дѣйствiямъ, совѣтуютъ, или отговариваютъ тебѣ стараться о своей пользѣ и уклоняться отъ того, что по видимому вредное имѣетъ быть внѣшнему твоему состоянiю.

Когда никакое благоразумiе не можетъ быть безъ добродѣтели, безъ благоговѣнiя и правды (§ 11. пол. 5); слѣдовательно правила о благоразумiи не должны быть противныя законамъ самой природы и честности. Ибо польза, о которой онѣ совѣтуютъ, не должна истреблять честности и правды, для того что не истинная та почитается польза, которая сопряжена съ безчестiемъ, о чемъ и Цицеронъ довольно говоритъ въ кн. III. о должн.

§ 20.

Въ преподаванiи и исполненiи оныхъ о благоразумiи правилъ такой будемъ наблюдать порядокъ, что, какъ въ Правѣ Естественномъ показали мы, въ чемъ состоитъ правда, *наблюдаемая* въ должностяхъ въ разсужденiи насъ самихъ и другихъ людей; и напослѣдокъ чего требуетъ законъ естественный во владѣнiи и словахъ, такъ и нынѣ, слѣдуя непрерывно порядку главъ Права Естественнаго, изъяснимъ, чего требуетъ благоразумiе во всѣхъ упомянутыхъ обстоятельствахъ.

ГЛАВА II.

О правилахъ благоразумiя въ разсужденiи должностей къ намъ самимъ, особливо къ душѣ.

§ 21.

Которыя должности къ намъ самимъ наблюдать повелѣваетъ законъ естественный, тѣ принадлежатъ или къ душѣ, или къ тѣлу, или къ состоянiю внѣшнему. Слѣдовательно о правилахъ благоразумiя можно будетъ разсуждать такимъ же образомъ, или въ разсужденiи души, или тѣла, или состоянiя внѣшняго.

§ 22.

Когда душа человѣческая одарена способностiю познавать, или желать, или, какъ древнiе говорятъ, разумомъ и волею: то не надобно намъ пропустить правила о благоразумiи, въ исправленiи разума наблюдаемыя, которыя и всѣ прочiя удобно можно будетъ уразумѣть, естьли напередъ вмѣсто основанiя утверждено будетъ главное и общее о благоразумiи правило, которому подлежатъ прочiя, именно показывающiя, что надобно дѣлать и оставить.

§ 23.

§ 23.

По мнѣнію моему общее оное о благоразумномъ житіи правило заключается въ такомъ предложеніи: дѣлай то, что по усмотрѣнію и изчисленію въ исполняемомъ дѣлѣ всѣхъ до одного обстоятельствъ и причинъ вѣроятнѣе признаешь за угодное для твоей пользы, и оставляй то, гдѣ мѣсто, время, разстояніе, случай и другія обстоятельства умаляютъ и уничтожаютъ надежду благополучно совершать дѣло.

Лехманнъ, бывшій нѣкогда Женевской Философъ и нашъ учитель, по кончинѣ почтенія достойный, такое поставляетъ общее положеніе, безъ котораго по его мнѣнію не можно знать того, какъ надобно жить благоразумно: о чемъ нибудь внѣшнія и случайныя обстоятельства въ какой вещи, или дѣлѣ совѣтуютъ, или отговариваютъ, тогда оное надобно дѣлать, или оставить (см. его наставлен. о благораз. естествен. стр. 11.)

§ 24.

Такимъ образомъ въ разсужденіи утвержденнаго напередъ общаго онаго правила, когда тѣ люди называются *благоразумными*, кои съ нимъ согласно исполняютъ свои дѣйствія: то нынѣ точно надлежитъ разсуждать о томъ, по какимъ благоразумія правиламъ можно умъ исправлять и соображать съ пользою житейскою.

§ 25.

Во исправленіи разума, къ которому обязываемся по закону естественному, такое первое почти и самое превосходное находится о благоразуміи правило: что нибудь спомоществуетъ подробному о истиннѣ и добрѣ познанію, того ищи и о томъ старайся. Напротивъ сего что нибудь препятствуетъ оному познанію, того убѣгай и совсѣмъ уничтожай.

§ 26.

И такъ благоразумнаго человѣка дѣло есть, не такъ стараться о многоизлишнемъ такомъ знаніи, котораго часто лучше бы не знать было, какъ о твердомъ, подробномъ и основательномъ познаніи того, что знаемъ. Сіе самое Философы предлагаютъ такимъ образомъ: *знаніе напрягательное* надобно предпочитать *распространительному*, или, лучше знать не много, да твердо, нежели много, да не основательно, и такъ, что поверьхность вещей будто самыми конечными только устами ты отвѣдалъ.

§ 27.

Понеже безчисленное и многоразличное множество находится такихъ вещей, коимъ научиться и познать можно; но разумъ, малыми истинно своими будучи ограниченъ предѣлами, не постигаетъ всего и постигнуть не можетъ: то надлежитъ благоразумію выбирать такія средства, кои суть весьма способны для конца всякой вещи.

§ 28.

Слѣдовательно необходимое, т. е. такое, безъ чего не можно конца получить, должно предпочитать полезному, а полезное пріятному, такимъ почти образомъ, какъ благоразумные купцы, торговать отъѣзжаючи, не закупаютъ безъ

безъ разбору все что ни есть полезное, но что нужно. О чемъ я больше изъяснилъ въ Правѣ Естественномъ. (§ 71.)

§ 29.

Для твердаго и подробнаго объ истиннѣ и добрѣ познанія, въ коемъ заключается исправленіе разума, премного способствуетъ сіе, чтобъ порядочно все познавать и въ ученіи отъ вещей удобнѣйшихъ всегда поступать къ такимъ, которыя нѣсколько больше имѣютъ затрудненія.

§ 30.

И такъ благоразумный человѣкъ въ просвѣщеніи ума и во исправленіи разума съ превеликимъ и всевозможнымъ раченіемъ наблюдаетъ правила добропорядочества (ἐυταξίας), и что надлежитъ послѣ исполнить, того не дѣлаетъ напередъ, и по сооруженіи уже знанія не полагаетъ напослѣдокъ основанія того, которое прежде надлежало было утвердить.

Какую силу имѣетъ порядокъ, какъ во всякомъ житейскомъ состояніи, такъ особливо въ просвѣщеніи ума и въ ученіи свободныхъ наукъ, о томъ изъяснилъ *Меланхтонъ* забавными коротких словами: былъ у насъ, говоритъ онъ, нѣкто забавный человѣкъ, который въ господскую кухню по обычаю нашивалъ дрова. Онъ привыкъ съ исподи въ кострѣ брать тѣ дрова, коихъ не можно было тронуть безъ великаго труда. Когда спросили его, для чего такъ дѣлаешь? отвѣчалъ онъ: когда я самую трудную часть работы сперва совершу, то самыя верьхнія дрова удобнѣе можно будетъ трогать. Не разсудилъ онъ того, не гораздо ли бы лучше ему

ему брать все порядочно. По моему мнѣнію весьма ему кажутся подобны тѣ люди, которые, презрѣвъ оныя науки, устремляются къ вышшимъ. Почему они и трудъ въ ученіи увеличиваютъ, и все понимаютъ не по надлежащему, для того что не знаютъ еще они первоначальныхъ основаній (Въ томѣ I. своихъ избранныхъ рѣчей стр. 421).

§ 31.

Всякую вещь тѣмъ яснѣе и подробнѣе познаешь, чѣмъ чаще о томъ, чему учиться тебѣ надлежитъ, будешь въ умѣ разсматривать, и чѣмъ больше оное станешь повторить, и чтенное и слышанное, какъ пищу пережевавъ, вторично отвѣдывать: слѣдовательно до благоразумія надлежитъ, неоднократно чтенное и слышанное повторяя, дѣлать воображенія о перенятыхъ вещахъ.

§ 32.

Смотри, не начинай учиться свободнымъ наукамъ, естьли природа къ тому тебѣ склонности не дала. Лучше рукодѣліемъ питаться, нежели по неспособности твоей обучаться наукамъ, и такъ умножать число варваровъ, и безчестить ученіе, безчестить школы и достоинство учителей.

§ 33.

Того ради прежде твоего вступленія въ науки, способствующія исправленію разума, принадлежитъ до благоразумія, прилѣжно вывѣдать силы ума, и другихъ людей, могущихъ разсуждать о склонностяхъ его, призвать въ совѣтъ

и

и ихъ слушать, яко самыхъ полезныхъ наставниковъ.

Какъ не на всякомъ полѣ сѣмена безразсудно сѣешь, ежели изобильныхъ ожидаешь плодовъ, но прежде сѣянія прилѣжно вывѣдываешь всякой земли свойство и плодородіе: такъ весьма надобно испытывать умы, коихъ склонность разбирать должно, смотря на всѣ свободныя науки, такъ что иные изъ нихъ способны бываютъ къ Юриспруденціи (наука о законахъ); иные упражняются въ такихъ ученіяхъ, кои весьма имъ пристойны; иные напослѣдокъ, оставя науки, заблаговременно вступаютъ въ ремесло, которое больше плечъ, нежели мудрости, больше силы, нежели ума требуетъ.

§ 34.

Когда разныя въ душѣ человѣческой находятся способности, то совѣтуетъ благоразуміе каждую изъ нихъ исправлять и въ совершенство приводить. Не достохвально тѣ поступаютъ, кои, разруша союзъ, силы душевныя между собою связующій, единственно стараются или острить одну память, а о исправленіи разсудка нерадятъ, или разсудокъ очищаютъ, а памяти и уму тупѣть допускаютъ.

§ 35.

Но понеже душевныя дарованія, по причинѣ великаго ихъ различія, не можно купно одинакимъ раченіемъ исправить, то вопервыхъ всякое стараніе и трудъ полагать надобно во исправленіи тѣхъ, въ коихъ мы дознали весьма доброхотную природу.

§ 36.

§ 36.

И такъ понятно тебѣ, для чего по предписанію благоразумія надобно молодымъ людямъ преподавать такія науки, которыя больше требуютъ памяти, или воображенія, нежели разсудка; ибо на памяти юношеской, какъ на мягкомъ воску, удобно можно подобія о всякихъ вещахъ выразить.

Достохвально *Квинтиліанъ* какъ о семъ, такъ и о другихъ многихъ вещахъ говоритъ: отроки должны тотчасъ весьма много выучивать, и въ какія нибудь лѣта будутъ они стараться о твердой памяти, сперва надобно имъ совсѣмъ побѣдить ту скуку, чтобъ чаще повторять написанное и чтенное, и будто бы тужъ пищу пережевывать.

§ 37.

Почему до благоразумія надлежитъ, чтобъ прилѣжно въ молодыя лѣта обучаться языкамъ, Исторіи, Географіи и Стихотворству; а Философію и другія науки, остраго разсудка требующія, оставлять для совершеннѣйшихъ нѣсколько лѣтъ.

§ 38.

Благоразумный человѣкъ во исправленіи разума не гонится за пустыми тонкостями, кои для оказанія ума нѣсколько, а для пользы и благополучія житейскаго никакой не приносятъ помощи. Онъ знаетъ, что учиться надобно для жизни, а не для школы.

§ 39.

Съ благоразумнымъ порядкомъ начнешь учиться, естьли такую науку выберешь, до которой

рой чувствуешь природную въ себѣ склонность и устремленіе.

§ 40.

Между главными средствами, какъ надобно получить знаніе, обыкновенно считаются: *слушаніе*, *чтеніе* и *размышленіе* (Auditio, Lectio, Meditatio).

§ 41.

Худо тѣ о себѣ стараются, которые безъ наставленія, на свой собственной умъ надѣясь быть людьми учеными, идутъ больше къ мертвымъ учителямъ, нежели къ живымъ, и безразсудно, оставя способной случай учиться, цѣлые дни дома сидятъ надъ книгами; такихъ называютъ *самоучительными*.

Я не знаю истинно, превращаетъ ли что такъ больше, какъ оныя люди, законной порядокъ, столь нужной въ наукахъ.

Справедливо *Плиній* пишетъ: читать всегда есть случай, а слушать не всегда; почему гораздо больше, какъ люди говорятъ, живая рѣчь дѣйствительна бываетъ.

Ибо хотя и то сильно, что ты читать будешь, однако тверже въ памяти остается то, о чемъ впечатлѣетъ произношеніе, лице, состояніе и поступка говорящаго (Кн. II. письм. 3). Съ *Плиніемъ* согласуетъ *Квинтиліанъ*: хотя довольно, говоритъ онъ, примѣровъ для подражанія представляетъ чтеніе, однако довольнѣе питаетъ живая та, какъ говорятъ, рѣчь, а особливо такого учителя, котораго ученики и любятъ и почитаютъ (Книг. II. наставл. Орат. гл. 2.)

§ 42.

Но по свидѣтельству Плинія весьма и сіе нужно, у кого наипаче надобно учиться свободнымъ наукамъ. И такъ во избираніи учителей, у какихъ надобно тебѣ слушать, благоразумно поступишь, естьли у такихъ будешь обучаться, которые то, чему учатъ, изрядно и совершенно разумѣютъ; которые, имѣя дарованіе обучать, явственно умственныя понятія выражаютъ; которые все, что преподаютъ, съ крѣпкимъ и великимъ разсудкомъ отъ начала и самыхъ первыхъ причинъ берутъ и разпознаютъ; которые напослѣдокъ относятъ свои чтенія не такъ къ оказанію ума, какъ къ употребленію житейскому.

Такой нашъ учитель долженъ быть, каковаго предлагаетъ намъ Плиній по примѣру *Юлія* родителя. Ничего, онъ говоритъ, отъ сего мужа, сынъ твой не услышитъ кромѣ полезнаго, ничему такому не будетъ учиться, чего лучше было бы не знать (Кн. III. письм. 3.)

§ 43.

Смотри, не почитай того учителя самымъ лучшимъ и искреннѣйшимъ, котораго школы процвѣтаютъ множествомъ слушателей, и котораго тебѣ другіе люди весьма хвалятъ.

Ибо пречасто случается, что премногіе ученики, особливо въ Академіяхъ, слѣдуя множеству предъидущихъ, идутъ съ людьми по одинакой дорогѣ, а не разсматриваютъ того, куда надобно итти.

§ 44.

Смотри, не разбивай мысль свою на многія очень коллегіи. Часто желая познать разныя и многія вещи, ничему не научаются тѣ, кои въ скоромъ времени думаютъ научиться многому.

Изрядно *Бильфингеръ* по шести, по осьми, по десяти часовъ непрестанно ходитъ къ учителямъ, разному обучающимъ, притомъ на тотъ конецъ, чтобъ въ двухлѣтнее, или трехлѣтнее время окончить Академическое ученіе; оное все одно, какъ малолѣтнымъ дѣтямъ по трижды давать обѣдать и по трижды ужинать, чтобъ имъ скорѣе вырость. Такимъ образомъ, естьлибъ сей конецъ можно было получить, то, я думаю, Княжескія дѣти въ шестой уже годъ, и можетъ быть скорѣе, были бы великовозрастные (См. его рѣчь о главныхъ нѣкоторыхъ ученія плавилахъ, взятыхъ отъ соравненія тѣла и души стр. т. 25).

§ 45.

Не только у рачительныхъ и искусныхъ въ свободныхъ наукахъ учителей всегда тебѣ пристойно обучаться ради большаго и совершеннѣйшаго твоего познанія; но естьли тебѣ случай будетъ къ нимъ приходить, тогда съ ними обращайся дружески, и больше времени препроводи въ вопросахъ, разговорахъ и толкованіяхъ.

Никогда лучше и благоуспѣшнѣе не можно научиться, какъ естьли учитель обратится въ пріятеля.

§ 46.

§ 46.

Что касается до чтенія, сіи почти правила благоразумія могу тебѣ представить:

I. Прежде чтенія книгъ рачительно тебѣ должно разсматривать, какія именно изъ многихъ находятся самыя лучшія во всякомъ родѣ наукъ, и кои точно изъ самыхъ лучшихъ суть весьма пристойны твоему состоянію и намѣренію.

II. Чтенія убѣгай замѣшательнаго и непостояннаго (о чемъ изрядно толкуетъ *Сенека* въ письм. II).

III. Въ чтеніи книгъ какъ прочее все, такъ и рѣчь самую разсматривай. И такъ сперва тѣ читай книги, кои служатъ къ разумѣнію прочихъ.

IV. Отъ древности произшедшія книги прилѣжнѣе читай, нежели тѣ, кои напечатаны въ наши времена.

V. Въ чтеніи не очень полагайся на толкованія другихъ; но читай книгу на томъ языкѣ, на которомъ всякой писатель мысль свою изтолковалъ.

VI. Весьма скорое поспѣшеніе, какъ всегда въ иныхъ случаяхъ, такъ особливо вредитъ въ чтеніи книгъ; ибо оно силу вниманія прекращаетъ и ясному и подробному вещей познанію удивительной дѣлаетъ уронъ.

Однако похвально бываетъ иногда чтеніе, называемое *скорое* (Curſoria), которое не безъ пользы перемѣняется *съ постояннымъ* (Stataria). (См. Геснер. предисловіе, положенное напереди въ исторіи Ливіевой.)

 VII.

VII. Естьли сперва въ чтеніи найдешь какія затрудненія, смотри, не пускай изъ рукъ книги, и не называй ее темною. Естьли прилѣжаніе употребишь, тогда поймешь смыслъ, который часто въ грубинѣ скрываетъ острота сочинителева.

VIII. О которыхъ книгахъ знаешь, что онѣ добронравію вредны будутъ, такихъ въ руки не бери, и вмѣсто ихъ тѣ читай, отъ коихъ ты лучшимъ и ученѣйшимъ быть можешь.

IX. Что нибудь ты читать будешь, то повторяя, размышляя и выбирая, обращай въ твою пользу и природу. Сюда принадлежатъ оныя слова *Плинія*: немногія (читай книги), да много. Кн. VII. письм. 9)

ГЛАВА III.

О правилахъ благоразумія въ разсужденіи воли.

§ 47.

Что мы объявили о исправленіи воли въ гл. IV. Права Естеств. то принадлежитъ къ понятію сего, къ чему именно мы обязаны въ разсужденіи воли. А когда исправленію воли могутъ пособить правила благоразумія, то покажемъ, о чемъ соединяющіяся здѣсь *обстоятельства* совѣтуютъ какъ о полезномъ, а что не полезно, о томъ отговариваютъ.

§ 48.

Разумный человѣкъ какъ усердно о томъ старается, чтобъ разсмотрѣть добродѣтели и пороки къ себѣ прилѣпляющіяся, такъ особливо и о томъ печется, чтобъ *страсть*, называемую *главную* (Passionem dominantem), которая его обыкновенно безпокоитъ, печалитъ и смущаетъ, не только разсмотрѣть, но и въ такой ее привесть порядокъ, чтобъ своей пользѣ не воспрепятствовать и другимъ людямъ не привесть себя въ ненависть.

§ 49.

А чтожъ оное такое, что мы называемъ *страстію главною?* Кратко можно истолковать оный вопросъ, естьли справедливо уразумѣешь простую оную пословицу, *всякому свое пріятно* (Sua quemque trahit voluptas). Ибо хотя всѣ люди то тѣми, то другими желаніями, какъ бы вихремъ, бываютъ восхищаемы, и никого не находится таковаго, кто бы въ разныя времена не почувствовалъ силы и устремленія каждой страсти, однако иной по особливому нѣкоему, и будто бы собственному желанію, или по причинѣ лѣтъ, или ради тѣлеснаго сложенія, разною наполненнаго кровію, или ради худаго воспитанія, или другихъ ради премногихъ причинъ весьма бываетъ склоненъ, и будто по неволѣ на противное восхищаемъ.

Маіеръ въ рѣчи *о страсти главной* оную такъ опредѣляетъ: есть движеніе воли, или желающей, или убѣгающей, произшедшее отъ частаго повторенія, сему, или тому человѣку не только особенное, но и часто въ немъ оказы-

вывающееся, и надъ прочими страстьми, и потому надъ всемъ человѣкомъ власть имѣющее съ чрезвычайнымъ движенiемъ крови и жизненныхъ дыханiй, а иногда и съ погибелiю самаго человѣка сопряжённое (§ 4).

§ 50.

Такимъ образомъ понятно тебѣ, что нѣкоторые люди такъ *прiятностiю* увеселяются, и оною обдержимы такъ бываютъ, что ни о чемъ не помышляютъ и не желаютъ ничего, кромѣ того, что прiятно, и чувства сладко веселитъ. Иные *къ честолюбiю* и славѣ внутреннимъ побужденiемъ такъ возбуждаются, что верьховное благополучiе въ похвалѣ и великолѣпныхъ достоинствахъ единственно полагая, ни къ чему свои мысли не обращаютъ, какъ только къ великимъ и достохвальнымъ дѣламъ. Иные напослѣдокъ особенно стараясь собрать и прiумножить имѣнiе, отъ всякой вещи хотятъ прибыли, желая увеличить свои выгоды съ обидою другихъ людей. Первыхъ мы называемъ *сластолюбивыми*, другихъ *честолюбивыми* или *холериками*, а послѣднихъ *сребролюбивыми*, или *меланхоликами*.

О томъ же самомъ учитъ Iаковъ гл. I. ст. 14. Каждый, говоритъ онъ, искушается отъ своея похоти влекомъ и прельщаемъ.

§ 51.

Для чего мы о благоразумiи правила думаемъ всякому представить порознь, или сластолюбивому, или честолюбивому, или меланхолику, о томъ послѣ будемъ говорить, естьли прежде истолкуемъ, какъ вообще совѣтуетъ благоразумiе укрощать страсти.

§ 52.

Когда благоразумiе утверждается на добродѣтели, и безъ правды и честности быть оно не можетъ (§ 11. пол. 5); слѣдовательно, чѣмъ кто благоразумнѣе, тѣмъ исправнѣе имѣетъ волю, и больше успѣваетъ въ добродѣтели.

§. 53.

Оное понеже не можетъ статься, естьли не обуздаешь похоти, которая никакой дружбы не имѣетъ съ добродѣтелiю: то благоразумный человѣкъ стараться долженъ, чтобъ обуздать любострастiя, гнѣвъ укротить и прочiе душевные пороки отогнать.

§ 54.

А хотя худыя склонности въ одну минуту вкорень истребить не можно, однако благоразумный человѣкъ устремленiе (ὁρμὴν) и силу ихъ удерживаетъ и остерегается, чтобъ врагъ внутри коварства предъискивающiй, не вынаружился и не представилъ себя зрѣнiю въ словахъ, въ поступкахъ и въ тѣлодвиженiи замѣшательномъ и непристойномъ.

§ 55.

Вопервыхъ свойство благоразумiя требуетъ того, чтобъ ты сопротивился первымъ, внезапно къ душѣ подступающимъ движенiямъ, и не давалъ умножаться искрамъ, дабы изъ нихъ огонь не оказался.

§ 56.

Благоразумный остерегается, чтобъ чего не сдѣлать въ самомъ жару страстей. Больше онъ дѣй-

дѣйствіе до тѣхъ поръ откладываетъ, пока перестанетъ кипѣть волнующаяся отъ жару кровь, которая разумъ лишаетъ своего состоянія и препятствуетъ намѣренію.

§. 57.

Благоразумный обращаетъ всѣ страсти въ орудія добродѣтели, и хотя иногда онъ несиленъ одолѣть вожделѣнія, однако не бросаетъ копья; но, ободрившись на брань, вступаетъ въ новое сраженіе, пока въ безсиліе приведши неприятеля, будетъ побѣдителемъ.

§ 58.

Вопервыхъ благоразумный человѣкъ *главную страсть*, которая особливо надъ душею ищетъ коварства, не оказываетъ предъ другими людьми, или оную нарочно утаевая, скрываетъ для того, чтобъ по причинѣ своей слабости не отдать себя другимъ на посмѣяніе, или въ презрѣніе не притти у тѣхъ, съ коими живетъ и обращается, или чтобъ врагамъ не подать оружія, не только на тайно подъискиваемое, но и на явное разореніе своего благополучія.

§ 59.

Такую осторожность особливо тогда надобно имѣть, естьли ты себя почувствуешь нѣсколько склоннымъ къ *сластолюбію*. Оное чтобъ лучше можно было уразумѣть, то надобно намъ разсмотрѣть, въ чемъ состоитъ образъ и видъ сластолюбиваго человѣка, какія его добродѣтели, или, лучше сказать, добродѣтелей подобія, какіе пороки, погрѣшности, худые признаки; изъ всего онаго порядочно составимъ нѣкоторыя о благоразуміи правила.

§ 60.

§ 60.

Добродѣтели *сластолюбиваго*, или *многокровнаго* человѣка (Voluptuosi ſive Sanguinei), почитаются слѣдующія почти: 1) исполненъ онъ благосклонности и пріятности; 2) всячески готовъ являть услуги другимъ людямъ, до всѣхъ ласковъ и откровененъ; 3) кротокъ и скоръ на прощеніе другимъ; 4) къ милосердію склоненъ; 5) тихъ и обходителенъ по природѣ; 6) учтивъ и добродѣтеленъ; 7) не лукавитъ, не подозрѣваетъ; 8) откровеннаго сердца; 9) шутливыя у него и сладкія и забавныя слова; 10) старается угождать другимъ людямъ.

§ 61.

А пороки и худобы *сластолюбивыхъ* людей буде хочешь знать, заключаются въ слѣдующихъ словахъ: сластолюбивый есть 1) нѣсколько боязливъ; 2) удаляется отъ труда; 3) любитъ жить въ праздности, нѣженъ, великатенъ и нѣсколько уборенъ; 4) нерадивъ о деньгахъ; 5) перемѣненъ во всякомъ житіи; 6) желателенъ и скоръ оставлять любимую вещь; 7) нерачителенъ о будущемъ состояніи; 8) много намѣреваетъ въ первой разъ, а ничего не исполняетъ; 9) болтливъ и весь въ скважинахъ, вездѣ протекаетъ; 10) ласкателенъ, и по изволенію всѣхъ людей перемѣняется; 11) непостояненъ, легкомысленъ; 12) охотникъ занимать деньги; 13) обманчивъ и непостояненъ въ исполненіи обѣщаній; 14) вѣроломливъ и прочая.

Изрядно *Саллюстій* изобразилъ знаки сластолюбивой Семпроніи: оная жена, говоритъ онъ,

онъ, выучена пѣть, изрядно танцовать, какъ надлежитъ честной женщинѣ, и иному многому, что все было какъ орудіемъ къ роскоши; но ей все оное всегда любезнѣе было, нежели благопристойность и стыдливость. Не скоро бы ты разпознаълъ, денегъ ли она меньше жалѣла, или славы: любострастіе такъ въ ней зажжено, что сама чаще желала мужей, нежели ее желали. Часто прежде того вѣрность нарушала, во ввѣренномъ ей запиралась, отъ роскоши и недостатка умерла, не доживъ вѣку, однако разумъ ея нехудъ былъ; могла стихи сочинять, шутки дѣлать, слова говорить или скромныя, или нѣжныя, или продерзостныя; точно во многихъ забавныхъ рѣчахъ великая находилась пріятность (Войн. Кат. гл. XXV).

§ 62.

И такъ естьли ты ко всему выше объявленному склоннымъ себя признаешь, остерегаться надлежитъ, дабы тебѣ:

I. Умъ не употреблять на зло, или на сочиненіе ругательныхъ рѣчей о другихъ людяхъ, или на безчестныя забавы и шутки. Оное многихъ погубило и въ презрѣніе привело.

II. Удерживай стремленіе любви къ другимъ людямъ, чтобъ тебѣ не найти такихъ друзей, о которыхъ бы ты раскаявался. Сперва надобно разсуждать, по томъ любить.

III. Остерегаться надлежитъ, чтобъ тебѣ излишнею и изобильною щедростію не истощить своего имѣнія, и своимъ убыткомъ не умножить прибыль другихъ людей.

IV. Убѣгай излишняго дружескаго обхожденія. Оное особливо тогда наблюдать надобно, естьли дружбу имѣть будешь съ такими людьми, кои ниже тебя; ибо излишнее дружеское обхожденіе приводитъ въ презрѣніе.

V. Смотри всего, что въ сердце скрыто, не открывай на языкѣ. Ибо ничто больше такъ не вредитъ, какъ знать другимъ людямъ о томъ, о чемъ тебѣ надлежало было молчать.

VI. Великая сила благоразумія состоитъ въ томъ, чтобъ безразсудно не вѣрить.

VII. Что принадлежитъ до твоей должности, того не откладывай до завтра.

VIII. Что ты дѣлать намѣренъ совершенно былъ, то исполнять совѣтуетъ благоразуміе, однако такимъ образомъ, чтобъ ты въ томъ не поступалъ весьма скоро и поспѣшно.

IX. Убѣгай расточенія и долговъ. Сластолюбіе въ пищѣ и питіи укрощать надобно (См. Плин. письм. 6 кн. II).

X. Во всемъ должно тебѣ стараться о порядкѣ.

XI. Смотри, не обѣщай щедро, и другихъ въ томъ не обманывай.

XII. Убѣгать надобно тебѣ и того, что видъ одинъ имѣетъ худа.

XIII. Всевозможнымъ образомъ удаляйся отъ тѣхъ должностей, кои требуютъ строгости въ наблюденіи денегъ и въ разщетѣ прихода и расхода.

XIV. Врагамъ не объявляй своей слабости и погрѣшеній.

XV. Такъ подло не поступай ниже своей чести, чтобъ тебѣ славу и безславіе за одно почитать.

§ 63.

Но что касается *до честолюбиваго* человѣка, тотъ большими добродѣтелями, или, лучше сказать, подобіями добродѣтелей одаренъ, нежели сангвиникъ, или меланхоликъ.

§ 64.

Честолюбивой есть 1) твердъ въ намѣреніи и постояненъ; 2) молчаливъ; 3) знаетъ, что надобно въ правдѣ притворно утаить и скрыть; 4) прилѣженъ и неутомимъ во исправленіи дѣлъ; 5) имѣетъ дарованіе всякую вещь изъ своихъ причинъ выводить, и обо всемъ съ твердымъ разсудкомъ разсматривать по своимъ обстоятельствамъ; 6) не робокъ въ опасностяхъ; 7) благороднаго духа; 8) ревнивъ по добродѣтели; 9) рачителенъ о благопристойности; 10) опасенъ и осторожёнъ.

§ 65.

Пороки честолюбиваго суть сіи почти: 1) скоро разсерживается онъ и въ самыхъ малыхъ вещахъ; 2) готовъ наносить больше обиды, нежели сносить; 3) все дѣлаетъ скоро, смѣлъ, грозенъ, крѣпокъ на прощеніе другимъ людямъ; 4) завидливъ; 5) охотникъ вздорить и невговорчивъ; 6) подозрителенъ; 7) всему бы онъ простиворѣчилъ; 8) хвастливъ, суровъ и жестокъ; 9) больше любитъ правосудіе, нежели справедливость и прочая.

§ 66.

§ 66.

Оное все понеже премного дѣлаетъ урону, естьли разумъ не будетъ исправенъ по правиламъ благоразумія: то изъ оныхъ нѣкоторыя мы придадимъ, поелику всякое до души касается.

§ 67.

Кто въ себѣ великое побужденіе чувствуетъ къ славѣ, тотъ остерегается, чтобъ ему:

I. Не искать какой славы и похвалы въ подлыхъ вещахъ и никакой чести не причиняющихъ, или не гордиться великолѣпіемъ и славою своихъ предковъ.

II. Остерегаться ему надобно, чтобъ, желая подлинныхъ титуловъ, не гнаться ему за пустыми словами, или первозваніями (πρωτοκλισίας), и не скорбѣть о неполученіи ихъ, и отъ сего приключившуюся печаль не оказать другимъ людямъ.

III. Разумнаго человѣка дѣло, не хвалить другихъ людей въ глаза и не допускать того, чтобъ самаго другіе персонально хвалили.

IV. Непристойно самаго себя хвалить, или подущать, или научать другихъ людей, чтобъ насъ они хвалили, или всякимъ инымъ способомъ вывѣдывать изъ другихъ, какъ они разсуждаютъ о нашихъ добрыхъ поступкахъ.

V. Въ подлыхъ вещахъ гнѣвомъ и сердцемъ распалиться есть не очень благоразумно жить.

VI. Смотри, не вступай въ гораздо многія и важныя дѣла, кои тебѣ не въ силу, и убѣгай, какъ бы навы, *многодѣлія*.

 VII.

VII. Воздержись отъ противорѣчія, особливо тогда, естьли слова будешь мѣшать съ такими, кои тебя выше, безмѣрно не увеселяй себя мнѣніями сверьхъ чаемыми.

VIII. Никогда словами, или тѣлодвиженіемъ, или самымъ дѣломъ не изъявляй, что тебя другіе презираютъ; оное тебѣ больше вредитъ, нежели ты думаешь.

IX. Съ другими людьми, кои тебя сильнѣе и богатѣе, смотри, не осмѣливайся равняться, или ихъ превосходить въ кушаньѣ, великолѣпно и богато устроенномъ, или въ одеждахъ драгоцѣнныхъ и сосудахъ. Такаяжъ тебя постигнетъ судьба, какая случилась жабѣ, которая, подражая волу, совсѣмъ разорвалась.

X. Убѣгай упрямства, и угрюмаго и упорнаго молчанія, ради котораго въ обхожденіи дружескомъ нѣкоторые досадны бываютъ друзьямъ. Угождать надобно склонностямъ людскимъ, и съ кѣмъ обращаешься, таковъ и ты долженъ быть, естьли непротивно добродѣтели.

XI. Въ разговорахъ смотри, какъ то свойственно есть почти честолюбивымъ, не дѣлай темноты, дабы не подумали, что ты говоришь загадки, или то, какъ бы тайну какую, не скрывай, и у себя не утаевай, о чемъ всѣ люди знаютъ и говорятъ.

§ 68.

Меланхоликамъ, или сребролюбивымъ такія вмѣняются свойства, кои по видимому могутъ имѣть видъ добродѣтелей: 1) суть они воздержны; 2) трудолюбивы; 3) въ домостроительствѣ весьма рачительны о порядкѣ и чистотѣ; 4) не скоро вѣрятъ, и оное правило *вѣрь, но смотри кому* (Fide, sed cui vide) прилѣжно наблюдаютъ; 5) въ намѣреніяхъ нескоры, но медлительны въ сохраненіи себя самихъ и своихъ вещей.

§ 69.

Но многія свойства, недостохвальныя въ сребролюбивомъ, и смѣшныя представятся очамъ твоимъ. Суть они завистливы, затмительны, на обманъ готовы, немилостивы, прибыли во всемъ ищущіе, вѣроломны, суевѣрны, переметчивы (μεμψίμοιροι) и на всѣ иные пороки, естьли отъ нихъ надѣются пользы, удобопреклонны.

§ 70.

Меланхоликъ долженъ остерегаться, чтобъ

1) Другимъ людямъ не оказывать желательности къ имѣнію, и боязни въ лишеніи онаго, которою онъ внутренно мучится; ибо такимъ образомъ у другихъ людей приведетъ себя въ смѣхъ и презрѣніе.

2) Чтобъ ему ложно не обманывать другихъ; ибо ложь, когда явна будетъ, то впредь никто не повѣритъ, и почтутъ его за такого, котораго, какъ гнилой членъ, отсѣкать надобно отъ общества.

3) Чтобъ ради малаго награжденія не соображалъ свои слова съ желаніемъ и изволеніемъ другихъ людей.

4) Чтобъ излишнею угрюмостію и человѣконенавидѣніемъ не сдѣлать себя недостойнымъ человѣческаго имени.

5)

5) Должно ему остерегаться, чтобЪ не преступить правила благопристойности или вЪ одѣянiи, или вЪ другихЪ вещахЪ, кЪ домостроительству принадлежащихЪ.

ГЛАВА IV.

О благоразумiи вЪ обхожденiи.

§ 71.

Естьли мы сЪ иными людьми обращаемся, или они, сЪ коими живемЪ, суть намЪ друзья, или недруги, или ни друзья, ни недруги: вкратцѣ покажемЪ, какiя надобно о благоразумiи правила наблюдать вЪ томЪ, какЪ должно жить сЪ иными всякаго состоянiя людьми.

§ 72.

Обширнѣе простирается товарищество между тѣми людьми, кои ни друзья, ни недруги; но самое искреннее товарищество есть то, которое находится между друзьями и прiятелями.

§ 73.

Естьли осторожно и благоразумно поступить хочешь, то о другихЪ, сЪ коими тебѣ надобно жить, такЪ разсуждай, какЪ о людяхЪ, кои тебѣ повредить могутЪ.

Отсюда оное происходитЪ: *всякаго напередЪ почитать надобно худымЪ*; но сiе точно примѣчать должно вЪ разсужденiи *осторожности*; *и всякаго также напередЪ почитать надобно добрымЪ*, вЪ разсужденiи *любви*.

§ 74.

Естьли сiе будешь наблюдать, то сЪ людьми, тебѣ незнакомыми, такЪ осторожно станешь обращаться, что непристойно и скоро не пожелаешь разсуждать о всякихЪ вещахЪ, не откроешь тайности своего сердца, неосмотрительно и легкомысленно не будешь другимЪ вѣрить, отЪ чего самому себѣ не повредишь.

§ 75.

КакЪ надобно сЪ другими жить во всякомЪ состоянiи и обществѣ, сiе главное правило должно почитать, чтобЪ ты, ежели справедливо себѣ добра желаешь, во всякое время другимЪ людямЪ подавалЪ случай кЪ хорошему о тебѣ мнѣнiю, и изъявлялЪ вЪ лицѣ, словахЪ и поступкахЪ, что ты любишь доброе сердце; ибо кромѣ сего нѣтЪ другаго никакого способа для привлеченiя и склоненiя сердецЪ другихЪ людей.

§ 76.

Кои тебя выше достоинствомЪ, тѣмЪ почтенiе, какЪ можно, оказывай; но такЪ, чтобЪ ты рабскимЪ образомЪ ниже своей чести подло вЪ томЪ не поступалЪ, и не подалЪ о себѣ подозрѣнiя вЪ ласкательствѣ.

§ 77.

И такЪ всячески удаляйся отЪ того, что противно почтенiю, которое долженЪ ты дѣлать вышшимЪ людямЪ.

§ 78.

§ 78.

Съ равными такъ поступай, чтобъ ты притворнаго уничиженія и подлаго духа не оказывалъ, и выше ихъ не возносился.

§ 79.

Кои тебя ниже, съ тѣмъ будь ласковъ и привѣтливъ, а дружества берегись.

§ 80.

Объ отсутствующихъ людяхъ почтенно и осторожно разсуждай, или естьли тому препятствуютъ нѣкоторыя обстоятельства, кои случиться могутъ, тогда хотя не совсѣмъ худо.

Златое сіе правило, котораго прилѣжное наблюденіе всегда бываетъ полезно, а нерадѣніе объ немъ многимъ сдѣлало поврежденіе. Изрядно Горацій кн. 1. Сат. V. 81.

Кто отсутствующаго друга угрызаетъ
И не защищаетъ во время хулы посторонней,
Тотъ есть чоренъ и проч.

§ 81.

Убѣгай всего, что тебя можетъ привесть въ презрѣніе.

§ 82.

Никому, ктобъ онъ таковъ и чей бы ни былъ, досады не дѣлай, и смотри, чтобъ въ словахъ, поступкахъ и тѣлодвиженіяхъ твоихъ не было чего, на что бы другаго сердце могло оскорбиться.

§ 83.

Покорность являй предъ другими, сколько дозволяютъ правила честности.

§ 84.

§ 84.

Всему, что видишь, удивляться есть знакъ невѣденія, котораго и виду убѣгать есть дѣло благоразумнаго человѣка.

§ 85.

Въ почитаніи и любленіи друзей будь искренен, постояненъ и больше готовъ имъ дѣлать услуги, нежели отъ нихъ требовать, дабы не подумали, что ты прибытку ищешь отъ дружества.

§ 86.

Стыдливости, какъ превеликаго въ дружбѣ украшенія, не надобно изъ онаго изключать.

§ 87.

Естьли въ чемъ другъ противъ насъ погрѣшитъ, или намъ только кажется, что погрѣшилъ, то не надобно думать, что онъ нарочно, или по ненависти то сдѣлалъ, и все подробно разбирать не надлежитъ.

§ 88.

Естьли когда случится, какъ и часто случается, что другъ отъ добродѣтели впадаетъ въ пороки: тогда исправленіе употреблять надобно, или естьли оно не очень будетъ дѣйствительно, лучше дружбу оставлять, нежели совсѣмъ разрушать.

§ 89.

Для осторожности въ дружбѣ весьма и то дѣйствительно, дабы мы свои тайности излишно не вѣряли друзьямъ, но любили ихъ такъ, какъ бы и ненавидѣть иногда хотѣли.

§ 90.

Примирившемуся другу не скоро вѣрь.

§ 91.

§ 91.

Дружескія обхожденія безмѣрно частыя и безмѣрно пріятельскія дѣлаютъ презрѣніе.

§ 92.

Въ нещастіи друга не оставляй, и естьли когда честь и имѣніе твое умножено будетъ, не будь перемѣненъ такъ, чтобы ты пренебрегалъ старыя дружбы, а новыя больше любилъ.

§ 93.

Естьли когда случится тебѣ изъ друга сдѣлаться врагомъ, смотри, не открывай и не объявляй того, что прежде твой другъ по дружбѣ тебѣ тайно сказалъ.

§ 94.

Сердца другихъ людей отъ себя не отвращай, и никого, хотябъ самаго бѣднаго человѣка, не дѣлай себѣ врагомъ.

§ 95.

Естьли тебя ненавидятъ прочіе, не раздражай ихъ сердца и не огорчевай; но ласкою, благосклонностію, и смотря по случаю, благотвореніемъ старайся угождать противникамъ.

§ 96.

Недруга не презирай, и естьли можно, притворяйся, будто ты и не знаешь, что есть иной у тебя недругъ, съ коимъ ты ссору имѣлъ.

§ 97.

Скоропоспѣшно не поступай, но смотря по обстоятельству, послабленіе иногда дѣлай въ своей должности. Уступаючи будешь побѣдителемъ, по силѣ пословицы: *тише ѣдешь, далѣ будешь.*

§ 98.

§ 98.

Отсутствующаго недруга добродѣтели хвали предъ прочими людьми, почтенно объ нихъ разсуждай, и при случаѣ извиняй пороки его, или погрѣшенія.

§ 99.

Умысламъ непріятельскимъ преизрядно можешь воспрепятствовать, естьли ты свои намѣренія предъ ними наиприлѣжнѣйше будешь утаевать, или напротивъ ихъ усиливанія поставишь сильнѣйшихъ друзей, или, когда они сами оплошаютъ, изъ рукъ у нихъ выбьешь оружіе, на тебя приготовленное.

§ 100.

Естьли при случаѣ можешь недругу подать помощь, тогда помогай. Оное дѣло есть благороднаго духа, и много тебѣ приноситъ чести.

§ 101.

Естьли услышишь, что противники твои ложною клеветою умаляютъ твою славу, лучше молчаніемъ обиду побѣдишь, нежели воздаяніемъ взаимнаго поношенія.

ГЛАВА

ГЛАВА V.

О благоразуміи въ словахъ.

§ 102.

Когда въ дружескомъ обхожденіи и повседневномъ сожитіи разговариваемъ, тогда, слѣдуя благоразумію, какъ вождю какому, весьма надобно намъ говорить приличныя слова особамъ, мѣсту и времени.

§ 103.

Старайся такъ поступать, чтобъ о тебѣ думали, что ты всѣхъ такъ почитаешь и любишь, съ коими рѣчи сообщаешь.

§ 104.

И такъ стыдъ мужиковатой и боязливость излишнюю должно изключать изъ разговоровъ; но напротивъ сего никто и тѣхъ не хвалитъ, кои говорятъ дерзновенно, продерзостно и безстыдно; а благопристойную *смѣлость* (παῤῥησίαν) всѣ люди похваляютъ.

§ 105.

О вещахъ, изъ коихъ опасность какая произойти можетъ, не смѣло говори, или такъ, чтобъ рѣчь твою на обѣ стороны можно было понимать и толковать.

§ 106.

О себѣ самомъ, кромѣ крайней нужды, не говори; также не разговаривай и о такихъ вещахъ, которыхъ не разумѣетъ другой, съ кѣмъ ты началъ разговаривать.

Непристойно, будучи вмѣстѣ съ людьми учтивыми, представлять замысловатыя Метафизическія доказательства о вѣчности сущностей, или съ военоначальникомъ, наукъ не знающимъ, разговаривать о красотѣ Латинскаго языка.

§ 107.

Смотри, не будь такъ болтливъ и въ словахъ невоздерженъ, чтобъ ты рѣчь у всѣхъ иныхъ людей перебивалъ, и какъ бы къ себѣ перехватывалъ. Добровольно и взаимно слова говорить надобно, и въ нихъ употреблять должно общую перемѣну.

§ 108.

Иныхъ людей, съ коими ты говоришь, не перебивай въ словахъ; но какъ самъ желаешь, чтобъ тебя слушали, терпѣливно и другаго слушай, пока онъ всю рѣчь кончитъ.

§ 109.

Отъ жалобъ также и клеветъ убѣгай; ибо жалобы, какъ *Ливій* говоритъ, и въ то время не бываютъ пріятны, когда онѣ суть необходимы.

§ 110.

Истинну въ словахъ говори, но благоразумно, т. е. чтобъ истинна не принесла тебѣ никакого урону, естьли когда она представляется неблаговременно, не въ пору и не на мѣстѣ.

§ 111.

Объ истиннѣ временемъ должно умалчивать и утаевать, когда, то есть, больше она вредитъ, нежели пользуетъ.

§ 112.

Однако сей ради причины не надобно ложь защищать; ибо всегда она есть и пребываетъ безчестна, не дозволяема и ненавистна.

§ 113.

Отъ разговоровъ въ дружескомъ обхожденіи должно удалять излишнія душевныя страсти, чтобъ или гнѣвъ не разжегся, или лѣность, или другое что такое не оказалось.

Справедливо *Цицеронъ* говоритъ: когда временемъ выговоры случаются необходимы, въ коихъ можетъ быть употребить надобно сильнѣйшій голосъ, и слова важнѣйшія и строжайшія: тогда такъ надобно поступать, чтобъ не подумали объ насъ, что мы дѣлаемъ то *разсердившись*; но какъ сожиганія и смертной казни, такъ и сего наказанія рѣдко и по неволѣ употребляемъ, да и никогда почти кромѣ необходимости, естьли инаго никакого не найдется лѣкарства; однако гнѣвъ удалить надобно, съ которымъ справедливо и разсудительно ничего не можно сдѣлать. Справедливое дѣло есть, важность имѣть и гнѣвъ отгонять въ тѣхъ также спорахъ, которые бываютъ съ самыми недругами, хотя что и непристойное объ насъ слышимъ. (Кн. I. долж. гл. 38).

§ 114.

Кто благоразумно хочетъ жить съ другими людьми, такъ чтобъ любили его благоразумнѣйшіе, тотъ воздержаться долженъ отъ всякаго проклинанія и отъ словъ до божбы касающихся, свойственныхъ самымъ подлымъ людямъ.

§ 115.

§ 115.

Слова употреблять надмѣнныя, гордыя и нечистыя есть неблагопристойное дѣло и правиламъ благоразумія противное.

ГЛАВА VI.

О благопристойности въ обхожденіи.

§ 116.

Благопристойность тогда наблюдаемъ, естьли наши дѣйствія, поступки, походку, движенія, одежды и прочая съ обыкновеніемъ гражданскимъ и съ имѣніемъ учтивѣйшихъ людей такъ соображаемъ, что мы имъ нравимся.

§ 117.

Какъ объ изрядствѣ каждой вещи многоразличныя обыкновенно бываютъ людскія разсужденія, что иное у одного народа почитается за изрядное и честное, а у другаго тожъ самое имѣется за безчестное и непристойное; такъ и благопристойность чудно какъ часто перемѣняется.

§ 118.

Безчисленныя суть почти о благопристойности правила, которыя когда изъ употребленія и опыта, также и изъ подражанія тому, что видимъ въ другихъ людяхъ достохвальное, лучше перенимаются, нежели изъ многихъ правилъ: то за благо разсудилось нѣкоторыя только

ко изъ нихъ представить, которыя почитаемъ за весьма полезныя юношеству.

§ 119.

Въ стоянiи, походкѣ, сидѣнiи, лежанiи, въ лицѣ, глазахъ, и въ движенiи рукъ ничему не должно быть такому, которое бы другихъ людей приводило или въ смѣхъ, или въ презрѣнiе, или во гнѣвъ. Ничего оказывать не надобно такого, которое было бы или нѣжно и деликатно, или мужиковато и сурово.

§ 120.

Что касается до походки, смотри, чтобъ она была непритворная; ибо всякое притворство есть ненавистно.

Весьма изрядно *Цицеронъ* говоритъ: остерегаться надобно, чтобъ мы не употребляли въ походкѣ нѣжныхъ остановокъ, такъ чтобъ не подумали объ насъ, что мы подобны великолѣпiю въ помпахъ производимому, или, чтобъ мы излишней скорости не сдѣлалъ въ поспѣшномъ хожденiи, которое когда бываетъ, то дѣлаются одышки, лице перемѣняется, ротъ кривляется, отъ чего бываетъ великая примѣта, что нѣтъ въ томъ человѣкѣ постоянства. (Кн. I. о долж. гл. 36).

§ 121.

Въ одеждѣ не надобно употреблять украшенiя мужескому полу совсѣмъ непристойнаго и не надобно хвалить гнусной и излишней чистоты; довольно и того, естьли она отлична отъ мужицкаго и грубаго нерадѣнiя.

§ 122.

§ 122.

Кромѣ сего въ одеждѣ посредство есть достохвально, и благоразумный человѣкъ не перенимаетъ прежде всѣхъ разныя въ одѣянiи формы вновь выдуманныя, и не такъ онъ своеобычливъ, чтобъ откинулъ и не употреблялъ того одѣянiя, какое всѣ, или премногiе, или учтивѣйшiе только люди носятъ.

§ 123.

Лице такое должно быть, какое прилично честному человѣку. Не надобно быть ему печальному, чтобъ всегда ты плакалъ; не должно быть оно безстыдное, чтобъ всегда ты смѣялся; но при важныхъ случаяхъ надобно быть ему важному, въ забавныхъ веселому.

§ 124.

Остерегайся всякаго тѣлодвиженiя шуточнаго и непристойнаго маханiя руками; за столомъ сидя, убѣгай отъ того, что дѣлаешь брезгливость.

§ 125.

Естьли мы хотимъ изъяснить многiя и притомъ особливыя правила о благопристойности, то надобно намъ вычислить всѣ роды человѣческихъ дѣлъ и всѣ виды склонностей. Но сего весьма надолго было бы, и съ нашимъ намѣренiемъ не сходно. Представленныя нами о благора-

разуміи вѣденія и правила о благопристойности довольны могутъ быть для порядочнаго наученія юношескихъ сердецъ. Кто больше о семъ желаетъ знать, что особенно въ каждомъ дѣйствіи наблюдать надобно о благопристойности, тотъ пускай читаетъ сочиненіе Эразмово объ учтивыхъ поступкахъ.

ФИЛОСОФІИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЧАСТЬ ПОСЛѢДНЯЯ.

Наставленія

О благоразумной экономіи, или о домостроительствѣ и общежитіи.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

§ 126.

О должностяхъ, до человѣка принадлежащихъ, поелику онъ живетъ въ обществѣ рода человѣческаго, выше мы показали въ *Правѣ Естественномъ*; слѣдуетъ нынѣ намъ изъяснить въ *Правѣ Общественномъ* о его должностяхъ; поелику онъ есть *гражданинъ*, или поелику онъ живетъ *въ обществѣ гражданскомъ*. § 3. пол. VII.

§ 127.

Договоръ, для пріумноженія общаго блага по согласію многихъ людей учиненный, называется *общество* (Societas); и самое благосостояніе, до всѣхъ принадлежащее, почитается *общею пользою* (Utilitas communis).

§ 128.

А чтобъ уразумѣть силу *общества*, то мы придадимъ слѣдующія наставленія:

I. Къ сохраненію общества обязываетъ насъ законъ естественный.

Ибо человѣческая природа есть такова, что всякъ убѣгаетъ уединенія и желаетъ извѣстнаго въ жизни общества, чтобъ ему въономъ можно было съ подобными себѣ пребывать, разговаривать и обращаться. Да и всѣ вещи, до содержанія житейскаго принадлежащія, такъ трудно пріобрѣсть, что никому въ томъ участникомъ не можно быть безъ помощи другихъ людей (§ 91.) А когда всякой человѣкъ не только свое собственное, но и другихъ людей внутреннее и внѣшнее состояніе въ совершенство приводить долженъ (§ 93. пол. IV): то слѣдовательно его своя природа побуждаетъ и первый законъ естественный обязываетъ къ сохраненію нѣкотораго съ другими людьми союза для пріумноженія въ ономъ себѣ и прочимъ лучшаго благосостоянія.

II. Самое первое въ обществѣ правило есть такое: *исполняй то, что пріумножаетъ благосостояніе въ обществѣ; оставляй все то, что препятствуетъ оному.*

III. Конецъ общества состоитъ въ благосостояніи онаго.

IV. А благосостояніе общества содержится въ безпрепятственномъ разпространеніи общаго блага, сопряженными силами получаемаго.

V. Благосостояніе всего общества предпочитать надобно благосостоянію каждаго въ особенности товарища.

VI. Тамъ нѣтъ по самой справедливости никакого общества, гдѣ конецъ онаго противенъ закону естественному.

VII.

VII. Отъ общества не дозволяется отстать съ урономъ прочихъ; а естьли сіе учинено будетъ, то уронъ нанесенный надобно возвратить (§ 94. пол. XII).

VIII. Отъ общества дозволяется отстать тому, кто въ оное вступить принужденъ былъ или отъ страха, или по хитрости другихъ: ибо договоръ таковый хранить не довлѣетъ (§ 121. пол. V.)

IX. Всѣмъ товарищамъ надобно стараться о томъ, чтобъ товарища, худыми отъ нихъ поступками отличившагося, или исправить, или, естьли тому статься не можно, привесть его до такого состоянія, въ которомъ онъ не можетъ больше вредить благосостоянію своихъ товарищей; и такъ не надобно терпѣть, естьли кто изъ нихъ или будетъ нерадѣть о своемъ исправленіи, или противное тому дѣлать.

X. Всякое общество утверждается на взаимномъ дружествѣ.

Ибо всякое общество есть не что иное, какъ состояніе людей, вознамѣрившихся стараться единодушно о своей общей пользѣ (такъ опредѣляется общество). Въ чемъ когда состоитъ совершенство всѣхъ обществомъ сопряженныхъ людей: то отъ разсмотрѣнія онаго происходитъ радость, которую называютъ любовію (см. Мет. §. 238); и такъ товарищи должны взаимно другъ друга любить. Въ сей любви состоитъ дружество (§. 94); слѣдовательно всякое общество имѣетъ основаніе на взаимномъ дружествѣ.

XI.

XI. Товарища больше иностраннаго человѣка надобно почитать.

Цѣлое общество представляется какЪ бы одною особою (§ 317), но когда никто не можетЪ меня принудить кЪ тому, чтобЪ я издержалЪ для его нуждЪ такія вещи, вЪ коихЪ собственныя имѣются надобности (§ 93. пол. IV.); и такЪ никто изЪ товарищей не обязанЪ способствовать иностранному сЪ презрѣніемЪ своего товарища.

XII. Взаимныя наконецЪ вЪ цѣлыхЪ обществахЪ должности кЪ себѣ самимЪ суть одинаковыя сЪ должностями человѣческими кЪ другимЪ людямЪ.

Ибо цѣлыя общества понимать надобно на подобіе каждаго вЪ особенности лица (§ 319). Раздѣляются общества на *простыя* или *меньшія*, и *на сложенныя* или *большія*. Простыя называются тѣ, кои состоятЪ изЪ многихЪ вЪ особенности лицЪ; а сложенныя почитаются тѣ, кои составляются изЪ другихЪ обществЪ.

§ 129.

Общество простое зачинается или *для рожденія дѣтей*, или *для ихЪ воспитанія*, или для того, чтобЪ подать пропитаніе и сдѣлать взаимное вспомоществованіе: первое называется *супружественнымЪ*, или *брачнымЪ*; второе *отеческимЪ*, или *родительскимЪ*; а третіе *господственнымЪ*; а всѣ купно вЪ одномЪ словѣ *фамиліи* заключаются.

§ 130.

Общества простыя отЪ сложныхЪ не только различаются, но и особенно иногда пребывать мо-

могутЪ, какЪ явствуетЪ сЪ примѣра Патріарховѣ; изЪ чего всякому понятно, что различенныя хотя по виду общества, но по праву естественному поступающіе подаютЪ предметы различеннымЪ также наукамЪ; и когда оное такимЪ образомЪ происходитЪ, то три оныя *простыя*, или *меньшія общества* (§ 320) надобность имѣютЪ вЪ особенной также наукѣ, чтобЪ, научившись оной, жить имЪ по закону естественному.

§ 131.

И такЪ наука о правахЪ, или Jurisprudentia, прилагающая законы естественные кЪ фамиліи, содержащей три простыя общества, называется *домостроительною* (Oeconomica). Того ради показать надобно будетЪ, какія должно употребить средства и какія отвратить препятствія, чтобЪ вЪ простыхЪ обществахЪ и вЪ домѣ каждой вЪ особенности удовлетворилЪ своимЪ должностямЪ.

ГЛАВА I.

О супружественномъ обществѣ, или о должности супруговъ.

§ 132.

Общество супружественное есть общество простое, сопряженное между мужемъ и женою для дѣтородія и воспитанія онагожъ, и ради взаимнаго вспомоществованія.

Мужескій полъ въономъ обществѣ *мужемъ*, а женскій *женою*, оба вмѣстѣ называются *супругами*.

§ 133.

Отсюда удобно уразумѣешь слѣдующія положенія:

I. Бракъ дѣтородія ради сопрягается.

Намѣреніе исполнить одно только любострастіе не почитается концемъ дѣторожденія, но изключаетъ оной. И такъ несогласно съ концемъ брака, то есть съ закономъ естественнымъ, естьли одного ради только любострастія, или въ бракѣ искусившіеся, или неискусобрачные сочетаваются.

II. Бракъ сопрягается также и ради воспитанія племени.

Прижитыя дѣти, когда сами себя воспитать не въ состояніи, то другимъ людямъ должно принять на себя ихъ воспитаніе (§ 93 пол. III); но какъ нѣтъ никакой причины, для чего бы другимъ больше людямъ, нежели родителямъ приличествовало попеченіе воспитывать ихъ: и такъ довольно явствуетъ, что тѣмъ толь-

только надобно дѣтей воспитывать, которые ихъ прижили; слѣдовательно въ силу одного только брака, а не по безразборному возлежанію дѣтей надобно воспитывать.

III. Въ бракъ должно также вступать и ради взаимнаго вспомоществованія.

Ибо каждый товарищъ по силѣ своей разпространяетъ общее товарищества благополучіе (§ 328. пол. II). Того ради и супругамъ обоимъ должно всякое прилагать стараніе о пріумноженіи общаго своего и дѣтей воспитываемыхъ благополучія. Сіе взаимное трудолюбіе называется *взаимнымъ вспоможеніемъ*, (Mutuum adjutorium), въ чемъ и брака вторый конецъ состоитъ.

IV. И такъ кого природа одарила силами дѣтородія, тотъ обязанъ ко вступленію въ бракъ.

Законъ естественный всякому человѣку повелѣваетъ исполнять все то, что его состояніе дѣлаетъ совершеннѣйшимъ (§ 36. пол. VI); а всѣ люди безъ всякаго сомнѣнія принадлежатъ до совершенства вселенныя. На нихъ сія должность возложена, и такія въ нихъ отъ природы вложены поощренія, коими они возбуждаются ко всему тому, что исполнять должно. Кромѣ оныхъ поощреній побуждаетъ людей вожделѣніе умножать племя своего рода, произходящее какъ отъ единаго впредь будущаго увеселенія дѣтей, коихъ хорошая природа и любовь къ добродѣтели одобряетъ, такъ и отъ желанія безсмертной славы. Коимъ щастіе споспѣшествуетъ, тѣ и о своихъ наслѣдникахъ веселятся; потому что по кончинѣ своей жизни могутъ они оставить имъ все то, что пріобрѣли заботами и тру-

трудами. И такъ премногія находятся причины, коими Творецъ сего міра обязываетъ людей къ супружеству.

V. Во избираніи жены имѣть надобно стараніе и разсмотрѣніе частію *о душѣ*, частію *о тѣлѣ*, частію *о внѣшнемъ состояніи*. (§ 67)

Ибо когда всѣ общества основаны на взаимномъ дружествѣ (§ 38 пол. X.): то и человѣкъ, помышляющій о вступленіи въ супружество, естьли онъ дружествомъ желаетъ наслаждаться, долженъ выбирать себѣ жену таковую, въ которой всѣ находятся свойства, принадлежащія къ истинному дружеству.

VI. Непрестанно должно хранить дружество между супругами, весьма принадлежащее къ воспитанію племени.

А сохраняется оно ненарушеніемъ ложа.

VII. А чтобъ получить *благосостояніе* супружественнаго союза, то обоимъ супругамъ надобно стараться о томъ, чтобъ дѣтей какъ тѣлесною мужественностію, такъ и душевными дарованіями и добронравіемъ крѣпкими представить гражданами въ пользу государства.

Откуда тотчасъ явствуетъ, сколь республика должна стараться о томъ, чтобъ благосостояніе брачнаго союза процвѣтало.

§ 134.

И такъ естьли другой ради какой причины между мужемъ и женою сопрягается союзъ, то не почитается оный за бракъ. Того ради

I. Къ браку неспособны тѣ, кои дѣтей или прижить, или воспитать не въ состояніи, или

или по причинѣ лѣтъ, или по немощи нѣкоторой тѣлесной и душевной.

На пр. Таковые люди суть престарѣлые, которые къ исполненію двоякой той должности неспособны, также кастраты, или евнухи, и всѣ безплодные и проч.

II. Подобнымъ образомъ по закону естественному запрещается *возлежаніе*, исполняемое единаго ради любострастія.

Два вопервыхъ возлежанія рода суть гнусны и презрительны, то есть, одно *соитіе человѣка со скотами*, которое называется *содомскій грѣхъ*, а другое соитіе называется *мужеложство*. Но когда оныя преступленія совсѣмъ противны какъ натурѣ и концу брака, такъ вообще сохраненію рода человѣческаго: то и вздумать ничего не можно гнуснѣе и омерзительнѣе толикихъ беззаконій.

III. Также и всѣ другія соитія внѣ брака, да и всякое злоупотребленіе дѣтородныхъ удъ для одного только любострастія; словомъ сказать, всякая неограниченная и необузданная *похоть* есть противна закону Божественному и естественному. Повторить надобно здѣсь и то, что выше упомянуто въ § 154 и 158 *о чистотѣ и похотѣніи*.

§ 135.

Договоръ, по которому въ бракъ вступаютъ, называется *брачнымъ*, отъ котораго можно различить *сговоры*, то есть договоръ и взаимное обѣщаніе о союзѣ супружественномъ, или о сопряженіи брака. Начало исполненнаго уже договора брачнаго (первое на ложе вступленіе) на-

называется *свадьбою* (Nuptiae); которые сдѣлали сговоры, таковые прежде свадьбы называются *обрученными*; и такъ *женихъ* и *невѣста*, сопряженные свадьбою, именуются супругами, въ точномъ разумѣ называемые *мужъ* и *жена* (§ 323).

§ 136.

Изъ оныхъ опредѣленій слѣдующія произходятъ положенія:

I. По совершеніи сговоровъ надобно совершить и бракъ.

Въ сопряженіи браковъ первое надобно имѣть попеченіе о томъ, находится ли въ сопрягающихъ, или въ бракосочетаваемыхъ лицахъ такое свойство и такое состояніе, чтобъ взаимная между ими любовь и сердецъ согласіе могло долговременно пребывать. На сей конецъ и о слѣдующемъ должно разсуждать, въ состояніи ли оба супруги пріобрѣсть все принадлежащее для житейской нужды, благопристойности и удовольствія. Кто сіе на память приводитъ, тому не безъизвѣстно будетъ столь многихъ супруговъ неблагополучіе, тѣмъ извѣстнѣе имѣющее открыться, когда по нѣкоторымъ обманчивымъ и ложнымъ увѣреніямъ ошибается другая сторона.

II. Бракъ не по нуждѣ и не съ принужденія должно совершать, естьли сговоры съ тѣмъ были кончены, что которая нибудь сторона къ согласію склонена, или по нѣкоторой хитрости, или отъ страха, или для другихъ недозволенныхъ условій и никогда въ исполненіе притти не имѣющихъ.

Ибо

Ибо когда договоръ, насильно исторгнутый, или по нѣкоторой хитрости учиненный, хранить не должно (§ 121 пол. VI): то и союзъ, по несправедливому договору совершаемый, не можетъ произвесть права и обязательства, принадлежащаго до союзнаго сожитія.

III. Бракъ совершается по взаимному согласію мужа и жены.

Ибо бракъ есть договоръ; а всякой договоръ совершенъ бываетъ взаимнымъ согласіемъ (§ 121. пол. III.)

§ 137.

Бракъ, между двумя только лицами въ одно время сопряженный, вообще называется *единобрачіемъ*, а между многими лицами *многобрачіемъ*. И такъ естьли будутъ *двѣ жены*, или *больше*, которыя съ однимъ мужемъ хранятъ нѣкоторой бракъ: то въ особенности оной называется *двуженствомъ*, или *многоженствомъ*; а естьли будутъ *два мужа*, или *больше*, которые съ одною женою живутъ въ супружествѣ, таковый бракъ именуется *двумужествомъ* и *многомужествомъ*.

§ 138.

О единобрачіи слѣдующія надобно тебѣ знать положенія:

I. Когда единобрачіе одно только согласно съ Божескими совѣтами; а другой видъ многобрачія никакъ съ оными несходственъ: то оно единственно предпочитается всѣмъ прочимъ брака видамъ.

Когда отъ многомужества самая природа отвращается; а притомъ и многоженство имѣетъ

етъ многія невыгоды; но какъ въ бракъ вступаютъ для самаго тѣснаго соединенія, то есть для взаимнаго во всѣхъ житейскихъ случаяхъ вспоможенія, изъ чего раждается всякое житейское содружество: и такъ одно только единобрачіе по самому опыту и здравому разсудку почитается пристойнѣе къ полученію первоначальнаго конца въ союзѣ супружественномъ.

II. У всякаго мужа своя жена и у всякой жены свой мужъ долженъ быть.

Ибо для мужа, дѣторожденія способностію одареннаго, когда довольно и одной жены, и жена также не больше одного мужа имѣть должна (§ 318 пол. XI); также хотя съ женою и много дѣтей будетъ прижито, коихъ воспитывать должны родители (§ 324 пол. II); однако непристойно жениться на многихъ женахъ.

§ 139.

Кто соитіе имѣетъ съ другою незаконною супругою, то есть, дѣлаетъ прелюбодѣйство, тотъ по договору противное исполняетъ (§ 323). А когда супруга противъ договору супружественнаго съ другимъ сживается, то дѣлаетъ прелюбодѣйство; ибо *прелюбодѣйство* есть соитіе съ мужнею женою. Въ такомъ преступленіи кто виновенъ, тотъ *прелюбодѣемъ*, а виновница въ томъ же почитается *прелюбодѣйцею*. И такъ

I. Прелюбодѣи и прелюбодѣйцы преступаютъ законъ естественный.

Ибо договоръ супружественный есть такого свойства, что закону естественному весьма оно

оно согласно, а противное тому возлежаніе почитается неправеднымъ, и данное супружественное обѣщаніе нарушаетъ.

II. Бракъ нарушается прелюбодѣйствомъ.

Ибо никто не дѣлаетъ договора съ другимъ, развѣ съ тѣмъ, чтобъ исполнить обѣщаніе (§ 120). Невинная сторона никакъ не обязуется къ исполненію обѣщанія своего. Кромѣ сего теряетъ мужъ уваженіе свое предъ женою, естьли онъ гнуснымъ себя окажетъ передъ нею въ прелюбодѣяніи. Напротивъ того и жена, естьли дѣло имѣть будетъ съ другими, то причину подастъ другимъ презирать себя. Естьли она отъ инаго понесетъ, то не только на мужа слагаетъ бремя воспитывать чужое племя, но и законнымъ дѣтямъ уменьшаетъ часть наслѣдственную, да и притомъ препятствуетъ употребить довольное иждивеніе для ихъ воспитанія.

III. Кто жену прелюбодѣйную не покидаетъ, о томъ можно сказать, что онъ въ другой бракъ вступилъ.

§ 140.

Какъ прелюбодѣйство нарушаетъ обѣщаніе супружественное, такъ и оставленіе и презрѣніе онаго, происходящее отъ злобы, которое истребляетъ всѣ супружественныя должности, намѣренію супружества (§ 323) совсѣмъ противно. Откуда по самой справедливости слѣдуетъ:

I. Когда отъ злобнаго намѣренія учинено будетъ таковое брака нарушеніе, то неповинной же-

женѣ можно, или дозволяется вступить въ другой бракъ.

Изъ свойства самаго договора ясно, что крѣпко надобно хранить обѣщаніе (§ 119 пол. III). А супругъ другому супругу, какъ законному, обязанъ исполнять всѣ должности, принадлежащія къ намѣренію супружества (§ 323). И такъ естьли одинъ изъ супруговъ сему концу не будетъ согласовать, то другой не обязанъ больше соблюдать супружественныя должности.

II. Естьли также другихъ ради причинъ, какъ на пр. отъ несносныхъ поступокъ иногда разрушается бракъ: то причины оныя столь важны должны быть, сколь сильно прелюбодѣяніе и злобственное оставленіе.

Бракъ разрушается *разводомъ*, который состоитъ въ разрушеніи брака при живыхъ супружникахъ; однако безчисленныя худыя слѣдствія изъ того въ разсужденіи общества произойти могли бы, естьлибъ дозволено было въ супружество, или на время только нѣкоторое вступать, или оныя уже сопряженныя оставлять вовсе по своей волѣ. И такъ супружество неотмѣняемое всегда полезно, котораго и нарушать не должно, развѣ по смерти одного супруга.

§ 141.

Отъ законныхъ женъ разнствуютъ *наложницы*. А *наложничество* состоитъ въ томъ, когда мужъ кромѣ своей жены присоединяетъ себѣ другихъ многихъ ради одного только любострастнаго соитія. И такъ наложничество есть

есть видъ многоженства (§ 137); такъ между свободнымъ человѣкомъ и рабою называется *наложничество*, а не *бракъ*. Въ общемъ обхожденіи таковое мужа и жены сообщеніе подаетъ и заключаетъ въ себѣ знакъ гнусности.

§ 142.

Изъ того, что мы говорили о наложницахъ, явствуетъ, что

I. Наложницы сожитіемъ своихъ мужей хотя и пользуются по нѣкоторому договору, однако не имѣютъ правъ законной жены.

II. Кто внѣ брака дѣтей приживаетъ, тотъ обязанъ ихъ воспитывать (§ 133. пол. II.).

И для того та женщина, съ которою кто по закону непозволенное имѣлъ соитіе, естьли не въ состояніи будетъ пособить своимъ иждивеніемъ въ воспитаніи дѣтей, то непремѣнно должно ему на ней жениться.

§ 143.

Бываютъ также и *потаенные браки*, которые хотя Праву Естественному и не противны, однако въ томъ никакъ не споримъ, что законамъ они гражданскимъ, премудро уставленнымъ, не сообразны.

§ 144.

Приступаемъ говорить о свойствѣ, коими всѣ рожденные люди сопряжены. Супруги, которые дѣтей прижили, называются *родителями*, а коихъ они породили, *дѣтьми*. Отъ однихъ родителей порожденные раздѣляются на *сестеръ*, кои суть женска пола, и на *братій* мужеска пола. Отсюда производитъ новый вопросъ: повелѣваетъ ли законъ естественный имѣть

разсмотрѣніе въ свойствѣ и въ кровномъ родствѣ? Что касается до бракосочетанія родителей съ дѣтьми, то мерзское оное смѣшеніе, противное природѣ человѣческой давно издревле всѣ называютъ *кровосмѣшеніемъ* во всѣхъ народахъ. А братьямъ съ сестрами вступать въ супружества, какъ вещь самую непотребную, запрещаетъ законъ естественный, особливо въ нынѣшнее время, въ которое родъ человѣческой по всему свѣту разсѣянъ. Да и удобно можно видѣть, коликія бы оттуда произошли нечистоты, естьли бы людямъ, отъ однихъ родителей рожденымъ, не запрещали таковыхъ бракосочетаній (См. Пуффендорфа о Правѣ Естест. и Народномъ кн. IV. гл. 1.) А которые у насъ прочіе *степени бракосочетанія по прямой и косвенной линіи* дозволены и запрещены, о томъ кто желаетъ знать, пускай читаетъ *Кормчую Книгу*.

Степень есть разстояніе сродниковъ взаимно между собою въ сопряженіи крови. А *линія* есть порядокъ въ лицахъ, отъ общаго поколѣнія происходящихъ. И есть она 1) или *прямая*, которая содержитъ родителей и дѣтей; и естьли она отъ дѣтей къ родителямъ простирается, *восходящая*, а противнымъ образомъ, *снизходящая* называется; 2) или *косвенная*, которая содержитъ побочныхъ сродниковъ.

§ 145.

И по изъясненіи и по опредѣленіи брака удобно можно уразумѣть, какія должности надобно хранить супругамъ взаимно къ себѣ, а имянно:

I. Оба супруги одинъ другаго должны любить какъ самаго себя (§ 93. пол V), такъ чтобъ мужъ предпочиталъ благосостояніе жены, а жена благосостояніе мужа всякихъ прочихъ людей благосостоянію, каковымъ бы то образомъ ни было (§ 128. пол. XI).

Воспаляется взаимная любовь, естьли оба супруги остроумно будутъ разсматривать одинъ другаго дарованія душевныя, тѣлесныя и до благополучія касающіяся, и прилѣжно помышлять будутъ, какія оттуда своему сожитію, или лучше сказать, своему лицу происходятъ выгоды (§ 239 Мет). Взаимной сей любви признаки естьли постоянно предъ собою оказываютъ супруги, то и дѣти также, кои другимъ должны подражать съ младыхъ ногтей, привыкаютъ къ любви родителей такъ, что привычка обращается въ природу.

II. Ни который изъ супруговъ не долженъ имѣть соитія съ третьимъ, но паче супружественнаго сопряженія, по которому они взаимное между собою дали обѣщаніе, союзъ неразрушимый одинъ предъ другимъ свято хранить долженъ.

Ибо надобно крѣпко стоять въ данномъ обѣщаніи (§ 119. пол. III).

III. Обоимъ супругамъ должно пріумножать по возможности свое домостроительство, и такъ въ оное благоразумно входить надобно, что весьма ему способствуетъ.

Ибо когда жены частію временемъ, въ которое онѣ бываютъ чреваты; частію, когда о дѣтяхъ рожденныхъ имѣютъ попеченіе, столь

многими обязаны заботами, что пропитанія себѣ пріобрѣсть не вѣ состояніи: то вѣ такомѣ случаѣ мужѣ долженѣ промыслить оное, а жена хорошо разпоряжать своимѣ домостроительствомѣ.

IV. Но дабы не подать случая кѣ непрестаннымѣ ссорамѣ вѣ томѣ точно, чей лучше будетѣ совѣтѣ: то мужѣ долженѣ повелѣвать и приказывать, что надобно дѣлать, а жена должна повиноваться, хотябѣ она и могла мужа ошибающагося поправить, или увѣщевать, но только сѣ нѣкоторымѣ совѣтомѣ, а не сѣ повелѣніемѣ.

Ибо когда уже давно во всѣхѣ странахѣ принято, что мужѣ на себя пріемлетѣ иго питать жену и дѣтей, сѣ нею прижитыхѣ, слѣдовательно и всю фамилію (пол. III); и такѣ на оное обыкновеніе самѣ про себя и тотѣ соглашуетѣ, кто вѣ бракѣ вступилѣ: то по сему вторичному договору и оттуда происходящему обязательству выходитѣ также право, до мужа принадлежащее, доставлять все то нужное женѣ и дѣтямѣ, и по томѣ всей фамиліи. И такѣ равномѣрно явствуетѣ, что и сама жена обязана оказывать мужу повиновеніе и почитаніе, только бы онѣ надлежащимѣ образомѣ исправлялѣ свою должность.

V. И такѣ когда мужу надобно слушать совѣта женнинаго (пол. IV.), то кроткими и ласковыми словами долженѣ онѣ приказывать женѣ своей о всѣхѣ хорошихѣ, исполненія достойныхѣ дѣлахѣ. Впрочемѣ естьли онѣ и ничего вѣ томѣ не успѣетѣ, то своеобычливую жену надлежитѣ исправлять и уговаривать пристойными средствами (§ 128. пол. IX).

Однако слова оныя надлежатѣ также и до мужей, которые не имѣютѣ попеченія о домостроительствѣ, и стремленіемѣ страстей будучи возхищены, нарушаютѣ дружбу и благосостояніе супружества.

VI. И такѣ естьли оба супруги взаимную кѣ себѣ оказываютѣ любовь, то вѣ такомѣ случаѣ ни тотѣ, ни другой изѣ нихѣ не желаетѣ того, что не нравится другому.

И потому безпрекословно слушаетѣ жена мужа, и онѣ взаимно слѣдуетѣ охотно здравому ея вѣ чемѣ нибудь совѣту. И такѣ отѣ взаимной любви раждается взаимное сердецѣ согласіе, что оба супруги желаютѣ и отвращаются отѣ одной и той же вещи. Потому когда оба они на одно согласны, то ни которой изѣ нихѣ не причиняетѣ другому скуки. Наконецѣ взаимною любовію и согласіемѣ отдаляется вѣ супружествахѣ всякое неблагополучіе и сохраняется одно только благополучное состояніе.

VII. Когда одинѣ изѣ нихѣ умретѣ, то взаимной любви, брачнымѣ союзомѣ ограниченной, (§ 91) должность требуетѣ того, чтобѣ вѣ живыхѣ оставшемуся такую оставить изѣ имѣнія своего часть, которая служитѣ кѣ обстоятельному жизни его продолженію.

ГЛАВА II.

О союзѣ родительскомъ, или о должностяхъ родителей и дѣтей.

§ 146.

Изъ супружественнаго союза произходитъ по большой части порядочнымъ и естественнымъ образомъ новое общество, которое вообще называется *родительскимъ*; и есть общество простое, находящееся между родителями и дѣтьми, относящееся къ ихъ воспитанію.

§ 147.

Воспитаніе дѣтей, къ которому родители обязаны по правилу супружества (§ 132), содержитъ въ себѣ *пропитаніе* и *управленіе*. *Первое*, которое родители должны оказывать дѣтямъ, въ томъ состоитъ, чтобъ они показали дѣтямъ таковыя къ благополучію *средства*, къ пріобрѣтенію которыхъ силы ихъ еще не находятся довольными. А *второе*, то есть *управленіе*, по которому промышляютъ родители о дѣтяхъ, состоитъ въ томъ, чтобъ разпоряженіе было благоразумное и попечительное въ тѣхъ *дѣйствіяхъ*, которыя нужны дѣтямъ къ благополучію.

§ 148.

Къ *средствамъ*, на которыхъ имѣетъ основаніе совершенство дѣтей, принадлежатъ 1) *пища и одѣяніе*, которое тѣлу доставляетъ здравіе и приращеніе, и отъ стужи и болѣзней охраняетъ. 2) Попеченіе не только *о силахъ тѣлесныхъ*, но и о *цѣлости членовъ*, отъ которой въ ономъ свѣтѣ зависитъ большая часть благополучія.

§ 149.

А *дѣйствія*, дѣтямъ пріумножающія благополучіе, состоятъ въ томъ:

1) Чтобъ дѣтей родители со всевозможнымъ стараніемъ приводили такъ къ просвѣщенію разума, и вопервыхъ, чтобъ ихъ заблаговременно увѣряли о бытіи Божественнаго Существа и всевышнихъ Его совершенствахъ, и тѣмъ самимъ какъбы за руку ихъ схватя, приводили къ любви и почитанію Онаго; ибо весьма полезно съ младыхъ лѣтъ къ сему привыкать, и такъ познанію Божественнаго Существа научаться заблаговременно. Почему больше наблюдать будутъ должности и къ другимъ людямъ всѣ увѣрившіеся о томъ, что онѣ согласны и съ Божественною волею, нежели тѣ, коихъ къ тому ведетъ одно только разсужденіе о выгодѣ и пользѣ, не весьма часто оказывающееся.

2) Чтобъ дѣти скоро привыкали и достигли къ такому роду жизни, въ которомъ могли бы они честнымъ и позволительнымъ образомъ не токмо о сохраненіи самихъ себя помышлять, но и общее для другихъ людей пріумножать благо; ибо кто о семъ будетъ не радѣть, то надобно объ немъ думать, что не наблюдаетъ онъ должностей, какъ въ разсужденіи дѣтей, такъ и другихъ людей.

3) Чтобъ дѣтскіе поступки такъ исправлять, дабы не были они самимъ себѣ и другимъ людямъ досадны, вредны и несносны.

Весь-

Весьма важную *Квинтиліанъ* о семъ состояніи приноситъ жалобу слѣдующую: О когда бы не сами развращали поступки нашихъ дѣтей! Младенчество тотчасъ мы забавными увеселеніями разслабляемъ; нѣжное оное воспитаніе, которое называемъ поблажкою, ослабляетъ всѣ силы душевныя и тѣлесныя. Пришедши въ совершенный возрастъ, чего не будетъ желать тотъ, кто въ порфирахъ ползаетъ?.. Радуемся о томъ, естьли что скажетъ онъ весьма свободно и своевольно; слова ихъ мы пріемлемъ со смѣхомъ и лобзаніемъ, коихъ не можно допустить и на Александрійскихъ увеселеніяхъ. И не удивительно, мы обучили, отъ насъ они слышали, научаются сему они бѣдные прежде, нежели узнаютъ, въ чемъ состоятъ пороки и прочая. (См. Наставленія Ораторическія, кн. II 2.)

§ 150.

Право, которое имѣютъ родители, по своему произволенію учреждать, или разпоряжать дѣйствія своихъ дѣтей, называется *властію родительскою*, и дѣти называются *малолѣтными*, пока они состоятъ подъ властію родительскою, а *великовозрастными*, какъ скоро изъ оной выдутъ.

§ 151.

Слѣдуетъ намъ разсмотрѣть, какое надобно хранить обязательство дѣтямъ къ своимъ родителямъ. Оно состоитъ какъ въ *повиновеніи*, которое есть не что иное, какъ скорая охота исполнять повелѣнія: такъ и въ *почитаніи*, которое есть такое попеченіе, что дѣти опасаются что нибудь сдѣлать неугодное и противное въ присутствіи своихъ родителей.

§ 152.

Изъ вышепомянутыхъ опредѣленій выходятъ слѣдующія положенія:

I. Должны родители не только пропитаніе и одѣяніе доставлять дѣтямъ, но и дѣйствія ихъ разпоряжать, къ извѣстному также роду жизни ихъ опредѣлять и къ тому пріуготовлять.

Ибо когда дѣти сами себѣ пищи и одѣянія промыслить не знаютъ, и не въ состояніи они дѣйствія свои учреждать по правилу закона естественнаго: и такъ родители, хотя воспитать дѣтей своихъ, обязаны для нихъ все то дѣлать, въ чемъ они сами для себя не въ состояніи удовлетворить своей должности (§. 133 пол. II.).

II. Должны родители приказывать дѣтямъ, что имъ надобно исполнять и чего убѣгать.

Но какъ родителямъ ничего не можно приказывать, кромѣ того, что согласно съ закономъ естественнымъ, то въ противномъ случаѣ повелѣнія ихъ слушать не надлежитъ.

III. Родителямъ приличествуетъ право 1) наказывать слегка дѣтей своихъ; 2) а упрямыхъ изъ дому выгонять, или наслѣдія лишать.

Дѣти родителямъ должны оказывать повиновеніе (§ 151), но самымъ опытомъ дознано, что своевольныя дѣти часто или повелѣнія не слушаютъ, или услышаннаго не исполняютъ. И естьли уже по частомъ увѣщаніи не льзя ихъ слегка наказывать, то никогда отъ нихъ повиновенія не будетъ, которое для воспитанія весьма нужно. Однако иногда и то слу-

случается, что дѣти хотя и жестоко будутъ наказаны, никакого не оказываютъ къ родителямъ почтенія, и все крѣпкое обязательство съ себя свергаютъ, и къ полученію того, что принадлежитъ до воспитанія (§ 147-149), всю надежду отъемлютъ. И такъ безъ всякаго надѣянія, когда уже намѣреваемый конецъ воспитанія пропадаетъ, то и все также къ дѣтямъ пропадаетъ обязательство. Почему въ такомъ случаѣ можно родителямъ поступать съ дѣтьми такъ, какъ бы съ чужимъ человѣкомъ, къ которому они никакого не имѣютъ обязательства.

IV. Пока дѣти находятся подъ властію родительскою и довольствуются еще ихъ пропитаніемъ, не можно имъ ничего начать безъ согласія родительскаго, о которомъ прежде разсуждать надлежитъ, естьли къ несогласію не будетъ законной причины.

На пр. другому себя обязать, въ бракъ вступить, выступить изъ фамиліи, или изъ рода, и прочая.

V. Дѣти находятся подъ властію родительскою до тѣхъ поръ, пока они не знаютъ сами себѣ промышлять о житейскихъ нуждахъ и свои дѣйствія разпоряжать согласно съ закономъ естественнымъ.

VI. Дѣти должны благодарное сердце имѣть къ своимъ родителямъ, ихъ любить, бояться, почитать и имъ повиноваться.

VII. И такъ родители когда не знаютъ, сколь близко послѣдній наступаетъ день, то и о

о сохраненіи также своего имѣнія для сего необходимаго случая должны они заблаговременно помышлять и пещися.

А естьли родители прежде жизнь свою кончатъ, нежели воспитаніе совершено будетъ: то должны они таковую для дѣтей оставить изъ пожитковъ своихъ часть, которая нужна къ продолженію такого ихъ состоянія, чтобъ они въ состояніи были и сами себѣ промыслить пищу и одѣяніе, и разпоряжать своими дѣйствіями (§ 152. пол. I).

VIII. Естьли изъ родителей которой нибудь умретъ, то собственная родительская власть остается при одномъ только изъ нихъ, въ живыхъ оставшемся, отецъ ли будетъ, или мать; а естьли оба умрутъ родители, тогда уже не бываетъ повиновенія и подчиненія сыновняго, или дѣтскаго, а начало свое пріемлетъ *естественное состояніе*; и хотя не останется никакихъ пожитковъ, нужныхъ для пропитанія ихъ; однако попеченіе о ихъ воспитаніи относится къ свойственникамъ, или друзьямъ достаточнымъ (§ 93. пол. III).

§ 153.

Особы, послѣ умершихъ родителей пріемлющія долгъ родительской въ воспитаніи дѣтей, называются *попечителями*, или *опекунами*; а *сиротами* тѣ, кои ввѣряются ихъ попеченію. И такъ опекуны вступаютъ во власть родительскую, безъ которой они дѣтей не могутъ принудить къ исполненію закона (§ 150).

§ 154.

Отсюда произтекаютъ слѣдующія положенія:

I.

I. Опекунамъ должно 1) разпоряжать имѣніемъ, послѣ родителей оставшимся; 2) управлять дѣйствія сиротъ, имъ ввѣренныхъ; 3) награждать тотъ ими сдѣланной уронъ, котораго могли они избѣжать (§ 93. пол. XII.); 4) наконецъ въ опредѣленное время отдавать отчетъ разпоряжаемому имѣнію.

Ибо когда они преемниками вмѣсто родителей почитаются (153), то и имѣніемъ оставшимся такъ должны разпоряжать, чтобъ сироты не понесли никакого убытка, и о ихъ поступкахъ, и о состояніи жизни такъ стараться, чтобъ они не опустили никакого случая, могущаго ихъ сдѣлать благополучными.

II. Опекунамъ позволяется повелѣвать сиротами и къ повиновенію обязывать ихъ наказаніями и награжденіями.

Ибо имъ дается власть родительская (153).

III. Сироты должны опекунамъ такъ какъ родителямъ повиноваться и ихъ любить, почитать, уважать, слѣдовательно ничего не дѣлать имъ въ самомъ дѣлѣ противнаго, и безъ ихъ согласія не вступать въ контракты.

IV. Когда сироты будутъ изобиловать прибытками, получаемыми съ имѣнія, опекуномъ разпоряжаемаго, то непремѣнно должно ему по своему попеченію всю прибыль разположить въ пользу ихъ.

V. Наконецъ сироты до тѣхъ поръ должны находиться подъ опекою, пока они сами не въ состояніи разпоряжать своимъ имѣніемъ и управлять своими дѣйствіями.

Ибо

Ибо не требуютъ они больше отъ людей воспитанія (§ 147 — 153).

ГЛАВА III.

О хозяйскомъ обществѣ, или о должностяхъ господъ и рабовъ.

§ 155.

Кромѣ общества супружественнаго и родительскаго часто упоминается о *хозяйскомъ*, или *господскомъ*; ибо гдѣ нибудь двое, или больше ихъ находится, изъ которыхъ одинъ по договору нѣкоторому имѣетъ право повелѣвать, или приказывать, а другой потому же обязанъ къ повиновенію и послушанію, тамъ и общество таковое *хозяйское* находитъ мѣсто.

§ 156.

И такъ общество *хозяйское* есть общество простое между господиномъ и рабомъ, на тотъ конецъ уставленное, чтобъ сей тому служилъ за награжденіе, или за нужныя до пропитанія касающіяся средства. И такъ въ такомъ хозяйскомъ обществѣ кто имѣетъ право повелѣвать, тотъ называется *господиномъ*, или *хозяиномъ*; а кто у него наймывается, тотъ *рабомъ*, или *слугою*; и естьли будетъ женщина, то *служанкою*, или *рабою*.

§ 157.

То право, которое въ силу договора, съ рабомъ, или рабою сдѣланнаго, имѣетъ хозяинъ, или хозяйка, называется *хозяйскою властію*; а то

то состоянie, въ которомъ рабъ, или раба должны оказывать повиновенie господину, или госпожѣ, *подчиненiемъ*, или *преданностiю*.

И такъ *подчиненнымъ*, или *подданнымъ* одинъ другому называется тогда, естьли воля его зависитъ отъ произволенiя другаго; а крѣпостной своему господину слуга называется *невольникомъ*. То состоянie службы, въ которую одинъ къ другому на извѣстное, или опредѣленное пошелъ время, называется *временною*; а естьли кто оною обязался на всю свою жизнь, имянуется *непремѣнною*.

§ 158.

Изъ оныхъ вышеположенныхъ словъ удобно нынѣ можно уразумѣть слѣдующiя положенiя:

I. Рабы должны охотно и проворно исполнять повелѣнiя господскiя, согласныя съ закономъ и договоромъ (§ 121. пол. I.); потому что рабъ не обязывается господину, какъ только по договору.

Ибо законные договоры хранить надлежитъ, а хозяйское общество относить надобно до власти надъ ними (§ 156).

II. Подобнымъ образомъ и господинъ по томужъ договору долженъ давать пищу, здоровью невредительную, и все отъ себя обѣщанное для одѣянiя съ тѣмъ, чтобъ не было ему остановки въ томъ, естьли онъ скоро не исполнитъ своего обѣщанiя.

III. Не дозволяется слугѣ прежде дня, или ночью отлучаться отъ хозяйскаго дому безъ спросу господскаго, такъ и господину не надобно отпускать ночью раба противъ его желанiя. (§ 156).

Ибо

Ибо не можно разрушить договора безъ воли и согласiя другаго (§ 121 пол. III).

IV. Хозяину, или господину приличествуетъ власть обязывать раба, или слугу къ исполненiю своихъ повелѣнiй (пол. I).

Когда слуга нанялся у господина служить для его пользы (§ 156): то въ то время, въ которое надобно господскiя дѣла исправлять, не можно ему своихъ исполнять, развѣ по согласiю господина. Но будучи свободнымъ отъ господскихъ дѣлъ, можетъ онъ безъ сомнѣнiя имѣть попеченie и о своихъ нуждахъ, потому что никакого оттуда господину не произходитъ вреда, или ущерба.

А господину надобно усматривать прилѣжанie и проворность рабскую въ исполненiи своихъ приказанiй, и весьма ласково исправлять его ошибающагося, особливо сначала, когда онъ еще неизвѣстенъ будетъ о волѣ господина своего: тѣмъ самимъ охоту ему и поощренie придастъ къ продолженiю рачительнѣйшей службы.

V. Слуга долженъ прiумножать выгоды господину своему во всякомъ случаѣ; напротивъ того и господину надобно пещися о благосостоянiи слуги своего.

Ибо когда всякое общественное добро предпочитается добру, внѣ общества и товарищества находящемуся (§ 128, пол. XI.): то общественная любовь особеннымъ образомъ въ разсужденiи господина единственно относится до слуги, и напротивъ того въ разсужденiи слуги до господина. См. Сенека письмо 47, въ которомъ онъ много и весьма благоразумно разсуждаетъ о со-

состоянiи рабовъ и о обязательствахъ господскихъ.

VI. Слуга долженъ господина своего, или хозяина любить, бояться и почитать.

Чему точно тѣжъ правила научаютъ, въ которыхъ мы утвердили все наставленiе наблюдать сиротамъ къ своимъ опекунамъ (§ 154 пол. III).

VII. И естьли слуга по своему нерадѣнiю причинитъ господину какой либо уронъ, котораго можно было ему избѣжать: то и сей ущербъ непремѣнно долженъ онъ наградить (§ 93 пол. XII).

VIII. Не дозволяется и господину съ рабомъ своимъ такъ безчеловѣчно и немилосердно поступать, чтобъ жизнь ему была горчѣе и несноснѣе самой смерти.

Ибо всякой господинъ, такимъ образомъ поступающiй, противъ договора учиненнаго поступаетъ. Однако слугу своего, естьли онъ добровольно не хочетъ исполнять должности своей, можно укрощать, и съ умноженiемъ наказанiя можно его понуждать къ наблюденiю своего званiя.

§ 159.

Все оное представлено о подчиненныхъ свободныхъ, или вольныхъ рабахъ; послѣ сего мы уже представимъ положенiя, касающiяся до *крѣпостныхъ рабовъ*, или *невольниковъ* (§ 157).

I. И такъ невольникъ, или крѣпостной рабъ долженъ всѣ господскiя исполнять приказанiя со всевозможнымъ старанiемъ и удовольствiемъ, только бы не были онѣ противны закону естественному.

Ибо

Ибо естественное обязательство по причинѣ непремѣняемой въ законѣ естественномъ сущности есть и само непремѣняемое и неразпоряжаемое (§ 36. пол. X).

II. Рабъ, которой вѣчно пошелъ къ господину служить, сталъ быть уже ему подчиненный до конца своей жизни.

Ибо кто въ такую службу къ другому пошелъ, тотъ не только свои дѣйствiя повелѣнiю другаго навсегда и съ покорностiю по его жизнь, но и самое свое тѣло и всего себя долженъ отдать на его власть.

III. Надобно также для крѣпостнаго раба непремѣнно господину промышлять о пищѣ и одѣянiи, и не налагать работы выше силъ его, отъ чего здоровью его можетъ вредъ воспослѣдовать.

А естьли крѣпостной рабъ станетъ отговариваться исполнять надлежащую работу, то можно для него всѣ позволительныя употребить средства, понуждающiя къ повиновенiю, только бы не были онѣ противны любви общественной, потому что въ иномъ случаѣ будетъ тщетное приказанiе господское.

IV. Къ раболѣпству, или къ невольной службѣ совсѣмъ не надобно того понуждать, которой въ свободномъ состоянiи можетъ промышлять о своихъ житейскихъ нуждахъ.

Всякой человѣкъ со всевозможнымъ своимъ старанiемъ долженъ прiумножать благополучiе другому, или ближнему своему (§ 93. пол. IV); а состоянiе всегдашняго и неограниченнаго раболѣпства содержитъ въ себѣ премногого сомни-

 тель-

тельнаго щастія, потому что господинъ можетъ право свое употребить и на зло въ разсужденіи крѣпостнаго раба.

ГЛАВА IV.

О домѣ, или фамиліи.

§ 160.

Довольно явствуетъ, что простыя, или малыя общежитія, о которыхъ мы по сіе мѣсто говорили, никогда не составляются такъ, чтобъ не было въ одномъ собраніи иногда больше, иногда меньше людей. Таковое изъ одного, или больше простыхъ обществъ собранное общежитіе обыкновенно издревле называютъ *домомъ*, или *фамиліею*. И есть оно, или *совершенное*, естьли всѣ онѣ, а имянно замужнія, отечественное и хозяйское соберутся въ одинъ домъ; или *несовершенное*, естьли только два собраны будутъ.

§ 161.

Кто первенство имѣетъ надъ всѣми въ одно какъ бы тѣло собравшимися малыми общежитіями, тотъ называется *головою всей фамиліи*; а въ особенности, естьли онъ будетъ мужеска пола, *хозяиномъ*, а естьли женскаго, *хозяйкою*, прочіежъ люди имянуются *домашними*.

§ 162.

И такъ когда голова фамиліи въ женатомъ общежитіи какъ *мужъ*, въ отеческомъ какъ *отецъ*, въ хозяйскомъ какъ *господинъ*, хотя временный, или

или навсегдашній, по справедливости почитается: то какъ мы выше видѣли, какія въ оныхъ общежитіяхъ приличествуютъ должности и права мужу, отцу и хозяину, или господину, тѣжъ самыя, съ тѣмъ только, чтобъ ихъ не было ни больше, ни меньше, весьма принадлежатъ и до одной *головы фамиліи*.

§ 163.

И такъ о взаимныхъ фамиліи правахъ и должностяхъ слѣдующія надобно примѣчать положенія:

I. Хозяину приличествуетъ власть надъ всемъ домомъ, а хозяйка развѣ только имѣть будетъ оную по согласію хозяина.

Ибо мужу приличествуетъ власть надъ женою (§ 145. пол. IV); отцу надъ дѣтьми (§ 152. пол. II) и господину надъ рабами (§ 158. пол. I).

II. Хозяину надобно пещися о томъ, чтобъ согласіе было во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ для общаго во всемъ домѣ благосостоянія.

Почему когда онъ каждому изъ нихъ приказываетъ, что имъ надобно исполнять для того показаннаго конца, то никакъ безъ наказанія тому не пройдетъ, естьли кто противное учинитъ.

III. А естьли благосостояніе всего дому будетъ имѣть замѣшательство съ благосостояніемъ каждаго домашняго, тогда сему надобно предпочитать оное.

IV. Однако благосостояніе своихъ домашнихъ, или соотечественниковъ, предпочитается

 благо-

благосостоянію иноплеменниковъ, или иностранныхъ людей (§ 128 пол. XI).

V. И такъ по справедливости всякой человѣкъ обязывается въ домѣ, кромѣ домашнихъ, къ нему принадлежащихъ должностей, приумножати во всякомъ случаѣ выгоды и благосостояніе всякому другому домашнему.

Конецъ.

Сія книга принадлежитъ
Муромскому купцу
Никифору [illegible]
[illegible]
1857 года
Куплена въ [illegible]
1839 года